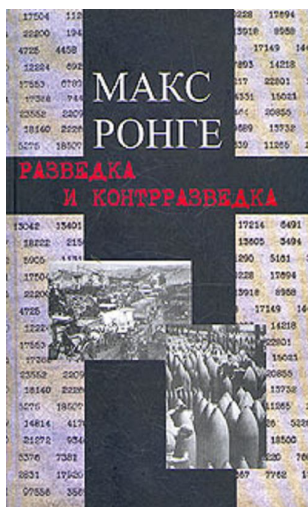

Макс Ронге

Разведка и контрразведка

Макс Ронге

Разведка и контрразведка

От издательства

Макс Ронге – офицер австрийского генерального штаба, с 1913 г. и до конца мировой империалистической войны был начальником разведывательного бюро.

Книга Ронге не дает полного представления об организации и методах работы австрийской разведывательной службы. Ронге сам предупреждает читателя о том, что «присяга не позволяет ему быть откровенным». Однако его германский коллега В. Николаи на страницах немецкой военной печати в рецензии на книгу Ронге упрекает последнего в «нескромности и в разглашении австрийских агентурных тайн, которые еще могут пригодиться в будущем».

Выпуская новую книгу, Ронге преследовал две противоречивые цели:

- 1) доказать, что австрийская разведка и контрразведка работали хорошо, и
- 2) наглядно показать буржуазии, что она, находясь у власти, оказывала недостаточную поддержку разведке и контрразведке, недоучитывала их огромную силу и значение в современном капиталистическом государстве и что поэтому разведка и контрразведка не могли полностью развернуться и реализовать все свои возможности. Этой противоречивостью целей можно объяснить много раз повторяющиеся расхождения в его утверждениях и выводах. Он жалуется, что разведывательная служба в Австро-Венгрии была до мировой войны в загоне и что ей не давали достаточно денежных средств. Но в то же время он говорит, что о противниках и союзниках австро-венгерская разведывательная служба знала все или почти все.

Далее он утверждает, что военным атташе запрещалось заниматься добыванием нужных данных о соседях агентурным способом, что разведке не разрешалось использовать в агентурных целях посольства, консульства и пр., и наряду с этим приводит хорошие и плохие образцы агентурной работы австрийских посольств, консульств и военных атташе.

В этом стремлении одновременно напугать и успокоить буржуазию Ронге не раз противоречит сам себе и впадает в противоречие с бывшим начальником австрийского генерального штаба фон Конрадом. Так, например, Конрад утверждает, что разведка и контрразведка [4] всегда находили сильную поддержку со стороны Франца-Иосифа. Ронге отрицает это. Конрад приводит свой разговор в 1909 г. с австрийским военным атташе в

Петербурге, майором графом Спанокки, тем самым опровергая две легенды Ронге: первую – о недостаточности денежных средств и вторую – о запрещении военным атташе заниматься шпионажем. Конрад пишет, что майор Спанокки высказал мысль, что «за 50–60 тысяч рублей можно было найти человека, могущего сообщить данные о новом плане русского развертывания».

На это Конрад, по его же словам, ответил, что он готов дать на это дело и 100000 рублей, но что эта сумма является крайним пределом того, что может быть дано из разведывательного фонда генерального штаба. В случае же, если бы понадобилась большая сумма, пришлось бы просить ее у министра иностранных дел.

Спрашивается, откуда генеральный штаб мог иметь такую сумму, если, по словам Ронге, он лишь с 1911 г. начал получать на разведку только 185000 крон, т. е. 68450 рублей в год?

Ронге убеждает своих бывших хозяев, что самым лучшим и действенным инструментом в борьбе против революционного движения является военная контрразведка. Он утверждает, что если бы военной контрразведке была предоставлена полная свобода действий, свержение монархии в Австро-Венгрии было бы по всей вероятности предотвращено.

Ронге упрекает также австрийскую буржуазию в том, что она якобы неохотно шла на предложение д-ра Витольда Йодко и Иосифа Пилсудского, сделанное ими от имени «польской социалистической партии» – об использовании последней в целях шпионажа прощв царской России, Фактически же Йодко и Пилсудский и их политические единомышленники были широко использованы австрийской разведкой и контрразведкой как в борьбе с революционным движением внутри Австро-Венгрии, так и в чисто шпионских целях против стран, граничащих с Австро-Венгрией.

По-видимому, все эти доводы Ронге оказались достаточно убедительными для австрийской буржуазии, и она в 1934 г. избрала его своим «спасителем», назначив начальником разведки и контрразведки хеймвера и предоставив ему свободу действий в борьбе с революционным движением.

В своем труде Ронге пытается также «убедить» в том, что шпионаж – дело «чистое», «честное», нужное и необходимое для современного капиталистического государства, что шпионаж – дело не-позорное и в то же время доходное. Эта свои положения он пытается иллюстрировать многочисленными примерами.

В книге Ронге имеется немало фактических неточностей и сознательных искажений. В некоторых случаях мы оговариваем это в подстрочных примечаниях. [5]

В частности, автор всячески старается выгородить своих «высокопоставленных» агентов по шпионажу. Ронге часто повторяет, что осведомленность австрийской разведки была в большей степени через перехват радиogramм, а не в коем случае не изменой высшего командования, как думали в России. Он, например, утверждает, что бывший военный министр Сухомлинов и полковник Мясоедов никогда не были связаны с австро-немецкой разведкой и тем более не являлись ее агентами.

Теперь уже точно установлено, что эти оба лица и их окружение были шпионами Германии и что даже продажное царское правительство вынуждено было Мясоедова казнить, а Сухомлинова отстранить от должности и заключить в крепость.

В книге Ронге приведено много фактического материала, характеризующего организацию и технику работы разведывательных служб современных капиталистических стран. В ней показаны современные средства разведки, практическое их применение и взаимодействие.

Среди других сведений военный читатель найдет в книге Ронге сравнительно подробные данные о подготовке австро-венгерской разведывательной службы к работе во время войны.

Основное острие австрийская разведка вкупе с немецкой направляла против России. Еще задолго до мировой войны были созданы шпионские центры во всех стратегических

пунктах вдоль западной границы.

Ронге приводит много данных о том, как шпионы внедрялись в военные объекты еще в мирное время, как осуществлялась диверсионная деятельность.

Характерно отметить, что эти мобилизационные мероприятия разведывательной службы были рассчитаны так, чтобы предшествовать мобилизационным мероприятиям общего порядка. В частности, перевод разведывательной службы на военное положение предусматривается в три приема: первая стадия усиленной разведки – «на политическом горизонте сгущаются тучи»; вторая стадия – «политический горизонт закрыт тучами» и третья стадия – перевод разведывательной службы на военное положение – «война объявлена, идет общая мобилизация».

Заслуживают внимания военного читателя также и данные о разведывательной службе войсковых штабов. Оказывается, что в мирное время разведывательное бюро генерального штаба Австро-Венгрии не занималось вопросами войсковой разведки. Подготовка войск к разведывательной службе в общей тактической учебе не проводилась, за исключением конницы, боевая подготовка которой проходила под знаком разведки. Но даже, несмотря на это исключение, австрийская конница, как показал опыт мировой империалистической войны, оказалась неподготовленной и неспособной выполнить разведывательные задачи.

В общевойсковых штабах, не было ни одного специального работника, [6] ведавшего вопросами добывания сведений о противнике. Этим вынуждены были заниматься сами командиры батальонов и полков, а в штабах дивизий и корпусов – оперативные работники по совместительству. При штабах корпусов и отдельно действующих дивизий находились уполномоченные разведывательного отделения штаба армии, возглавлявшие только агентурную работу.

Такое положение существовало до 1917 г., когда в штаты батальона была введена должность офицера-разведчика, а в дивизиях и корпусах эти обязанности были возложены на одного офицера оперативного органа.

В 1917 г. каждая пехотная дивизия получила по четыре группы (поста) наземных наблюдателей, вооруженных стереотрубами и биноклями; каждая кавалерийская дивизия – по три группы и армейские корпуса – по одной группе наземных наблюдателей.

Характерно, что при смене или переброске войскового соединения на другой участок фронта несколько наблюдателей во главе с унтер-офицером оставлялась на прежнем месте и переходило в подчинение вновь прибывшего соединения, т. е. они были прикреплены к определенной территории, а не к соединению или части.

Тот же территориальный принцип австрийцы применяли в отношении агентуры, радиостанций и телефонного перехвата и подслушивания.

Особого внимания заслуживают данные об организации службы радиоперехвата и подслушивания телефонных разговоров и об австрийских успехах в дешифровании переписки противника.

В книге Ронге немало недостатков, неточностей, недоговоренностей и, как мы уже упоминали выше, даже сознательных искажений. Однако, несмотря на это, она представляет интерес для ознакомления с целями и задачами шпионажа, с практикой и техникой шпионской и диверсионной работы разведывательных органов капиталистических стран. [7]

Глава 1. Развитие военной разведывательной службы в Габсбургской монархии

Разведывательная служба с незапамятных времен была спутником войны. Для всякого командования столь же важно добыть сведения о противнике, как и скрыть от противника свою обстановку и свои намерения. Организация разведывательной службы выросла постепенно вместе с развитием военного дела. Этот особый орган постоянно сводил в одно целое результаты своей деятельности, а военный начальник использовал их в качестве основы для своего решения.

До конца XVIII века специальные разведывательные бюро создавались при штабах высшего командования только в военное время. Они работали под руководством офицеров штаба генерал-квартирмейстера (с 1865 г. названного генеральным штабом), тоже существовавшего лишь в военное время. Разведкой занимались дипломаты. Благодаря тому, что офицеры и солдаты очень часто переходили из одной армии в другую, положение иностранных армий не составляло тайны. Большие пешие походы войск создавали благоприятные условия для добычи военной разведкой сведений о противнике. Кроме того, служба разведки в значительной степени упрощалась благодаря однородности войск, среди которых существовали одинаковые тактические и стратегические (оперативные) воззрения.

Во время войны против французской революции стало очевидным, что прежняя линейная тактика устарела. Обстановка изменилась. Войска постепенно разделялись на группы, корпуса, объединявшиеся лишь на поле битвы.

Это значительно повысило требования, предъявлявшиеся к разведывательному аппарату. Разведывательные органы были поставлены перед необходимостью подбора еще в мирное время способных и вполне надежных людей и подготовки их для разведывательной работы на будущих театрах военных действий. Франция, подавая пример, шла в первых рядах, и успехи Наполеона [8] во многом объяснялись великолепной работой разведывательной службы.

В 1864 г. аппарат австрийского разведывательного бюро имел в своем составе уже 13 офицеров и 1 унтер-офицера. Характерно отметить, что в 1864 г. во время войны с Данией разведывательное бюро, организованное при 6-м армейском корпусе, имело так мало работы, что его руководитель капитан Вильгельм фон Грюндорф принял на себя еще обширное наградное дело.

Разведывание Пруссии было начато в марте 1866 г. Его вели окружные инстанции в Богемии, Моравии и Силезии, командование крепости Йозефштадт, временное окружное командование Троттау и местное генерал-командование в Моравии. В то время особенно выдвинулся австрийский генеральный консул фон Грюкнер в Лейпциге, который и после оставления своего поста, в связи с вторжением пруссаков на нашу территорию, держал связь с тайными агентами.

В созданной 15 мая 1866 г. главной квартире северной армии разведслужбе руководил подполк. Карл фон Тегетгофф так хорошо, что по выражению знатока этой войны генерала Фон Штейница, операции были подобны игре с открытыми картами, тогда как пруссаки сильно в этом отстали. Так же хорошо работала служба разведки против Италии.

С середины ноября 1866 г. в работе разведывательной службы наступило затишье. Связь с гражданскими властями была совершенно утеряна. Только со времени франко-германской войны 1870–1871 гг. разведывательная служба получила некоторую устойчивость.

В 1872 г. было издано «руководство разведывательной службы», имевшее в виду главным образом значительно усилившегося противника на юго-западе – Италию. Этим руководством, в целях экономии, было упразднено ведение военной разведки в мирное время.

Введение всеобщей воинской повинности почти во всех европейских государствах, сокращение сроков мобилизации, развитие и улучшение железнодорожной сети, ускорявшие сосредоточение войск на границе., – все это настоятельно требовало ведения разведки еще в мирное время, ибо в противном случае навряд ли разведывательная служба могла своевременно создать столь необходимую во время войны агентурную сеть в стране противника. Об этом, конечно, не думали художники бережливости, которым жаль было тратить деньги на оплату агентов в течение, может быть, многих мирных лет. Наблюдение [9] за иностранной военной организацией и за все чаще и чаще появляющимися новинками военной техники предполагалось передать, главным образом, военным атташе, институт которых мало-помалу вводился при посольствах и представительствах всех государств.

При существовавшей тогда сравнительной простоте военного дела для искусного

военного атташе было нетрудно выполнять эти задачи. Таким путем разведывательное бюро получило через военного атташе итальянскую мобилизационную инструкцию, ежегодные отчеты русского военного министра царю, материалы об организации русской армии в военное время и прочие вспомогательные документы. Способные и опытные военные атташе подолгу оставались на своих местах. Так, например, военный атташе в Петербурге Эдуард Клепш пробыл на этой должности 25 лет (1875–1900 гг.).

В то время разведывательным поездкам офицеров за границу не чинилось особых препятствий. В период, с 1874 г. по 1882 г. таких поездок совершалось до 20 ежегодно. Сверх того министерство иностранных дел, по желанию военного ведомства, охотно прикомандировывало офицеров к консульствам. В школах дипломатов и в восточной академии ввели преподавание военных предметов.

Начиная с 1877 г., ирредентистские стремления в южном Тироле, питаемые го Италии, принудили военные инстанции: усилить разведку. В этом отношении разведывательному отделению военного командования в Инсбруке помогали пограничные полицейские отделения, триентская полиция, отдельные жандармские посты и ближайшие консульства. Было приступлено к систематическому разведыванию итальянских укреплений на тирольской границе. В 1908 г. фортификационное разведывательное бюро военно-технического комитета было включено в состав разведывательного бюро генштаба. Главное командование в Сараеве приняло на себя разведывательные обязанности, выполнявшиеся ранее местным генеральным консульством.

С начала 70-х годов Россия стала уделять повышенное внимание Галиции. Впервые разведывательное бюро генштаба начало борьбу с разведкой соседей, т. е. стало заниматься контрразведкой. После оккупации Боснии натянутые отношения усилились. Все отчетливее вырисовывалась опасность войны, и с 1882 г. австрийские консульства в России переключились на энергичную работу по разведке. Сии проявляли столь большое усердие, что одному из них – консулу в Москве, Стефану Буриану фон Раен (впоследствии министр иностранных дел) – [10] пришлось предложить несколько ослабить его разведывательное рвение.

Во главе австрийского разведывательного бюро после полк. Адольфа Леддина (1876–1879 гг.) стояли полк. Карл фон Риш (до 1882 г.), полк. Гуго фон Биллимек (до 1886 г.) и полк. Эдмунд Майер фон Марнегг (1892 г.). При двух последних разведывательная служба быстро развилась. Уже с 1885 г. в разведывательном бюро генштаба пришлось создать специальную группу, руководившую разведыванием России при содействии разведывательных отделений штабов I и II корпусов в Кракове и Львове, а с 1889 г. – и X корпуса в Перемышле. Через 4 года было утверждено временное «Наставление по ведению Военной разведки в мирное время». Это наставление касалось исключительно разведки против России и узаконило ее ведение в мирное время.

На это дело ежегодно отпускалось 60 000 гульденов, что дало возможность содержать в России около сотни тайных агентов.

Русские в то время еще сильно отставали в деле разведки, которая велась ими без системы и без энергии неприспособленными для этого органами и недостаточно обученными, агентами. В то же время русская контрразведка, благодаря многочисленной полиции, стояла на высокой ступени. Между прочим, в ее сети попался поручик фон Урсин-Прушинский, вступивший во время своей «миссии» в связь с некоторыми из тайных агентов и скомпрометировавший, кроме того, успешно работавшего по разведке вице-консула в Варшаве Юлиуса Пинтера (офицер генштаба, с 1883 г. по 1885 г. работал в разведывательном бюро генштаба). Этого великолепного разведчика мы были вынуждены в 1889 г. отозвать. Впоследствии министр иностранных дел выразил желание сократить подобные «поездки» офицеров и ограничил содействие своих органов разведывательной работе лишь исключительными случаями.

С тех пор началась глухая борьба между разведывательными органами обоих государств. Уже в 1889 г. в Галиции был осужден первый русский шпион. Другой,

австрийский дезертир Венцель Марек, энергично занялся кражами и ограблениями военных канцелярий. В 1887 г. ему в руки попали планы крепости Перемышль, которые он и передал в Варшаву. Не зная о хороших отношениях, завязавшихся между разведывательным бюро генштаба и начальником германской разведки майором фон Беккером, Марек позволил в 1890 г. органам австрийской «контрразведки завлечь себя на германскую территорию, где он и был арестован и выдан для суда Австрии. [11]

Русские немедленно взяли реванш. Им помогло то обстоятельство, что австрийские агенты работали группами. Это была большая ошибка нашей разведслужбы, так как арест одного агента, особенно начальника группы, тянул за собой остальных. Таким образом, из-за Марека пострадало 28 человек нашей агентурной группы Киев – Житомир – Волочиск, а также некоторые агенты в Варшаве, среди последних – один очень ценный.

В последующие годы русские в достаточной мере удачно продолжали свою охоту за шпионами. Даже один слепой, т. е. с виду совершенно непригодный агент, не ускользнул от их внимания и должен был идти в Сибирь наравне со своими зрячими помощниками, которых он сумел себе подобрать. Однако это не помешало нашему разведывательному бюро быть блестяще информированным о России, при поддержке военно-уполномоченного в Петербурге и особенно благодаря одновременно с ним назначенному военному атташе штабс-капитану Эрвину Мюллеру. Были добыты даже планы русского развертывания, а также секретные одноверстные карты.

К тому времени австрийцам удалось углубить совместную работу с германцами и наладить обмен секретными данными о России. Германская разведывательная служба была проведена по книгам австрийского разведывательного бюро генштаба как источник № 184.

Недостаток в офицерах генерального штаба, владевших русским языком, старались восполнить тем, что, начиная с 1890 г., ежегодно отправляли двух офицеров для изучения языка в Казань. Эту уступку мы с трудом вырвали у русского военного министра Ванновского.

Это было время высшего расцвета австрийского разведывательного бюро, продолжавшегося сто 1903 г. Несколько офицеров было послано в качестве тайных агентов в Италию. В Белграде работал майор генштаба Евгений Гордличка, бывший в такой милости у короля, что ему не повредило даже заявление быв. австро-венгерского консульского агента в Неготше Радованова о том, что Гордличка занимается разведкой. Консулы Юлиус Писко (Янина, Ускюб, Салоники), Гектор де Роза (Ниш), Альфред фон Раппапорт (Призрен) и консульский чиновник Адольф фон Замбаур (Ускюб) великолепно освещали Балканы. Вновь созданные разведывательные пункты в Темешваре (1889 г.), а также при командовании военного порта в Каттаро (1898 г.) дополняли разведку, направленную против Сербии и Черногории.

Само собой разумеется, что и остальные государства в деле [12] разведки от Австрии не отставали. Они привлекали к разведывательной работе всякие элементы, ни в малейшей степени не считавшиеся ни с какими нормами нравственного свойства в отношении своих хозяев. Нередко они работали на две стороны (двойники), нередко были просто обманщиками. Они старались выманивать деньги или доставлять хозяину фальшивые /документы (шантаж). Шпионаж тогда был в мирное время малоопасным занятием, поскольку законодательство того времени угрожало сравнительно небольшой карой. В Австрии высшей мерой наказания было 5 лет каторжных работ, в Венгрии – только тюремное заключение. Выдача военной тайны стала считаться преступлением по закону лишь много позднее.

Первый современный уголовный кодекс против шпионажа ввела в 1886 г. Фракция, однако и этот кодекс отличался еще своей мягкостью. За Францией последовали Англия и Италия – в 1889 г., Россия – в 1892 г. и Германия – в 1893 г. После этого и в Австрии приступили к составлению проекта нового закона, который, однако, только в 1896 г. был представлен в парламент министерством.

Таким образом, в Австрии шпионы, которых удавалось захватить, отделялись очень

дешево. В 1897 г. в руки жандармерии попал человек, с большой ловкостью внушивший к себе доверие военных кругов и сумевший незаметным образом выведать секретные сведения. Это был Пауль Бартман, быв. обер-лейтенант, работавший у русского военного атташе в Вене полк. Зуева и его помощника подполк. Воронина. Он работал вместе со своим сообщником Ваничеком в течение 6 лет в Галиции, пока не был арестован при разведке железной дороги. Он был присужден к высшей мере наказания – к 5 годам. Был также арестован по обвинению в шпионаже бывший железнодорожный служащий Карл Сария. Его арест привел к обнаружению целой организации, работавшей в Бельгии, в Ницце и в других крупных странах и городах. Организация эта занималась, главным образом, «обманным шпионажем». В этой же организации находился еще другой железнодорожный служащий Пшиборовский, быв. германский лейтенант Вессель и некая Матильда Беймлер. Раскрыть ее удалось благодаря совместной работе с германским генштабом, также пострадавшим от работы этой организации.

В 1902 г. разведывательной деятельности против России был нанесен тяжелый удар. В Варшаве был арестован германский агент – русский подполковник Гримм {1}. Следствие выяснило, что [13] он поддерживал сношения с майором Эрвин Мюллером, отозвание которого теперь стало неминуемо. В нем мы потеряли энергичного и толкового работника. В дальнейшем, когда в 1903 г. мюрцштегерское соглашение, казалось, привело к сближению с Россией, и когда год спустя война с Японией всецело поглотила внимание царской империи, новый начальник разведывательного бюро подполк. Гордличка (1903–1909 гг.) счел возможным пренебречь разведкой против России.

Правда, поведение русских могло бы служить предостережением. Еще в 1902 г. стало известно об организации в России специальных школ шпионажа. Одновременно в Галиции появилось большое количество странных «точильщиков». Чины русской пограничной охраны все чаще и чаще стали переходить нашу границу. Отдельные русские офицеры начали изучать немецкий язык, хотя среди большого количества жителей Прибалтики и прочих германских потомков, конечно, не было недостатка в офицерах, владевших немецким языком. Одним из таких изучавших немецкий язык был капитан Михаил Галкин, позднее предприимчивый руководитель разведывательной службы в Киеве. В 1903 г. австрийская контрразведывательная группа генштаба узнала, что военный прокурор ландвера, подполк. Зигмунд Гекайло, занимается шпионажем в пользу России. Ему удалось сбежать, но на его следы навело письмо, отправленное им на родину из Бразилии. С затратой 30 000 крон и при помощи властей Бразилии Гекайло удалось арестовать и доставить в Австрию. Другим признаком несомненной шпионской деятельности русских было нападение в том же году на штаб кавдивизии в Станиславове. Были похищены мобилизационная инструкция и шифр мирного времени. Подозрение пало на разжалованного командира взвода Антона Боднара, скрывшегося в Нью-Йорке. В апреле 1904 г. он вернулся обратно в Галицию. Его уличил кусок занавески с окон штаба кавдивизии, найденный в его дорожном чемодане {2}.

. Руководитель разведывательной службы штаба Варшавского военного округа полк. Батюшин также развивал кипучую деятельность. На это указывает случай двойного шпионажа пенсионера лейт. Болеслава Рояя. После того как этот человек был принят на службу в качестве австрийского агента в Кракове, он в 1906 г. выехал с рекомендацией графа Кемеровского в Варшаву к полк. Батюшину и заслужил себе честь и славу как осведомитель о германских маневрах при Лигоице, где он присутствовал [14] под видом корреспондента. После этого он вернулся обратно в Австрию и просил военное министерство дать ему фальшивые документы для введения русских в заблуждение. Привлеченный к ответственности, он сознался в своих сношениях с Батюшиным. От него хотели узнать условный адрес последнего, а также шифр его сообщений, но Рояя отказался это сообщить. После этого мы ему дали возможность бежать и удовольствовались отдаленным наблюдением за этим сомнительным господином.

В этом же году появилось объявление в «Нейе Фрейе Прессе», а также в германских газетах о том, что некий г. Гольтон вербует в Париже бывших кадровых офицеров для

«колониальных дел». Несколько претендентов были изумлены, когда Гольтон после краткого вступления прямо перешел к военным вопросам и в достаточно незамаскированной форме поставил вопрос о шпионаже. Они сообщили об этом нашему разведывательному бюро, догадавшемуся, что за Гольтоном скрывается 2-е бюро французского генштаба, руководившее в то время майором Дюпон. «Пригодным» лицам мы предложили вступить в серьезный контакт с Гольтоном и в конце концов они очутились в распоряжении толк. Батюшина, чем и было подтверждено то, о чем мы только догадывались. Со времени заключения франко-русской конвенции в 1892 г., установившей взаимный обмен разведывательными данными, русская и французская разведывательные службы работали рука об руку. При помощи весьма заслуженного германского контрразведчика, полицейского советника Цахера в Познани, мы смогли арестовать дезертира Франца Недвед, состоявшего на службе у полк. Батюшина.

Таким образом, эти и другие случаи показывают, что Россия вела против нас энергичную разведку. Наша же разведывательная сеть в России состояла в 1906 г. всего лишь из двух агентов, работавших на разведывательное бюро генштаба. Даже изучение языка в г. Казани было в том же году приостановлено из финансовых соображений.

Конечно, невыгоды этого изменения курса дали себя почувствовать не сразу. Незадолго до этого мы добыли за 10000 рублей план русского развертывания. Это случилось как раз перед вызвавшим большой шум делом о шпионаже полк. Леонтьева в России. Русско-японская война дала великолепную возможность наблюдать за русской армией. Это дело было возложено на подполк. Макса Чичерин фон Бачани, капитана графа Щептицкого (Станислава) на русской стороне и [15] на военного атташе в Токио майора Адальберта Данн фон Гиармата и обер-лейтенанта Эрвина Франца – на японской стороне. В частности, граф Щептицкий находился при кавкорпусе Ренненкампа и хорошо ознакомился с русской конницей. Попутно с этим обогатились наши сведения о разведывательной службе во время войны, причем оказалось, что японская разведка далеко обогнала русскую.

Пренебрежение разведкой против России казалось не опасным, так как в 1906 г. открылись первые перспективы снова быстро возродить агентуру в случае конфликта. Д-р Витольд Иодко и Иосиф Пилсудский от имени польской социалистической партии предложили штабу военного командования в Перемышле в качестве эквивалента за поддержку их стремлений использовать свою разведку. Если в Вене не были склонны даже временно согласиться на такой эксперимент, то все-таки в случае нужды у нас было бы «железо в огне».

Все это облегчило принятие решения, к которому было вынуждено разведывательное бюро, так как в тот момент на первый план выступили соседи на других границах. Ежегодные ассигнования на разведку достигли суммы в 120 000 крон. Со времени убийства короля в Белграде отношения с Сербией становились все более и более напряженными. Полк. Гордличка, в качестве большого знатока обстановки, взялся за создание разведывательной службы против беспокойного соседа, а также против Черногории. Он же наладил систему связи для надежной доставки сведений в случае войны, для чего, по преимуществу, должны были быть использованы почтовые голуби, доставлявшиеся в Сербию из вновь созданных разведывательных пунктов Петервардейна, а также из Боснии.

Еще более опасной оказалась позиция члена тройственного союза – Италии, переключавшей на Австро-Венгрию свою разведку, ведущуюся до 1902 г. главным образом против Франции, и начавшую с повышенной энергией проводить ирредентистскую пропаганду. Итальянские офицеры очень часто стали приезжать в район, граничащий с Австрией. Их работа там, руководившаяся военным атташе в Вече, носила явно шпионский характер, и мы вынуждены были перейти к арестам. Правда, арестованных скоро отпускали на свободу, потому что наше министерство иностранных дел <не желало портить отношений и создавать размолвки с союзником.

Особую тревогу вызвали у нас сообщения о подготовлявшемся вторжении в южный Тироль отрядов, о деятельности Риотти Гарibaldi, а также о приготовлениях к

вооруженному [16] выступлению против нас в случае смерти Франца-Иосифа. Наше внимание обратило на себя то обстоятельство, что союз «За Триенто и Триест» развивал оживленную деятельность, а «председатель его местной группы «Венеция» граф Петр Фоскари очень часто приезжал в Каринтию, где он имел поместье. Однако старания министерства иностранных дел – не скомпрометировать себя – оказывались тормозом во всех мероприятиях контрразведывательной службы. Все же контрразведка была усилена и на помощь ей была привлечена пограничная стража.

В 1903 г., для того чтобы уплотнить агентурную сеть, был создан разведывательный пункт при 3-м корпусном командовании в Граце.

Весьма кстати; в это время было сделано предложение одним господином, вначале называвшимся «С. С. 60», а потом «Дютрюк», который за соответственное вознаграждение доставил нам итальянскую мобилизационную инструкцию, железнодорожные трафики и пр. Вначале невозможно было установить, откуда он получал свои материалы, за которые он однажды по своему желанию получил красивые серьги. Но уже в 1902 г. итальянцы заподозрили капитана Джерарда Эрколесси в том, что он занимается шпионажем. Однако они еще не оказались достаточно находчивыми, чтобы поймать его с поличным. Руководивший наблюдением обер-лейтенант карабинерских войск Бле вел себя настолько неумело, что сицилианские власти начали за ним охоту, как за шпионом. Наконец, в 1904 г. Эрколесси был уличен в государственной измене в пользу Франции. С этого момента прекратилась доставка донесений и со стороны «Дютрюка», который горько жаловался разведывательному бюро на то, что этот случай весьма повредил ему. Было ясно, что он был посредником между Эрколесси и французской разведслужбой и одновременно использовал попадавший в его руки материал для продажи его нам. Лишь впоследствии выяснилось, что за «Дютрюком» скрывался французский капитан Ларгье, работавший во французской разведывательной службе и за спиной своего начальника перепродававший документы, добытые для Франции.

Дело Эрколесси затруднило ведение разведки в Италии как раз в то время, когда усилились слухи об итальянских фортификационных работах на восточной границе. Установление этого факта приобретало особенное значение потому, что это означало вынос вперед района развертывания и позволяло делать определенные выводы об оперативных замыслах Италии в случае войны. [17]

Официальная Италия, подобно австро-венгерскому министерству иностранных дел, делала вид, что ничего не знает о существовании шпионажа союзника, и дошла до того, что донесла на некоего Умберто Диминича, предложившего итальянскому морскому министерству копии с чертежей австро-венгерских кораблей. По нашим сведениям, итальянцы этим «товаром» были уже обеспечены и указанием на Дкминича желали вызвать нас на выдачу им итальянцев, продававших итальянские секреты.

Диминич был арестован и признался, что он сбыв эти чертежи русскому военному атташе в Вене, полк. Владимиру Роопу. При судебном разбирательстве была соблюдена такая деликатность, что покупатель чертежей даже не был назван.

На это обстоятельство возлагал некоторые надежды и итальянский военный атташе в Вене, подполк. Чезаре Дельмастро, весьма честолобивый и желавший творить чудеса в разведке. Но ему не везло. Одному из своих агентов, по-видимому, считавшемуся особенно надежным и ценным, он не только предложил посетить Италию, но и сообщил ему миланский пароль офицера-разведчика, капитана Читтадини – «Пьетро Аливерти». Этот пароль играл в итальянской разведслужбе такую же важную роль, как пароль «герцог» – во французской. {3}

В январе 1905 г. состоялась встреча этого агента с руководителем итальянской разведки в Лугано. Доставленные агентом документы вызвали огромный интерес, и он был щедро вознагражден. Итальянцы мало догадывались о том, что документы были фальшивками, изготовленными в венском, разведывательном бюро. Это в значительной степени облегчило нам разоблачение итальянских шпионов. Агент нашего

разведывательного бюро очень хорошо сыграл свою роль и был не прочь продолжать игру. Однако на этот раз, в интересах дела, было сделано исключение, и мы не были склонны тратить время и силы на изготовление фальшивок.

Раскрытие пароля скоро дало себя почувствовать подполк. Дельмастро. Некто Пьетро Контин и его любовница привлекли наше внимание своими связями с Дельмастро. Прежде чем их арестовать, мы в течение нескольких месяцев за ними наблюдали. После их ареста Дельмастро утверждал, что Контин служил у него переводчиком. Однако следствие и [18] суд установили, что Контин пользовался паролем «Пьетро Аливерти», и он был осужден. Дельмастро же после продолжительного сопротивления был вынужден покинуть свой пост.

Глава 2. Мое поступление на работу в разведывательное бюро генштаба

Осенью 1907 г. я был вызван в Вену. Начальник разведывательного бюро полк. Евгений Гордличка опросил меня, какими языками я владею. Хотя во время учебы, а также в течение службы в качестве офицера в разных государствах я изучил или начал изучать 8 языков, я отважился сослаться на мое знание лишь французского, английского и итальянского языков. «Этого достаточно», – заявил полк. Гордличка. Так поступил я на службу в разведывательное бюро.

Однако обладаю ли я достаточными познаниями? – спрашивал я самого себя. За мной числилось 6 лет службы в армии, три года работы в генштабе и 11 лет на итальянской и русской границах, а также внутри монархии. Обширное государство я прошел по всем направлениям. Довольно ли было этого? Мысли о шпионаже, секретных заданиях, переодеваниях, фальшивых бородах, залах судебных трибуналов, о Сибири, Чертовом острове преследовали, меня до бреда.

12 ноября 1907 г. я приступил к исполнению своих служебных обязанностей в качестве руководителя разведывательной группы, личный состав которой был весьма немногочислен, ибо к нему принадлежал еще только майор Дзиковский. Он посвятил меня в детали службы, а также обучил пользованию тайными письменными средствами, простым шифром и т. п. Первые полочки от агентов полых тростей, щеток, зеркал и тому подобных предметов, служивших для сокрытия письменных сообщений, возбуждали мою фантазию. После этого я занялся изучением организации разведывательного бюро и тактики разведки. Кроме моей группы, было еще шесть, работавших по разведыванию иностранных армий: русская, итальянская, германская, французская, английская и балканская группы. Личный состав всех перечисленных групп состоял из 9 офицеров генштаба и 5 прочих офицеров.

Непосредственная разведка была возложена на главные разведывательные пункты: в Граце и Инсбруке – против Италии; в Темешваре, Аграме, Сараеве и Заре – против Сербии и Черногории; [19] во Львове, Кракове и Перемышле – против России. В общем, там работало 15 офицеров. Работа заключалась в вербовке, обучении и отсылке агентов, в приеме их донесений, в использовании доверенных лиц, находившихся постоянно за границей, в установлении связи с этими лицами (почта, посредники, шифр, криптография, секретные чернила и т. д.). Число агентов, которые в то время находились в подчинении разведывательного бюро, было весьма незначительно, и в Италию и на Балканы часто в качестве простых разведчиков высылались офицеры.

Самым большим был денежный вопрос. Средств, ассигнованных министерством иностранных дел на «разведку», а также сумм, отпускаемых на разведку по смете генштаба, едва хватало бы на годовое содержание директора «среднего» банка. Глазные разведывательные пункты получали каждые четверть года по 1 750 крон, галицийские же пункты не получали ничего. Только после моего повторного ходатайства им была предоставлена, начиная со второго квартала 1908 г., сумма в 200 крон и отдано распоряжение об оживлении совершенно заглохшей разведывательной службы. Каким образом как раз в то время могло случиться, что русские арестовали в Варшаве нескольких

из своих офицеров по обвинению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, было загадкой. Агенты разведывательного бюро должны были довольствоваться ежемесячными вознаграждениями в 60–150 крон. Ясно, что при угрозе долгих лет тюремного заключения и нередко еще чего-либо худшего (ссылка в Сибирь) желавших работать было совсем немного. Участие прочих учреждений в разведывательной деятельности было минимальным. Правда, отдел морской разведки обменивался с нами результатами своей работы, однако его служба еще находилась в зачаточном состоянии. Военным атташе эта деятельность, во избежание неприятных последствий, была запрещена. Только Белград представлял в этом отношении исключение. Кроме того, работали офицеры, командированные в Македонию для реорганизации турецкой жандармерии. Ценной была помощь германской разведки, с которой мы работали на началах взаимности.

Скоро я вынужден был признать, что шпионажу, направленному против нас Россией, Италией, Сербией и Францией, мы противопоставили весьма незначительные контрразведывательные силы. Для контрразведывательных целей Австрия имела в своем распоряжении слабую государственную полицию, хорошо организованную в Вене и кое-как в Кракове и Триесте. Венгрия, вплоть до Будапешта, вообще не имела контрразведки, [20] так как ее пограничная полиция служила иным целям; Хорватия и Славония имели только один полицейский пункт в Землине. В особенно угрожаемых районах на итальянской границе, а также в Адриатике надежных контрразведывательных органов было крайне-мало. Было ясно, что местная полиция, одетая в форму берсальеров и альпийцев, не могла быть причислена к органам, ведущим борьбу с итальянским шпионажем и сепаратизмом. Финансовые соображения препятствовали учреждению государственной полиции. Только в 1909 г. таковая была учреждена в Аграме и Заре. Правда, жандармерия и государственная лесная стража должны были содействовать нашей работе, однако по опыту было известно, что успех работы зависел от степени согласованности личных отношений их руководителей с представителями контрразведки.

Результаты контрразведывательной работы, которые я застал, были весьма скудными. Одна книжка небольшого формата заключала в себе 250 фамилий лиц, заподозренных или уличенных в шпионаже за время с 1884 по 1903 г.

Светлым моментом были хорошие отношения с полицейским управлением г. Вены. Начальник этого управления содействовал совместной работе толково и предупредительно.

Не менее сердечными были наши отношения с венским прокурорским надзором, а также и с теми чиновниками венского высшего судебного трибунала по уголовным делам, с которыми я входил в соприкосновение как военный эксперт.

Особые затруднения создали нашей контрразведке, а в некотором отношении и нашей разведке многочисленные враждебные государству волнения в некоторых частях монархии. Не имея никакого намерения вмешиваться в политические вопросы, разведывательное бюро и разведывательные органы должны были заниматься наблюдением, и борьбой с этими явлениями. Так было на юго-западе, где ирредентизм поддерживала разведслужба римского генштаба, где итальянские подданные работали в качестве чиновников в австрийских общественных учреждениях, где итальянские подданные – горные проводники и пастухи – действовали по ту и по сю сторону границы, где ирредентистские союзы вели свою вполне определенную политику. Даже итальянское правительство, как было установлено в 1909 г. военными властями, имело на австрийской территории в бассейне Ринальто, к юго-востоку от Ала, агитационную базу, о существовании которой наши власти не имели никакого представления. Так было и на юге, где постоянно и незамаскированно велись великосербские выступления, [21] не останавливавшиеся даже перед воротами казарм. Так было и на северо-востоке, где действовали панславистские агитаторы, находившие всяческую поддержку у русских представителей. Ко всему этому присоединилось еще антимилитаристское движение, имевшее своих сторонников и пропагандистов, главным образом, в Богемии.

В то время, когда я еще занимался изучением того, чего требовала моя новая

должность, т. е. законов, организации полиции, жандармерии, пограничной стражи и административной службы, почтового, телеграфного и паспортного дела, а также службы передачи донесений внутри государства и за границей, – уже в январе 1908 г. я получил первое крупное задание: подготовка «усиленной» разведки, которая должна была начаться немедленно в связи со все более и более циркулировавшими слухами о предполагаемом вторжении итальянцев на нашу территорию в случае смерти Франца-Иосифа; Первоочередная задача «усиленной» разведки заключалась в отправке офицеров для установления возможных, превышавших потребности мирного времени, мероприятий, а также в посылке агентов в назначенные для них на случай мобилизации районы разведки. Во вторую очередь дело: шло о контрразведывательных мероприятиях: подготовке к закрытию границ, дополнении списков подозрительных и политически неблагонадежных лиц, намечении к высылке опасных иностранцев, подготовке к энергичному подавлению всякого опасного для государства движения, установлении надзора за гражданским изготовлением взрывчатых веществ, за почтово-телеграфной связью, равно как и за всеми политическими событиями. Командование и гражданские власти должны были оказывать содействие военной контрразведке.

Глава 3. Аннексионный кризис

Если Балканы являлись с давних пор политическим барометром Европы, то Сербия все более и более превращалась в тот капсюль, который угрожал взорвать минную систему политических разногласий. Проектировавшаяся Австро-Венгрией постройка железнодорожной линии в Салоники через Новобазарский санджак вызвала весной 1908 г. безудержную травлю со стороны Сербии. Это заставило нас арестовать целый ряд лиц по обвинению их в государственной измене, десять из [22] которых были приговорены, по решению военного суда, в июле 1908 г. к тюремному заключению на сроки от 2 до 8 лет. Между тем в июне в Цетинье был закончен так называемый «бомбовый процесс», причем из показаний одного свидетеля, доверенного человека наследника сербского престола Георгия Настича, был установлен факт предполагавшегося убийства черногорского князя, являвшегося помехой для объединения Черногории с Сербией. Это должно было произойти с ведома родственного ему кронпринца с помощью бомб из сербского арсенала в Крагуеваце.

Все эти события ясно показали, чего надо было ожидать со стороны сербов в случае аннексии оккупированных нами района. Поэтому вполне понятно, что с середины 1908 г. разведывательной службе пришлось заняться подготовкой этого выступления Австро-Венгрии. Накануне сообщения, в 5 часов 5 октября, был введен в действие давно подготовленный план «усиленной разведывательной службы» против Сербии и Черногории. С этого момента для разведывательного бюро генштаба наступило «военное время». К общему изумлению аннексия вызвала бурю негодования не только в Сербии, но и в Англии, Франции, России и Италии. Нужно было глядеть во все стороны. В деле контрразведок сербы оказались необычно подвижными: арестовывали наших агентов, передатчиков почтовых голубей и предпринимали ряд других мер. Во всяком случае, эти события вызвали прилив в нашу разведывательную организацию новых сил в достаточно большом количестве и в том числе немало очень хороших элементов; даже офицеры запаса совершенно безвозмездно предлагали свои услуги. Как и следовало ожидать, в связи с многолетней подготовкой, незначительной величиной обеих стран, нормальной работой средств связи и наших представителей, разведывательная служба дала вполне положительные результаты.

Решение сербского правительства, само собой разумеется, зависело от позиции России. Однако внезапное появление многочисленных русских «точильщиков» {4} в Галиции, северной Венгрии и Буковине, а также их систематическое распределение по этим районам и наличие у них карт указывали, что Россия считалась с возможной необходимостью поспешить на [23] помощь своему маленькому союзнику. Благодаря незначительности средств, разведка, производившаяся нашими разведывательными органами, добывала лишь

маловажные сведения. Характерно, между прочим, что уже в то время поступали сообщения об оттягивании русского сосредоточения за среднее течение р. Вислы.

Сербский кризис продолжался всю зиму. К нему присоединилась еще возможность конфликта с Турцией. Прикомандированному к нашему военно-уполномоченному в Турции ротмистру фон Пфлюгель было предложено спешно объехать наиболее крупные города Турции и упорядочить разведывательную службу, находившуюся под руководством консульств. Он добился хорошего успеха и организовал в Ускюбе и Скутари сборные пункты. По прошествии нескольких критических дней, когда казалось, что война вспыхнет немедленно, и когда разведывательная работа стала вестись особенно усиленно, Сербия уступила (31 марта 1909 г.). Наследник, выступавший как поджигатель войны, исчез со сцены. Однако разведывательная служба не могла почить на лаврах, так как необходимо было зорко следить за Сербией, – действительно ли она выполняет обещания, вырванные у нее силой. Кроме того, понятный интерес вызвала и начатая сербами реорганизация армии.

Но как раз в это время произошел неприятный случай. В конце марта был арестован коммерсант Карл Мюллер, связанный с сербскими офицерами, в тот момент, когда он вышел из квартиры нашего военного атташе в Белграде, майора Танчоса. Хотя процесс Мюллера и нескольких впоследствии арестованных лиц окончился их оправданием, тем не менее, сербские газеты потребовали немедленного отъезда нашего военного атташе, необычайно деятельного и слишком перегруженного заданиями разведывательного бюро.

Таким образом, военное ведомство снова было скомпрометировано. Оно не замедлило, под давлением министерства иностранных дел, сделать соответствующие выводы. Новый военный атташе, капитан Отто Геллинек, получил строгие указания – воздерживаться от всякого шпионажа. Все же наша разведывательная служба сумела добыть сведения о будущей организации и силе сербской армии. Благодаря совместной работе с железнодорожным бюро, были также добыты все достойные изучения данные о сербской железнодорожной сети.

Удивительно, с какими незначительными средствами был достигнут этот успех балканской группой разведывательного [24] бюро, работавшей под управлением капитана Драгутина Чобана, до ноября 1909 г. руководившего разведкой против Сербии и Черногории. Ведь, например, усиленная разведка с октября 1908 г. стоила едва 70000 крон.

В это время нам предложил свои услуги б. обер-лейтенант Карл Фризе. По рекомендации члена рейхсрата Венцеля Клофача, он связался с сербом Мила Павловичем и русским журналистом Сватковским. Последний должен был познакомить его и рекомендовать начальнику отдела сербского министерства иностранных дел Спалайковичу. Все эти лица были хорошо известными нам столпами сербской разведки, так что можно было надеяться на хорошие результаты работы Фризе. Однако прошло много времени, а он не торопился с отъездом. Когда же, наконец, он прибыл в Белград, то ограничил свое первое донесение, которое поместил № 2, просьбой о высылке денег. Мы предложили ему вернуться. Не сделав абсолютно ничего, он возвратился в Вену и потребовал 20 000 крон за свои вещи, якобы оставленные в Белграде, а также как возмещение за обеспеченное за ним Спалайковичем место. Пострадавшим оказался Клофач, на которого жестоко напали чешские газеты, так как он дал одному из агентов австрийского генштаба рекомендательное письмо к сербским друзьям. Само собой разумеется, он ничего не знал о работе Фризе в разведывательном бюро и стремился лишь к тому, чтобы дать сербам военно-образованного шпиона. Его земляки скоро успокоились, ибо они уже тогда очень хорошо знали, в каком лагере находился этот «народный» представитель.

Нам хорошо было известно, что центром сербского шпионажа и агитационной работы было сербское генеральное консульство в Будапеште. Учреждение новой контрагентуры при будапештском штабе 4-го корпуса означало борьбу и желание иметь соединительное звено с венгерскими властями, которые в отношении контрразведки постоянно оставались до сих пор позади австрийцев.

Другой центр шпионажа был у русского консула Пустошкина во Львове.

Воспользовавшись действиями шпиона Мончаловского, мы принудили его, наконец, покинуть свой пост. Но чувствовалось, что были еще и другие центры и среди них некоторые из военных атташе. Однако венская полиция, прежде охотно нам помогавшая, отказалась вести наблюдение за военными атташе из боязни могущих иметь место неприятностей. Оказалось также необходимым наблюдать за той частью наших военнослужащих, расходы которых не соответствовали [25] доходам, за гостиницами, игорными залами и увеселительными заведениями, а также следить за корреспонденцией, за движением путешественников и т. п. Находившийся же в нашем распоряжении аппарат едва ли был достаточен даже для того, чтобы разобраться в поступающих заявлениях и вести наблюдение за некоторыми подозреваемыми.

Обнаруженная, в связи с аннексионным кризисом, опасность войны, а также заметное усиление шпионажа соседей, заставили, наконец, министерства взяться за обсуждение представленного еще в 1896 г. проекта нового закона о шпионаже.

Аннексионный кризис вызвал и некоторые досадные явления. Газеты уделяли мало внимания призыву – не создавать противнику безвозмездных разведывательных возможностей путем разглашения в такое опасное время наших военных мероприятий. Сначала оказалось необходимым издать строгое предупреждение. Потом, за время с ноября 1906 г. до марта 1909 г., около 200 газет было конфисковано. В большинстве это были чешские газеты, но и немецких было больше чем достаточно. Особенно неприятно удивила газета «Цейт», обслуживавшая сербов «оперативными планами».

Еще более неприятными были антимилицаристские демонстрации в Богемии, затем все более и более смелая панславистская пропаганда, склонявшая сербов к перенесению их пропаганды и разведывательной деятельности в Прагу. Замечалась также тесная связь некоторой части чешского населения с сербами и русскими. Неоднократно начальник генштаба пытался организовать главные контрразведывательные пункты при обоих корпусных командованиях в Богемии для ведения борьбы с этими действиями. И только в начале 1914 г. в Праге был создан такой пункт.

В 1909 г. по Штейнфельду (вблизи Винер Нейштадта), столь известному своими пороховыми и снарядными заводами, стали бродить подозрительные лица. Предполагали, что это были сербские эмиссары, имевшие диверсионные задания. Бдительность жандармерии и присланных на поддержку войск предупредила покушения, если они вообще предполагались. Нас это навело на мысль – использовать в будущем и это средство ведения войны (диверсию). Применение его было поручено разведывательной службе. Начиная с 1910 г., мы стали собирать сведения о железных и обыкновенных дорогах соответствующих иностранных государств, а также приступили к изысканию и изготовлению фугасных снарядов и к вербовке пригодных людей. Работа эта подвигалась крайне медленно вследствие опасения ее разглашения. [26]

В течение этих первых лет своей деятельности по разведывательной линии я имел большие возможности следить за образом действий разных шпионов. В самом начале я изучил одного провокатора, подосланного к нами французской разведкой. Однажды меня посетил некий Гейссенбергер, который раньше, в 1906 г., один раз приходил к нашему военному атташе в Париже. С иголки одетый и разряженный, он представлял собой совершенно своеобразную фигуру. Так как мы с 70-х годов прекратили агентурную разведку против Франции, то его объяснения для меня особого интереса не представляли.

15 апреля 1910 г. на квартиру полк. Гордличка (тогда уже командира бригады) явился один человек с предложением добыть за хорошее вознаграждение у некоего Гуго Лошака план крепости Перемышль. На меня выпала задача иступить в переговоры с каким-то Гуго Бартом. Сначала я дал возможность ему говорить и вскоре заметил его намерения – вывести у меня некоторые сведения путем постановки разных наводящих вопросов. Он рассказал, что свое предложение он делал уже нашему атташе в Париже, но там имеются лишь некоторые «сегменты» плана, другие же припрятаны в Австрии. По его мнению, надлежало бы этот план выманить у Поллака и предложить русским, чтобы узнать, имеют ли они уже этот план

в своем распоряжении. Старый план, который они имеют, якобы уже устарел, так как крепость была перестроена после его кражи. Само собой разумеется, что это был вздор. Я, однако, не сделал никаких замечаний, дал ему говорить до тех пор, пока, несмотря на прохладную погоду, на его высоком лбу и безусых губах не появился пот. Наконец, я узнал, что его большая осведомленность объясняется связями с французским и русским генеральными штабами. Эта личность становилась для меня все яснее и яснее и, наконец, я предложил ему продолжить переговоры на следующий день в свободном от подозрений нейтральном месте, а именно – в кафе «Европа». Этим я хотел дать возможность филерам полиции поглядеть на него и, может быть, признать, если он встретится на их пути.

Едва только Барт ушел, как было получено сообщение нашего парижского военного атташе о том, что некий Барт, который, однако, называл себя Германом, предлагал за 1 500 франков достать от Поллака план крепости. Со мной он рассчитывал сделать гораздо более выгодное дело, благодаря своей блестящей идее обмануть русский генеральный штаб. Те 100000 рублей, которые он желал при этом заработать, должны были быть честно поделены между разведывательным бюро и им. [27]

Между тем он был столь наивен, что на мой вопрос о масштабе и величине плана сказал, что масштаб плана 1:120000, и показал при этом на половину биллиарда, хотя растопыренных пальцев одной руки было бы вполне достаточно, чтобы охватить его. Этого для меня было довольно, и я приказал арестовать его. В тот же день германский генштаб запрашивал о нем, так как там он утверждал, что состоит на русской службе.

В полицейском управлении было установлено, что это был высланный из Вены и несколько раз судившийся вор Иозеф Иечес. Он признался, что состоял на службе у русских военных атташе в Вене и в Берне – у полковников Марченко и Ромейко-Гурко.

Во время рассмотрения этого дела в суде Иечес рассказал, как он был послан к полк. Дюпону (Париж, Университетская ул., 75), как он немедленно после этого передал русскому посольству в Париже полученные от Дюпона задания, как он опутал шпионской сетью почти всю Европу. Только против Австрии он не желал вести шпионаж «из любви к императору». Этот веселый процесс закончился осуждением вора и шпиона к 4 годам тюремного заключения. В апреле 1914 г. он был выпущен на свободу, но сразу же был опять отдан под суд по обвинению в попытках шпионажа в Вене.

Во время мировой войны было получено подтверждение, что сказочный план крепости Поллака в действительности был только фантазией нашего многогранного друга Иечеса. В апреле 1915 г. у захваченного перед Перемышлем в плен русского унтер-офицера были отобраны многочисленные карты. Среда последних находилась подписанная полк. Батюшиным фотографическая копия плана окрестностей крепости в масштабе 1 : 42 000, оригинал которого (масштаб 1 : 25 000) относился к 1895–1898 гг. Каким образом этот план оказался у русских, установить не удалось. Было лишь установлено, что все ротные командиры русской осадной армии имели эти фотокопии. На них были отмечены, хотя и с некоторыми неточностями, и сооружения, возведенные в самом начале войны. Это давало основание предполагать, что сведения добыты тайными агентами путем наблюдения.

Известный лесопромышленник Дамиано Чиж из Бедекки (южный Тироль) доставил в Австрию капитана итальянского генштаба Эмилио Моджиа, который беспрепятственно покинул почтовую карету у лесопильного завода Чижа, т. е. именно в том месте, где предполагалась постройка нового [28] укрепления. Об этом было доведено до сведения жандармерии. В мае 1909 г. Чиж предстал перед высшим судом, где я впервые выступил в качестве военного эксперта.

Двойным шпионом был Алоиз Перизич. После того как в 1905 г. мы отказались его использовать в качестве агента, он два года спустя написал анонимное письмо с предложением сделать начальнику генштаба разоблачения, касавшиеся шпионажа дружественной державы. Путем объявления в газетах было организовано свидание с одним из офицеров разведывательного бюро. Здесь Перизич признался, что он является итальянским шпионом, и свои разоблачения ставил в зависимость от гарантирования ему

безнаказанности. Эта гарантия ему была дана с тем ограничением, что при возобновлении шпионажа он не должен ожидать никакой пощады. Он сознался, что обслуживал и французов. Далматинские власти взяли его под наблюдение и в 1909 г. его опознали в Землине, откуда он часто ездил в Белград в качестве лесопромышленника. При аресте у него были найдены: схема организации нашей армии, военный альманах и словари, служившие шифром. Благодаря всему этому, не было никаких сомнений в его подлинной профессии. Несмотря на это, генштаб, ссылаясь на служебную тайну, отказался ответить на запрос гарнизонного суда в Аграме об агентурном прошлом Перизича, чѐм последний был «весьма удовлетворен». По отбытии тюремного наказания, он в 1915 г. снова ускользнул из-под надзора далматинцев и был рекомендован русским военным атташе в Риме своему коллеге в Берне.

Жертвой его красивой, но очень дорого стоившей «подруги», которая, в конце концов, предала и его, был молодой лейтенант Противенский, состоявший на службе «Мадам Бернагу» в Париже, на улице Мишодьер, Пансион Ирис (условный адрес пользовавшегося дурной славой подпольного бюро, куда обращался за сведениями французский генштаб).

Сапожный подмастерье Башта, уже понесший кару за подделку документов, служил в 1909 г. в 28-м пехотном пражском полку в качестве рядового. На столе своего командира батальона он нашел несколько схем, оставшихся после военной игры, снял с них копии и предложил их итальянскому посольству в Вене. Арестованный по указанию постороннего человека и прижатый к стене, он сослался как на подстрекателя на одного фельдфебеля, совершенно непричастного к делу. Этот пример показывает, как легко беспечность может натолкнуть на преступление. Несмотря на все требования, канцелярская дисциплина не всегда достаточно строго соблюдается и не [29] везде отдают себе отчет в том, что является секретом. Часто служебная записка о болезни какого-нибудь лейтенанта держалась в большем секрете, чем действительно секретный документ.

Другими типами были: шпион Книч, навлекший на себя подозрение своим поведением; шпион Миодрагович, доносивший на своих коллег; профессиональный шпион Бронислав Дирш, почти с детских лет занимавшийся сыскной деятельностью, и, наконец, шпион-дезертир Питковский, которого предал Миодрагович.

В ноябре 1909 г. контрразведывательная группа узнала, что один австриец продал военные документы итальянскому генштабу за 2 000 лир. Его фотография, на фоне памятника Гете в Риме, попала на мой письменный стол. Он был опознан как служащий артиллерийского депо Кречмар и вместе со своей любовницей был поставлен под надзор полиции, чтобы в надлежащий момент уличить его и его сообщников. Однажды он вместе с русским военным атташе полк. Марченко появился на неосвещенной аллее в саду позади венского большого рынка. Очень скоро выяснилось, что Кречмар состоял на службе не только у итальянцев и русских, но также и у французов.

Моим первым намерением было отдать приказ об его аресте при ближайшем же его свидании с Марченко. В этом случае последний оказался бы в неприятном положении, будучи вынужденным удостоверить свою личность, чтобы ссылкой на свою экстерриториальность избавиться от ареста. Но это намерение не было осуществлено вследствие сомнения полиции в исходе этого предприятия, а также вследствие опасения неодобрительной оценки министерства иностранных дел. Таким образом, 15 января 1910 г. вечером был произведен обыск у Кречмара и у его зятя фейерверкера. Военная комиссия, разобрав найденный материал, установила, что Кречмар оказывал услуги по шпионажу: начиная с 1899 г. – русскому военному атташе, с 1902 г. – Франции и с 1906 г. – итальянскому генштабу, причем заработал только 51 000 крон. За большую доверчивость к нему поплатился отставкой его друг – управляющий арсеналом морской секции, его тесть – штрафом за содействие и 5 офицеров артиллерийского депо – отставками и штрафами.

Весьма опечаленный в свое время инцидентами, виновниками которых были наши агенты, граф Эренталь отнесся к инциденту с Марченко очень снисходительно. Он лишь дал понять русскому поверенному в делах Свербееву, что желателен уход полковника Марченко

в отпуск без возвращения его в Вену. [30]

Взамен Марченко мы получили в лице полк. Занкевича столь же опасного руководителя русской агентуры. Так как полицейского надзора за полк. Занкевичем нельзя было установить, то я, желая все-таки затруднить его деятельность, поставил наблюдение за ним под свою личную ответственность.

Я не ошибся. Занкевич проявил неприятную любознательность, появлялся 2–3 раза в неделю в бюро дежурного генерала военного министерства и задавал больше вопросов, чем все прочие военные атташе, вместе взятые. На маневрах он вел себя настолько вызывающе, что его пришлось ввести в границы. К военным учреждениям он подходил под предлогом дачи заказов, с целью узнать их производственную мощность. Он был хитер и скоро заметил, что за его жилищем установлен надзор. Потребовалось много времени, прежде чем удалось установить методы его работы.

Не менее энергичным был и сербский военный атташе полк. Лесянин, который так искусно скрывал свою деятельность под видом исключительного интереса к любовным похождениям, что его считали безвредным. Только после его поспешного отъезда в начале мировой войны полиция обнаружила на его квартире не только связанную с разведывательной деятельностью обширную частную корреспонденцию, но и около 30 томов документов, показавших, что он ничуть не уступал своим русским коллегам.

Глава 4. Передышка

Полковник Август Урбанский (начальник разведывательного бюро с октября 1909 г.) хлопотал об увеличении ежегодного отпуска средств на агентурное дело, но, несмотря на то, что император Франц-Иосиф также признавал необходимость увеличения ассигнований, граф Эренталь, министр иностранных дел, согласился только на отпуск суммы в 150 000 крон. Для Эренталья агентурная служба была пугалом, ибо он всегда видел перед собой только связанные с ней, благодаря неизбежным инцидентам, дипломатические неприятности, которых он желал всячески избежать. По его слогам, его вполне удовлетворяла осторожно осуществлявшаяся разведывательная служба министерства иностранных дел, которую, как известно, незадолго перед этим обманул двойной шпион Васич (процесс [31] Фридьонга). Эренталь не учитывал, что генштаб был заинтересован в установлении того, как Италия использовала предусмотренные итальянским бюджетом 26 млн. лир на постройку крепостей. Он дошел до того, что совершенно прекратил командировки офицеров и не разрешал им отпусков за границу.

Все же агентурная служба против Италии, ограничивавшаяся до сих пор главным образом приграничным районом, была распространена и на центр страны. Нам удалось завербовать очень хороших агентов.

Большую поддержку нам оказали войсковые части ландвера, несшие охрану границ в Тироле и Каринтии; при них были созданы хорошо работавшие агентурные пункты. Совершенно ненормальное положение с прохождением почты с военными документами из южного Тироля в прибрежные области – Далмацию, Боснию и Герцеговину – через Италию было отменено еще год назад.

К сожалению, надзор за путешествующими итальянскими офицерами хромал потому, что министерство иностранных дел получало о них сообщения только тогда, когда они уже покидали пределы нашей страны. Однако мы не были настолько слепыми, «как представляли это сенсационные разоблачения Анджело Гатти в газете «Корриере делла сера» о разведывательной деятельности капитана де Росси. Что он вместе с другими присутствовал в разведывательных целях на маневрах в Каринтии, нам было известно. Впоследствии он должен был завербовать агентов в Галиции и у дунайских мостов, которые пришлось бы переходить в случае войны. Гатти хвастается хорошим разрешением этой задачи. Но удивительно, что эти агенты совершенно покинули итальянский генштаб весной 1915 г. Я не знаю, виноват ли в этом Шлойма Розенблат из Ржешова или Бенно Шефер из Черновиц.

Особенно знакомы нам донесения Росси. Одно из них в конце 1909 г. кончалось следующими словами: «Укрепленные лагеря Кракова, Львова и Перемышля находятся в состоянии видимого запустения, т. е. без охраны; это, однако, может быть следствием снега, выпавшего в значительном количестве». Это сообщение показалось нам более забавным, чем тревожным.

Старательно составленные донесения итальянского консула Сабетта в Заре, представлявшие им в Рим, могли оказаться гораздо более неприятными. Однако в отношении содержания его военных донесений мы были постоянно осведомлены.

Нападение на кассу «Банка кооператива» в Триесте, имевшее место в конце августа 1909 г., разоблачило одного весьма опасного итальянского шпиона. [32]

Громила начал не особенно хитро, ибо немедленно оказался среди трех подозрительных лиц. При домашнем обыске у сотрудника банка, а также у известного ирредентиста Иосифа Кольпи были найдены стилеты, шпаги и взрывчатые вещества, а кроме того, богатый набор инструментов для взлома и сотни фотоснимков с военных объектов, таблиц с военными данными и писем по знакомому нам условному адресу «Аливерти» и на имя полк. Негри – начальника итальянской разведслужбы.

В течение 6-летней шпионской деятельности Кольпи сделался неосторожным. Через несколько дней после ареста Кольпи монах Марко Мориццо вернул обратно в банк украденные 350 000 крон, являвшиеся, – как позднее хотел уверить Кольпи, – «принудительным займом для национального дела». Он сообщил, что деньги были ему переданы под строжайшей тайной от имени одного иностранного священника. После этого были арестованы также мать и сестра Кольпи, после настойчивого отрицания признавшиеся, что они узнали из спрятанной в грязном белье Кольпи записки, где находились деньги, и поторопились передать их профессору семинарии Допу Пецци. «Друзья» Кольпи были скоро разысканы. Их было всего 15 человек. Состоявшийся в Триесте суд оказался в высшей степени мягким. Кольпи даже удалось сохранить возможность переписываться с полк. Негри. Военный надзор также не оказал помощи, вследствие чего вся компания шпионов была переведена в Вену и передана в ведение советника высшего суда д-ра Шаупта. В целях дальнейшего выяснения я отправился вместе с последним в Триент и осмотрел укрепления Секстена, игравшие большую роль в процессе. После осуждения Кольпи за ограбление кассы на шесть лет тюремного заключения состоялся процесс о шпионаже, в котором я принимал участие в качестве эксперта. Обвинение в государственной измене было недостаточно обосновано и от него пришлось отказаться, так как существовало опасение, что у присяжных нельзя будет добиться никакого успеха.

В феврале 1910 г. события вынудили вновь усилить работу разведывательной службы, причем налицо была опасность столь ненавистных для графа Эренталья «серьезных дипломатических осложнений». В Сербии был арестован разведчик обер-лейтенант Раякович. Спустя лишь долгое время удалось добиться его освобождения – и то за взятку в несколько тысяч динаров некоторым высшим сербским чиновникам.

Так как для подготовки агентов на случай войны практиковалась посылка их на маневры соседних государств, то и эти расходы увеличили издержки на разведку против Италии и Сербии. [33]

Таким образом, на Россию опять оказалось возможным уделить лишь скромные средства. Впрочем, здесь до некоторой степени пришла на помощь Германия. При начальнике германской разведки полк. Броне, а позднее при майоре Вильгельме Гейе, связь с нами стала еще более тесной. Я несколько раз побывал в Берлине, а майор Гейе приезжал в ноябре 1910 г. в Вену. Результаты наших переговоров изложены в меморандуме – «организация службы разведки совместно с Германией».

К сожалению, работа лиц, завербованных разведывательным бюро генштаба для агентурной службы в России, была мало успешна. Только один из них оказал очень хорошие услуги, засняв важные объекты на железнодорожных и грунтовых путях. Мне удалось помешать предполагавшемуся переводу из Черновиц жандармского ротмистра Эдуарда

Фишера, бывшего опорой нашей разведывательной службы. При все еще очень элементарном развитии разведывательной службы против России было необходимо по возможности сохранить стабильность личного состава.

В 1910 г. русская контрразведка арестовала двух германских агентов. Русские арестовали своего же подданного барона Унгерн-Штернберга по обвинению в использовании, им обсужденного на закрытом заседании Думы проекта закона о контингенте новобранцев. Они, конечно, приписали деятельность барона на счет Австрии, так как барон имел сношения с австрийским военным атташе майором графом Спаннокки. В действительности же ничего общего с нашей разведкой он не имел.

Усиление шпионской деятельности во время аннексионистского кризиса в 1910 г. увеличило до небывалых размеров количество судебных шпионских процессов. Вновь возобновил свою деятельность и профессионал-шпион Бартман. По отбытии своего первого наказания он снова был осужден на три с половиной года заключения в связи с шантажным письмом к тогдашнему начальнику генштаба ген. фон Бекку. Затем он вместе со своим другом Реннером появился в Ницце, где ему было дано задание местным французским агентурным бюро, направленное против Австро-Венгрии и Германии. Во время германских маневров в Силезии он неосмотрительно приблизился к майору Брозе (разведывательный отдел III б), был арестован, но затем оправдан государственным судом в Лейпциге.

После этого он в Герце сбрил себе бороду, поостриг усы и явился к французскому военному атташе в Риме в качестве итальянского агента против Австро-Венгрии и предложил «секретную карманную книжку австро-венгерского генштаба». [34]

За книгу, открыто продававшуюся всем в Вене, так называемую «Шпрингер», заглавную страницу которой он снабдил надписью: «Для строго секретного использования, господину...», он выманил у французов 1 200 лир.

Далее Бергман занялся мыловарением, служившим ему ширмой, а позднее он стал туристом и занялся обследованием итальянских укреплений в Венецианской области. Результатом этого была его работа «Оборона», в которой он рассказывал чудеса об изобретении одного итальянского капитана – о «форте будущего». С этой работой он явился к нашему военному атташе в Риме и начал вести переговоры, причем старался склонить нас к неосторожным замечаниям о наших военных приготовлениях. Потерпев неудачу в обоих случаях, он обратил свое внимание на Истрийские острова. Здесь на острове Луссин Пикколо он был нами арестован.

Надеждам Бартмана, что во время судебного разбирательства я стану сообщать сведения о нашем развертывании против Италии, за что он весьма охотно просидел бы в тюрьме долгое время, не удалось сбыться. Его защитник д-р Моргенштерн сделал попытку отвести меня как эксперта, ибо он опасался, что я буду стоять на той точке зрения, как и данная военным министерством суду экспертиза, которая, ему казалась, и была приговором. Я, конечно, был знаком с содержанием этой работы. Между тем Бартман был осужден не в связи с «экспертизой», а в связи с тем, что наши точные сведения о всех его условных адресах выявляли его как неисправимого шпиона. Письменная экспертиза военного министерства умышленно оставляла без внимания «форт будущего». Бартман решил этим воспользоваться и выдавать на суде свою «работу» «Оборона» за патриотический подвиг, пока я ему не доказал, что его чертежи являются копиями из труда австрийского полковника Виктора Тильшкерта, изданного в 1902 г.

Типичным шпионом-пройдохой был Герман Ганс Кордс. В начале декабря 1909 г. он представился нашему военному атташе в Лондоне в качестве многолетнего друга майора Дюпона и обвинил печально прославившегося Гофрихтера в шпионаже в пользу Франции. Позднее утверждал в одном письме, что он сдавал ядовитые письма на западном вокзале в Вене. Все были твердо убеждены в том, что Кордс был большим мошенником.

В сентябре 1910 г. к нашему военному атташе в Риме явился некто Лестер и сообщил, что он по заданию итальянского генштаба должен встретиться в Триесте с одним из австрийских морских офицеров. Так как он снова упомянул о своем знакомстве [35] с одним

офицером генштаба, продававшим Франции документы, то мы немедленно догадались, что Лестер и Кордс – одно лицо. Он был принят в Триесте и приглашен в Вену, где полиция и установила, что он был уже приговорен к наказанию за мошенничество в Англии. Тогда взял его в работу судья высшего суда д-р Шаупп. Следствие продолжалось свыше года, так как Кордс постоянно сочинял новую ложь и клевету. Достаточно было ему увидеть в какой-то газете портреты полк. Скотта и капитана Карла Шнеллера, чтобы обвинить и их в шпионаже. Д-р Шаупп, не упоминая в следственных актах его настоящей фамилии, чтобы по возможности дольше держать в секрете арест и не встревожить его соучастников, обращался с Кордсом очень хорошо и снискал к себе его доверие до такой степени, что Кордс открыл ему свою агентурную работу, никаких доказательств которой до сих пор не было возможности получить.

Наказанный в 1900 г. шпион Сария тоже отошел по пути мошенничества. В 1908 г. он обманул Россию, продав ей за 20 000 руб. не имеющие значения железнодорожные трафики. В целях дальнейшей эксплуатации русского атташе, полк. Ромейко-Гурко в Берне, он вошел в компанию с Эрзам-Стахелем и летом 1911 г., когда я находился в отпуске, попытал счастья у нас. Наша разведывательная служба купила у некоего Цулиани план Венеции. Мне это дело показалось подозрительным. Сравнение с прежними почерками Сарии выявило замечательное сходство. Я обнаружил, что в 1894 г. Сария служил в магазине деликатесов Цулиани. Он озадачил меня тем, что его последние письма приходили не только из Швейцарии, но и из Италии и даже из Австрии, в то время, как Сария, как было установлено, за последние годы не выезжал из Цюриха. Он пользовался услугами одного или нескольких третьих лиц. Повторная попытка надуть нас в 1912 г. успеха не имела, так как я тотчас узнал старую «фирму». Она была нами ликвидирована в сентябре 1914 г., и виновные предстали перед высшим судом в Цюрихе по обвинению в обмане Италии, Франции, России, Англии, Австро-Венгрии, Голландии и Бельгии. Парочка, однако, избежала наказания, и Сария снова мог фабриковать всякого рода фальшивки.

Тайный полицейский агент России Исаак Персиц, бывший во время русско-японской войны правой рукой руководителя «интимной разведки» и наблюдавший за капитаном графом Щептицким, также быстро скатился к мошенническому шпионажу, решившись в 1906 г. предложить разведывательному бюро генштаба документы одного офицера русского генштаба. Когда [36] зимой 1909–1910 гг. он появился в Галиции, мы могли его выслать только в Италию, так как все остальные страны отказывались его принять.

Впрочем, по личному опыту должен сказать, что не следует слишком торопиться с причислением того или иного агента к мошенникам. Один из наилучших моих агентов предложил мне при первой же встрече, ради которой я совершил далекое путешествие, совершенно нестоящий документ – секретную инструкцию. Может быть, он сам переоценил значение своего предложения или представил его более важным только для того, чтобы завязать деловую связь. Впоследствии он работал великолепно и не делал ни малейшей попытки навязать мне малоценные вещи.

Многие шпионы были захвачены в Галиции «там же преданы суду. Среди них был русский солдат Новоселов, выдававший себя за дезертира, затем Дофжанский, внук надворного советника, стяжавшего себе в 80-х годах прошлого столетия печальную славу русофильского агитатора, государственного изменника и шпиона. Русская «охранка» (политическая полиция), работавшая как (внутри государства, так и за границей и очень часто прибегавшая к содействию наших властей, пользовалась поездками своих агентов в Галицию для разведывательных целей. Так нам стала известна вдова русского подполковника Софья Владимировна Короткая, действовавшая как третье лицо.

С большим трудом удалось уличить этих агентов, и в 1910 г. двое из них – Декирт и Козловский – не избежали суда. Благодаря процессу против жившего на пенсии главного надзирателя пограничной стражи Владимира Вержбицкого, выяснилось, что на службе России находился быв. австрийский почтовый чиновник Филемон Стечишин, директор целой шпионской компании. Его самого и его любовницу-помощницу нам поймать не

удалось, и только его жена попала в руки полиции.

Замечательный случай был с одним: «глухонемым», часто проживавшим в качестве рисовальщика во всех укрепленных пунктах Галиции. Его личность не могла быть установлена, но один свидетель узнал его, как агитатора, которого он видел в Киеве. Его заявления о том, что он неграмотен, были опровергнуты, и это давало основания предполагать, что он симулянт. После 8-месячного следствия во Львове он был оправдан. Вообще в то время обращали на себя внимание мягкие приговоры полицейских судов. Теперь я просмотрел дела и нашел их необычно скудными. [37] Существенным данным не придавалось никакого значения. Если обвиняемый давал ложные показания, то ему верили, и процесс заканчивался. Впервые перелом был достигнут с назначением в состав суда постоянных военных экспертов. Однако в южном Тироле и это не помогало. Местные жители всегда помогали шпионам, находившимся на службе соплеменной Италии. Мы, благодаря содействию одного богемского музыканта, оказались в состоянии основательно надуть русский разведывательный пункт в Киеве, имевший главным образом своим назначением политическую обработку Галиции и Буковины. Этот музыкант похвастался в Киеве своим знакомством с обремененным долгами австрийским офицером генштаба. Он для вида дал себя завербовать в качестве шпиона, затем явился в русскую полицию за некоторыми «справками». Этот последний поступок окончательно укрепил доверие к нему начальника киевской разведывательной службы полковника Маринско. {5} После этого киевский полковник приказал организовать свидание мнимому австрийскому офицеру генштаба свидание с одной красивой женщиной в Праге, которая должна была дать ему дальнейшие указания. Это удалось блестяще. Офицер генштаба, женщина, фотография которой вскоре украсила нашу коллекцию, и музыкант съехались в Праге. Первому было предложено посетить русского полковника Линдау. Подполковник Милан Ульманский, выдававший себя за майора, действительно нашел на месте свидания полковника с его характерным шрамом на лице и обогатил наши сведения о методах киевского шпионажа. Богемский же музыкант был вынужден «переменить климат» и впоследствии повысился на должность капельмейстера черногорской военной капеллы. Лишь позднее выяснилось, почему порвалась быстро и внезапно столь много обещавшая связь фальшивого майора Генштаба с полковником. Мы имели у себя в разведывательном бюро предателя, раскрывшего русским нашу затею.

Глава 5. Совещание начальников разведпунктов

Весной 1910 г. начальники разведывательных пунктов созваны были по моей инициативе в Вене для обсуждения некоторых вопросов. Впоследствии эти совещания начальников местных разведорганов созывались ежегодно. Составленная в моей разведывательной группе инструкция «Цели разведывательной службы» служила разведывательным пунктам руководством в работе. Необходимо было основательно обсудить составленный мной проект новой «Инструкции разведывательной службы мирного времени». [38] Весь известный нам в то время опыт разведывательной работы прочих государств был использован нами в качестве вспомогательного материала. Кроме того, мы приложили все усилия к созданию единообразного сотрудничества всех гражданских властей с военной разведывательной властью. Призыв военного министерства, обращенный ко всем центральным инстанциям, собраться для обсуждения составленной капитаном Легоцким инструкции, нашел отклик. Уже во время первого заседания, состоявшегося 10 марта 1911 г., был принят мой проект новой инструкции по разведслужбе, так что теперь мы имели положение, обязательное для всех сотрудничавших властей и органов.

В ближайшем будущем необычайно большое значение должно было приобрести дешифровальное дело. Шифр как средство секретных сношений известен с древнейших времен. В достоянной борьбе между непрошенными разгадчиками шифра и применяющими этот шифр произошло огромное развитие шифровального дела.

Агенты, для которых уже одно наличие при них шифра может иметь печальные последствия, стараются применить в своей тайной переписке самые простые шифры, чаще всего переставляя лишь буквы. Этот метод не представляет для опытного дешифровальщика решительно никаких трудностей и выдает себя частой повторяемостью определенных букв. Это также относится и к замене букв любыми знаками. Приведу простой пример: сообщение (открытый текст) буква за буквой пишется по горизонтальным линиям; {6} затем производится списывание букв, вертикально стоящих одна под другой, в последовательности столбцов, причем буквы для целесообразности разделяются на равные группы. Для того чтобы затруднить посторонним лицам расшифрование, столбцы пишутся не в арифметической последовательности, а разбросано, причем в качестве указателя может служить условный «ключ шифра» в алфавитном порядке его букв. Для опытного дешифровальщика это не представляет, однако, никаких трудностей, даже если применяются другие усложняющие работу хитрости. [39]

Другим способом шифрования (способ замены) является использование квадратов, в решетке которых заносится алфавит с разброской букв. Каждый столбец и каждая строчка обозначаются цифрой. Шифр для каждой буквы создается путем объединения цифр столбцов и строк. {7}

Значительно более трудным является обратный способ, причем шифр заимствуется из внутренней части возникающей таким образом таблицы. Во главе столбца появляются алфавит и основные цифры, а среди них каждый раз в ином порядке алфавит или выбранные сюда цифры. Каждая буква шифруется теперь по другому ряду находящихся там цифр, причем набор рядов может объединяться произвольно. Так, например, в итальянском «Чифрарио таскабиле» («карманный шифр»), который в начале войны применялся на фронте, строчки обозначались алфавитом, и временный отзыв, а также пропуск, использовались в качестве ключа шифра для установления последовательности рядов.

Русские штабы применяли в конце 1914 г. так называемый «прыгающий код», где у одного из зашифрованных алфавитов каждый раз извлекалось 5–7 или 9 сокращающих знаков и затем переносились на другой. Но этот код скоро исчез, потому что он для них был слишком сложным, и они снова перешли к буквенной подмене, к так называемому «Цезарю», к самому легкому способу для дешифрования. [40]

Вообще, если желательно затруднить дешифрование, то для шифрования приходится проделывать очень много кропотливой работы. Применение механических средств, конечно, облегчает и то и другое, но все же остается большое неудобство буквенного шифрования, заключающееся в том, что оно хлопотливо и шифровка гораздо длиннее, чем открытый текст, что требует больше времени и работы, а также необычайно удорожает их передачу по телеграфу. Вследствие этого алфавиты были дополнены наиболее употребительными фразами и часто встречающимися словами, так что возникли целые таблицы и, наконец, целые «шифровальные коды». Шифр затем возникает путем обозначения стороны столбца и строки в буквах или цифрах, или для одного слова (фразы и т. д.) составляется цифровая (буквенная) группа. Само собой разумеется, такое дорогостоящее средство должно служить годами, причем путем изменения боковых обозначений возможно изменение ключа. В целях дальнейшего увеличения трудностей дешифрования письмо сокращенными знаками может быть перешифровано путем прибавления или отнятия каких-нибудь чисел при цифровых сокращениях, путем подмены букв для всего сокращенного письма, или при обусловленных группах, что опять-таки необычайно увеличивает работу и открывает еще новые источники ошибок, но зато лишает возможности дешифровать депеши. При передаче по телеграфу и по радио работа облегчается, если вместо цифровых групп или произвольно объединенных букв выступают произносимые слоги или слова, которые легко позволяют установить неизбежное перевираание. У нас эти соображения вызвали введение. Как бы сложны ни были системы шифров, все же при наличии достаточного количества зашифрованного материала они дают возможность дешифровать секретный текст. Рано или поздно при соответственной опытности применяемая система обнаруживается, и тогда дешифрование становится

возможным на основании частоты повторяемости букв и слов, а также на основании разных других факторов и признаков. {8}

К моменту моего прихода в разведывательное бюро [41] Генштаба шифрование было оценено вполне как необходимое средство сохранения тайны в неприкосновенности. Шифровали и дешифровали много, но совершенно не занимались раскрытием иностранных шифров. Лишь после продолжительных поисков мне удалось найти один далеко запрятанный в старых делах русский консульский шифр. Срок его действия истек, и для моей работы он был, к сожалению, непригоден.

После этого перехватывание радиogramм, передаваемых радиостанцией Антивари и предназначенных для последней, производившееся нашими военными кораблями с 1908 г., предоставило в наше распоряжение целый ряд иностранных зашифрованных сообщений. Кабельную связь тоже было возможно подслушивать. Дешифрование было чрезвычайно интересно. С огромным рвением принялся я за трудную работу, которая была настоящим сизифовым трудом, вследствие малого количества лиц, умеющих читать, а также вследствие обусловленного этим страшного переверивания текста. Постепенно, однако, наметился успех. Служба подслушивания, при помощи телеграфа и телефона, введенная в связи с усилившейся агентурной работой против Сербии, тоже давала обильный материал, причем разведывательный пункт в Сараево отчасти разгрузил меня от дешифрования. Однако работа все увеличивалась, и я едва мог с ней справляться наряду с остальной моей деятельностью.

Работа стала совершенно невозможной, когда после очень беспокойного лета, в связи с Агадирским инцидентом, Италия осенью привела в исполнение свои планы в отношении Триполи. Еще 23 апреля 1911 г. главной разведывательный пункт Инсбрука сообщил о предстоящем уходе неаполитанского корпуса в Африку. Военный атташе в Риме, полк. Митцль, заявил, что это праздное измышление. В это время антагонизм между графом Эренталем и ген. фон Конрадом зашел так далеко, что первый, как стало известно позднее из одного сообщения военного атташе в Константинополе, дал задания своим послам – по возможности скрывать от военных атташе данные о политических событиях, чтобы затруднить им доклады начальнику генштаба. Вскоре после этого Инсбрук дал подтверждающее сообщение, а 11 мая даже утверждал, что дело будет идти о Триполи. В начале сентября от одного из агентов пришло такое же сообщение, 11 сентября, и морской разведывательный отдел знал об этом, а полк. Митцль, по данным ему в Риме сведениям, все еще продолжал считать это уткой. Тем не менее, он уговорил посла дать [42] консульствам указания о более строгом наблюдении. Консульство в Неаполе правильно сообщило 22 сентября о признаках сосредоточения войск. Только теперь генеральный секретарь итальянского внешнего отдела признал наличие триполитанской экспедиции. 23 числа, после неожиданного предъявления Турцией ультиматума, началась война.

В данном случае для министра иностранных дел графа Эренталья был неважен очевидный отказ в работе его агентурной службы, ибо он считал поворот Италии в сторону Триполи за отвлечение ее от вождедений в отношении Австрии. Он заботился лишь о том, чтобы война не перебросилась на Балканский полуостров. Усиленная агентурная деятельность против Италии была начата генштабом, еще 24 сентября 1911 г. Она вскоре установила, что, доверяя честности монархии, Италия не приняла никаких мер против несомненно заманчивого с нашей стороны удара ей в тыл.

Теперь посыпался целый дождь перехваченных зашифрованных донесений. Так как я ни с какой стороны не мог надеяться на помощь, то продолжал дешифрование один. Вскоре, однако, это оказалось совершенно непосильным, и в результате было принято нужное решение.

Разведывательное бюро было сильно расширено, важность его службы была признана, и, согласно с желанием бюро, было проведено увеличение его личного состава. Моя агентурная группа значительно выросла и получила некоторую самостоятельность, выразившуюся, между прочим, в том, что я докладывал непосредственно заместителю начальника генштаба. В ноябре 1911 г. я добился прикомандирования одного офицера для

дешифровальной службы. Это был капитан запаса Андреас Фигль, который оказался блестящим сотрудником и вплоть до конца мировой войны с незначительными перерывами стоял во главе дешифровальной группы. Эту группу я включил в состав агентурной группы. В начале 1912 г. мне было подчинено уже 8 офицеров. В течение последующих годов оба министерства обороны страны, признав значительной проделанную разведывательным бюро работу, добавили еще несколько офицеров, из коих я получил еще четырех. Моя разведывательная группа распалась на русскую, итальянскую и балканскую разведывательные подгруппы, а также на подгруппы шифра, контрразведки, фотографии и «специальных операций» (диверсии. – Ред.). Все референты этих подгрупп должны были предварительно проработать по крайней мере полгода в соответствующей группе разведывательного бюро генштаба для ознакомления с обстановкой. В октябре 1912 г. разведывательное бюро генштаба [43] получило еще и артиллерийскую группу, которая, кроме того, должна была (ведать автомобильным делом и воздухоплаванием).

Глава 6. Признаки Балканской войны

В начале декабря 1911 г. с поста начальника генштаба ушел генерал фон Конрад. Преемник его фельдмаршал Блазиус Шемуа относился к разведывательной службе так же благожелательно, как и его предшественник, и добился после смерти графа Эренталя (февраль 1912 г.) ежегодного ассигнования до 150 000 крон. В конце года военное министерство прибавило еще 10 000 крон. Однако этот год поставил перед разведслужбой так много задач, что уже в сентябре образовался дефицит в сумме 98 000 крон.

Итальянская война в Ливии, закончившаяся 18 октября 1912 г. Лозаннским миром, потребовала продолжения разведки. Мне посчастливилось добыть новейшие распоряжения Италии по мобилизации, а также приказы по перевозкам военного времени. Эти документы дали нам возможность составить полное представление об итальянском сосредоточении.

Из России поступали сообщения о надвигающейся войне с Австро-Венгрией, а также о всевозможных подозрительных упражнениях и предмобилизационных мероприятиях. Имелись сведения о желании Франции снова вынести русское сосредоточение вперед, но русские на это не соглашались. Мы имели также сведения о пробной мобилизации в Варшавском военном округе, об образовании «Корпуса тревоги». Все это вынудило нас расширить в тесном контакте с Германией нашу агентурную сеть. Разведывательная служба Германии тоже страдала от недостатка денежных средств, почему зоны разведки обеих стран были точно разграничены.

Было также ясно, что на Балканах что-то происходит. Весной здесь несомненно нужно было считаться с возможностью восстания албанцев. Греция приступила к реорганизации армии. В Черногорию шли из России и из Италии оружие и боеприпасы. В Сербии образовалась новая тайная организация под названием «Черная рука» или «Единение или смерть», ставившая своей целью освобождение всех славян и раздел Австро-Венгрии. Во главе организации, как тогда сообщали, стояли участники убийства короля в 1903 г.: бывший министр [44] Георгий Геенчич, капитан Воислав Танкосич, офицер разведывательной службы на р. Дрина, преподаватель военной академии майор Драгутин Дмитриевич и редактор газеты «Пьемонт» – Люба С. Иованович. Среди членов организации были, по-видимому, командир Дунайской дивизии полк. Божанович и жандармский майор Радивоевич. Нужно было быть готовым к еще более резким выступлениям, чем памятное выступление «Словенского юга».

В ноябре 1908, г. преемницей «Словенского юга» явилась «Народна Собрана», во главе которой стоял ген. Божа Янкович, а секретарем был Милан Прибичеевич. Этот союз пользовался покровительством наследника Александра и работал рука об руку с сербским генштабом. Его задачей являлось создание паники и мятежей в населенных сербами областях, а также диверсионные акты. Лишь значительно позднее было установлено, что сокольские и антиалкогольные союзы в Боснии и Герцеговине были не чем иным, как

отделениями «Народна Одбрана».

В 1910 г. новый союз собирался, по-видимому, использовать в целях покушения поездку императора Франца-Иосифа в Сараево. Последовавшее затем покушение на ген. фон Варешанин несомненно было делом рук этого союза. На эти выступления реагировали слишком слабо. Сербский майор генштаба Милованович дошел до высшей грани в своей агитации, прежде чем решились его выслать. Равным образом не с надлежащей жестокостью боролись и с пропагандой в пользу Сербии и против монархии, которую сильно развил англичанин Сетон Ватсон.

Настроения в Сербии угрожали катастрофой. Сессия скупщины 1911 г. только что закончилась общей ориентацией на Россию даже прогрессивной партии, до сих пор склонявшейся к австрийской монархии. Надлежало сохранять бдительность. Очень хороший источник, консул в Нише, своими донесениями разведывательному пункту в Темешваре навлек на себя неудовольствие посла в Белграде и министерства иностранных дел.

К счастью, консул и начальник штаба в Темешваре были хорошими друзьями, и информация продолжала поступать в виде «частной корреспонденции».

В конце февраля 1912 г. наше министерство иностранных дел настояло на ограничении разведывательной работы против Сербии и на чрезвычайной осмотрительности. Как раз в это время, 29 февраля, последовало заключение болгарско-сербского договора, явившегося первым шагом к «Балканскому союзу», [45] направленному как против Турции, так и против Австро-Венгрии, знаменовавшего собой успех России на Балканах и разъяснявшего русские военные приготовления, а также неожиданное наводнение Галиции русскими шпионами весной 1912 г. Балканские дипломаты сумели так искусно замаскировать свои шаги, что в начале июня наш военный атташе в Софии, подполк. Лакса, по получении известий о конференции в Белграде, где был заключен таможенный союз, принято единообразное законодательство и заключен торговый договор между Болгарией и Сербией, – заявил, что политическое или военное Сближение обеих стран в данное время совершенно исключено. В действительности же 19 июня сербы и болгары вели уже переговоры об оперативном плане против Турции (Мите Стажич, Балканская война 1913 г.).

Начальник генштаба, смутно предчувствуя это, решил 23 июня восстановить «усиленную разведку» против Сербии и обратился к Министерству иностранных дел с просьбой о содействии этой разведке со стороны наших дипломатических представителей в России. В согласии он был тем более уверен, что в 1910 г. подобное ходатайство, хотя и после долгого промедления, но все же было выполнено 24 ноября 1911 г. Однако в ответе, данном только 27 августа 1912 г., министерство иностранных дел находило, что именно в настоящий момент в России разведывательная деятельность будет навлекать на себя сильное подозрение, почему оно считало рискованным требовать от консульских официальных лиц повышенной деятельности в области военной разведки.

Лишь в октябре начальник генштаба настоял на своем, и переговоры с министерством иностранных дел увенчались успехом. Но действительная поддержка министерства иностранных дел оставалась ничтожной вплоть до мировой войны.

Тем временем то из Сербии, то из Черногории стали поступать сведения о военных приготовлениях.

Начальник болгарского генштаба уверил полк. Лакса, что никаких военных мер не принято, широко разглашенного в газетах союза с Сербией не существует и король не сочувствует желательному России Балканскому союзу. 23 августа Лакса сообщил, что о военной опасности не может быть и речи. Однако в тот же самый день, по сообщению Мите Стажича, ген. Савов совещался об изменении оперативного плана против Турции.

В августе, так сказать, в последнюю минуту, оказалось возможным отправить в Черногорию капитана Губка.

18 сентября он телеграфировал, что две бригады и вся артиллерия мобилизованы. [46]

Одно за другим поступали также сообщения из главных разведывательных пунктов. Все эти сведения давали уверенность, что дело шло о подготовке войны против Турции, но

не против Австро-Венгрии.

В связи с сообщенными военному атташе в Белграде сомнениями разведывательного бюро об угрожающем положении, он запросил сербского военного министра, может ли он спокойно отправиться на румынские маневры. Ответ был успокоительный, и он 27 сентября выехал. На следующий же день в разведывательное бюро поступили определенные сведения о предстоящей сербской мобилизации. Немедленно после этого военному атташе была отправлена телеграмма с вызовом его обратно. Телеграмма, однако, запоздала, и он вернулся в Белград только 3 октября. Между тем 30 сентября в Сербии была объявлена всеобщая мобилизация. В тот же самый день наш посол фон Угрон поторопился сообщить нам по телефону о «предстоящей» мобилизации.

2 октября пала последняя завеса. Подполк. Лакса сообщил о совместном выступлении против Турции сербов, болгар и греков с ультимативным требованием автономии для Македонии. Капитан Губка доносил о неминуемом наступлении черногорцев на Скутари. Подробные донесения агентов и балканских консульств наводнили разведывательное бюро. 9 октября произошло первое столкновение между черногорцами и турками. Начальник генштаба не сомневался, что Россия является главарем всего этого движения, и 10 октября отдал приказ о развертывании первой очереди «усиленной разведывательной службы» при участии главных разведывательных пунктов в Галиции и в Германштадте.

Для разведывательного бюро генштаба снова наступило время напряженной работы. В первую очередь надлежало установить, какое количество войск Сербии оставила в качестве заслона против Австро-Венгрии, затем выяснить соотношение сил сторон, ведущих борьбу. По нашим расчетам, к 18 октября, т. е. ко дню объявления войны Турцией балканским государствам, эти силы представлялись в следующем виде: 385 000 болгар и сербов против 335 000 турок, 33 000 черногорцев против 30 000 и 80 000 греков – против 40 000 турок. Превосходство союзников в орудиях определялось семьюстами. [47]

Разведывательное бюро генштаба зорко следило за военными событиями, столь неблагоприятными для Турции, причем наряду с донесениями агентуры и консульств использовались донесения военных атташе, находившихся при главных квартирах в Белграде, Софии, Цетинье и Константинополе, а также военных атташе – обер-лейтенанта запаса принца Людвиг Виндишгретца в Болгарии и подполковника Танчоса в Греции.

Начиная с середины ноября 1912 г., разведывательное бюро Генштаба занималось вопросом поддержки Албании путем подготовки транспорта, оружия и офицеров-разведчиков. Одновременно мы бдительно следили за Италией, так как от нее можно было ожидать особых действий против Албании. Нависла угроза военных осложнений с Сербией и Черногорией. С начала декабря ежедневно стали поступать сообщения об обратной переброске сербских войсковых частей с театра военных действий в северную Сербию, а также о формировании отрядов против Австро-Венгрии. 5 декабря был отдан приказ о развертывании второй очереди «усиленной разведывательной службы» против Черногории и Сербии.

Было очевидно, что война или мир зависели от поведения России. Тут давала себя весьма сильно чувствовать недостаточная агентурная сеть в России. Ни у нас, ни у Германии не было постоянных агентов в ее военных округах. По крайней мере, в каждом из 28 русских корпусных округов необходимо было иметь по постоянному агенту для того, чтобы иметь под своим наблюдением хотя бы европейскую часть этого огромного государства. Но откуда было их взять при вечной скудости в денежных средствах? На это нужно было иметь ежегодно, по меньшей мере, полмиллиона крон.

Перемирие, заключенное 3 декабря 1912 г. между воюющими сторонами, за исключением Греции, а также конференция послов, собравшихся для рассмотрения балканских вопросов 17 декабря, могли расцениваться начальником Генштаба лишь как маневр для выигрыша времени. Разведывательное бюро Генштаба приняло участие в старательно проводимых военных подготовлениях путем издания в 20 000 экз. справочника, ориентирующего в русской дислокации мирного времени, а также в организации русской

армии в военное время. Трех офицерам было поручено написать небольшие популярные справочники по русской, сербской и черногорской армиям. [48]

Резкая позиция, занятая Францией по отношению к Австро-Венгрии в албанском вопросе, показала, что Россия не останется в одиночестве при вооруженном выступлении против монархии. Германский генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее вел переговоры в Риме с итальянским генералом Поллио, а подполковник Монтанари – в Вене с генералом фон Конрадом о совместных действиях в случае вызывающих действий России и Франции по отношению к тройственному союзу. Начальник германской разведывательной службы майор Гейе отправился в Рим, чтобы согласовать со своим итальянским коллегой по должности, полковником Негри, вопрос об обмене результатами разведывательной деятельности против Франции. Он хотел организовать такой же обмен между нашими и итальянскими разведывательными органами генштабов и в области контрразведки, на что, однако, мы не были в состоянии согласиться при интенсивной, направленной друг на друга, агентурной деятельности. Только за последнее время германской агентурой было установлено, что проживавшая в Германии посредница между предателем Кречмаром и итальянским Генштабом была подругой жены полковника Негри и работала также против нас.

В январе 1913 г. начальник Генштаба провел назначение подполковника Евгения Штрауб военным атташе в Швеции, Норвегии и Дании, с местопребыванием в Стокгольме. Он должен был не только наблюдать за Россией, но и следить за центром русского шпионажа в Стокгольме и Копенгагене.

Глава 7. Рост шпионажа против Австрии

Само собой разумеется, что в эти напряженные дни шпионаж достиг своего расцвета. Так, например, группе контрразведки разведывательного бюро пришлось в 1913 г. работать над 8 000 случаев против 300 случаев в 1905 г., причем имелось 560 арестов против 52. Из произведенных арестов почти 7-я часть привела к осуждению.

Для широкого распространения сведений по шпионажу с тем, чтобы приучать к осторожности солдат, мы выпустили воззвание «Остерегайтесь шпионов», которое было распространено в 50 000 экземплярах во всех казармах, в жандармерии и в пограничной охране.

Областью, наиболее удобной для охоты за шпионами, являлась Греция, где работал капитан Ишковский. Его поддерживало полицейское управление. Процессы шпионов, захватывавшие частично и 1914 г., позволяли глубоко заглянуть в русскую систему шпионажа. Дом полковника Батюшина на Саксонской площади в Варшаве, где капитан Терехов и капитан Лебедев выработались в прекрасных помощников, сильно беспокоивших нас во время мировой войны, давал в своих стенах приют предприятию, работавшему с массой руководителей – начальников групп, вербовщиков агентов, разведывательных инспекторов и женщин. Эти последние особенно охотно использовались в качестве посредниц и вербовщиков, причем те, которые попали в наши руки, как, например, Мария Тромпчинская, Ева Войчик и др., особенной красотой не отличались. По установившимся у нас традициям, мы, по крайней мере, в мирное время, не использовали для работы женщин, возможно, из-за недостатка денежных средств, а также из опасения разного рода неизбежных женских историй. Что касается женщин высшего круга, то благодаря отсутствию у них военных знаний, от них нельзя было ожидать результатов, соответствующих затратам, и они использовались скорее для политической разведки. Возможно, что русские женщины, вследствие внутривнутриполитических условий, обладают особенной склонностью к агентуре, и я до сих пор помню о многолетней докучливой деятельности жены русского ротмистра Иванова в Сосновицах. [49]

Вербовщики и посредники Батюшина нередко имели целые бюро, как, например, Зигельберг, Самуэль, Пинкерт, Соломон Розенберг и прежде всего Иосиф Герц – правая рука

полковника Батюшина, специалист по фабрикации фальшивых паспортов, фальшивых крепостных планов и т.п. В конце 1913 г. говорили, что Герц был уволен из-за мошенничества на таможне, однако Батюшин, получив в конце 1914 г. командование частью, якобы принял его в качестве поставщика.

Так как у русских количество играло большую роль, то Батюшин имел армию доверенных лиц, хозяев явочных квартир, старших дворников и подручных. Это массовое использование сил имело тот недостаток, что слишком много народа было знакомо с работой, и они могли, в случае нужды, выболтать все за деньги. К сожалению, у нас не было средств для наилучшего использования этого промаха, типичным примером которого может служить процесс шпионской группы Пичкура, к которой принадлежал известный нам шпион Бронислав Дирч. Он хотел быть очень хитрым и заранее сообщил о своем прибытии по ту сторону черно-желтых пограничных столбов. Полицейскому комиссару Францу Хорвату во Львове, прекрасно работавшему в контрразведке во время войны, удалось арестовать по этому следу Пичкура и еще пятерых его товарищей, жизнь которых прервалась в венском государственном суде.

Чересчур одинаковое снаряжение агентов Батюшина также несомненно вредило образцовой в остальном отношении разведывательной службе. Все собиравшие сведения о крепостях получали армейский карманный фотографический аппарат «Экспо» [Тромпчинская, Лангнер и Сокалук (Соботкин)]. В 1911 г. Лангнер и Сокалук, в сопровождении Лидии Кащенко, наблюдали за большими армейскими маневрами.

Аналогичным образом был организован разведывательный центр в Киеве, которым руководили полковник Галкин и его помощник Беловцев. Об этом центре мы слышали еще чаще, так как он был направлен исключительно против нас, тогда как Батюшин работал и против Германии. [50] Одесский центр работал против Румынии и Венгрии, что было доказано после ареста Епифана Куруца. В мае 1914 г. в одном туристе, проезжавшем по Семиградии, признали русского военного атташе в Бухаресте, полковника Семенова. Мы тогда полагали, что ему было поручено обследовать юго-восточную часть государства. Во время войны наши предположения подтвердились.

Не довольствуясь этим, русский шпионаж протягивал свои щупальца против центральных держав и из-за границы. При поддержке некоего Гампена в Копенгагене, полковник Ассанович развил энергичную деятельность из Стокгольма. Один из агентов Ассановича, русский, некий Бравура, завербовавший венгерца Велесси, впервые со времени моего пребывания в разведывательном бюро Генштаба привел в движение венгерские суды. У них было мало практики, поэтому им понадобилось три недели, чтобы разыскать Бравура, несмотря на то, что им неоднократно помогал офицер разведывательной службы в Будапеште. Едва успели арестовать Бравуру, как в венгерских газетах тотчас было опубликовано все это дело со всеми подробностями, которые могли выясниться только из протоколов суда. Как слабо власти держали прессу в своих руках, выяснилось во времена кризиса. Венгерский премьер-министр не осмелился даже выступить против разглашения военной тайны, опасаясь обратных результатов.

Один шпион Гампена, финляндец Ян Копкен, работавший под разными фамилиями, был арестован в Аграме. В Хорватии и Славонии шпионы подлежали военному суду, причем за эти преступления полагалась смертная казнь. Приговор не вызвал никакой сенсации, однако он не был приведен в исполнение, а заменен 16 годами тюремного заключения.

Швейцария использовалась французским и русским шпионажем в качестве опорного пункта. Известный уже нам столп русской разведки полковник Ромейко-Гурко, работавший при поддержке обер-лейтенанта барона Унгерн-Штернберга, пользовался такой дурной репутацией, что даже Италия отказалась его принять, когда он в 1913 г. должен был занять пост военного атташе в Риме. Кроме того, в Аннеси, на французской территории, проживал полковник русского генштаба Владимир Николаевич Лавров, развивавший активную шпионскую деятельность из Женевы. [51]

Из массы фактов того времени следует упомянуть об отставном казачьем офицере

Михаиле Додонове во Львове, который имел задание не только вербовать агентов и обследовать Перемышль, но также и подготавливать взрывы мостов и других объектов в случае мобилизации.

Первым их диверсионным опытом был, несомненно, взрыв на Каменном толе, близ Вены.

Один русский агент завербовал немца Германа Прюфера и поручил ему снять при свете магия краковские форты. Этот первый опыт оказался неудачным. Сторожевые посты не дали ослепить себя, часовой выстрелил, испортил аппарат, ранил и арестовал Прюфера.

Русский подполковник Яцевич попался во Львове в открытом шпионаже. Правда, он дешево отделался, ибо в то же время русскими в Варшаве был арестован за такие же дела наш обер-лейтенант Роберт Валолох. Обе стороны охотно пошли на обмен.

Воспоминания о полк. Марченко вызвали у меня в памяти арест некоего Пиехочинского, работавшего под вымышленным именем в венском арсенале. Как только стало известно о деле Кречмара, он сбежал. Он продолжал работать под своим именем, и наказание, полученное им в 1912 г., не исправило его. Уже во время мировой войны он получил восемнадцать лет тюремного заключения.

Еще в 1910 г. германский генштаб справлялся о русском поручике бароне Мурманне, который искал в Берлине русского военного атташе. Мы тотчас могли сообщить, что в 1898 г. один бывший кадет пажеского корпуса Александр Мурманн судился за шпионаж. Но это еще не доказывало, что кадет и поручик одно лицо. Случайно выяснилось, что одна венская учительница, 60-летняя вдова, баронесса Мурманн, начала уговаривать мать одного австрийского офицера склонить ее сына заняться шпионажем в пользу России. Он должен был обратиться к ее сыну Александру в Варшаве. Таким образом, она являлась вербовщицей для своего внебрачного сына.

Спустя некоторое время эта старуха была арестована вместе с ее сыном, находившимся тогда в Вене. Против ее сына не было серьезных обвинений, и в феврале 1911 г. он был выслан в Россию. Только осенью в 1911 г. арест шпиона Лангнера дал новые сведения о Мурманне. Оказалось, что он был вербовщиком и одновременно преподавателем в варшавской секретной школе. Позднее он выплыл в Берлине и Будапеште, но арестовать его не удалось. Это придало ему храбрости, и он осмелился [52] отправиться в феврале 1912 г. в Вену, где ему, наконец, пришлось предстать перед судом.

О том, как глубоко была оправлена Галиция русскими интригами, свидетельствуют два процесса, имевшие место в 1914 г. Состоявший на пенсии окружной секретарь Александр Раманик из Рогатина обратился с просьбой к известному русофилу судейскому чиновнику и депутату рейхсрата Владимиру Куриловичу достать ему важные военные документы из Львовского корпусного командования. Курилович счел его за провокатора и донес о нем по линии. К своему ужасу он узнал после, что Раманик – его единомышленник. На суде он взял обратно все свои показания, и его единомышленник был оправдан.

Другой случай. Молодой православный священник, Макс Сандович, и другой более пожилой поп, Игнат Гудима, были арестованы за шпионаж. Найденные у них заметки тяжело скомпрометировали журналиста Семена Бендасюка и судейского чиновника Василия Колдра. Следствие установило связь их с русским графом Бобринским, с русско-галицийским благотворительным союзом, с местами русофильской пропаганды – с Почаевским православным монастырем, с интернатом в Житомире и с русским разведывательным бюро. Таким образом, шпионаж и агитация в пользу «православной церкви» работали рука об руку. Церкви с их молитвами за царя, школьные интернаты и читальни, равно как и газета «Прикарпатская Русь», – все они содержались на русские деньги. Материал так недвусмысленно подтвердил обвинение в государственной измене, что защитник не мог его опровергнуть. За государственную измену полагалась смертная казнь, а за шпионаж – самое большее пять лет. Дело о государственной измене слушалось в суде присяжных во Львове. Защитниками являлись испытанные единомышленники и партийные товарищи подсудимых доктора Дудукевич, Глускевич и Черлунчакевич, которые вскоре

после этого сами судились за то же преступление. Они так хорошо действовали на этом процессе, что добились оправдания: обвиняемых.

Италия, интересы которой совпадали в это тяжелое время с нашими, стала, видимо, более сдержанной в отношении шпионажа. Правда, случалось иногда арестовать подозрительного субъекта, но до суда дело не доходило. Только одному не повезло. Священник дон Андреас Сальвадор из района Тремозины (на озере Гарда) оказался на службе у карабинеров крепости Риза. Его донесение попало в руки наших властей. Он был приговорен к полутора годам и вскоре амнистирован.

Шпион в рясе был тогда для меня новым типом. [53]

Мы оказались бессильными перед другой итальянской разведывательной деятельностью, о которой мы узнали в середине 1913 г. «Клуб Альпино Италияно» взял на себя обязательства производить ежегодно обследование определенных участков дорог, ведущих в Австрию.

Сербам было легко укрывать своих разведчиков среди родственных им пограничных племен. Трудно было раскрыть серба, носившего мундир австро-венгерского офицера и склонявшего служащих нашей дорожной охраны к дезертирству в Сербию. Эмиссары, проникшие в глубь страны, подвергались, конечно, опасности, когда они приближались к важным военным объектам. Так, например, храбрый формейстер Клементовский арестовал двух подозрительных лиц на Феликсдорфском артиллерийском полигоне. Достойный внимания случай произошел в августовские дни 1912 г. в Белграде.

Однажды ночью к дому, занятому находившимся в отпуске австрийским военным атташе, подъехала элегантно одетая пара с мальчиком и небольшим багажом. Эта пара представила кухарке военного атташе письмо от него, с которым коротко якобы еще утром виделась в Вене. Хотя эти лица и казались хорошо ориентированными в домашней обстановке военного атташе, тем не менее кухарка не пустила их переночевать в квартире. Само собой разумеется, что майор Геллинек никогда не писал этого письма.

Долгое время все наши наблюдения за русским военным атташе в Вене полк. Занкевичем не давали результатов. Но потом разоблачения последовали одно за другим.

Начиная с марта 1913 г., группа контрразведки генштаба, венское полицейское управление и командование военной школы следили за братьями Яндрич, из которых один, а именно Чедомил, был обер-лейтенантом и слушателем военной школы, другой же, Александр – бывший лейтенант. Одновременно возникли подозрения против лейтенанта Якоба. Наши наблюдатели установили, что в квартире окружного фельдфебеля в отставке Артура Итцкуша появляется полк. Занкевич. После третьего посещения им Итцкуша против последнего было начато следствие. В начале апреля уже не было больше никаких сомнений в том, что все эти нити вели к Занкевичу, сумевшему завлечь в свои сети также и отставного полицейского агента Юлиуса Петрича и железнодорожного служащего Флориана Линднера. Лица, замешанные в шпионаже, были арестованы, и мне было приказано сообщить об этом министру иностранных дел. Граф Берхтольд от изумления «превратился в соляной столб», и когда я кончил свой доклад, он долго молчал. [54]

Занкевич поступил подобно своему предшественнику. В качестве трофеев он увез с собой в Россию агентурные донесения обоих братьев Яндрич и прочих упомянутых лиц, а также многое другое.

В наши руки попали два его помощника, Беран и Хашек, которым он предложил отправиться в Стокгольм за получением вознаграждения. Беран имел задание обследовать округ 8-го корпуса в Праге и сообщить результаты своего обследования непосредственно в Петербург.

После этого за новым русским военным атташе было установлено правительственное наблюдение с первого же дня его прибытия в Вену. Это наблюдение простиралось и на известного русского журналиста Дмитрия Янчевецкого и на двух сербских агитаторов Иефтановича и Гавриловича, часто приезжавших в Австрию.

Однако радость достигнутых результатов была омрачена происшедшим одновременно

разоблачением двух собственных предателей.

Глава 8. Предатели в собственном стане

Весной 1913 г. мне предложили купить секретные сведения о германской мобилизации. Я сейчас же вошел в контакт с моими германскими коллегами по службе, и общими усилиями удалось открыть источник этого предательства в лице одного писаря штаба крепости Торна по фамилии Велькерлинг. Наша дешифровальная группа раскрыла шифр этого очень ловкого шпиона, и это позволило познакомиться с широким масштабом предательства Велькерлинга. Впоследствии один офицер русской разведки подтвердил, что этот писарь был ценнейшим агентом России. Это дело осталось в тени благодаря почти одновременному раскрытию поразительного случая в нашем лагере.

В начале апреля 1913 г. в Берлин было возвращено из Вены письмо, адресованное «до востребования». В Берлине оно было вскрыто. В письме оказались 6 000 крон и два известных шпионских адреса, один – в Париже, другой – в Женеве (Rue de Prince, 11, M-g Larguier).

Майор Николаи, начальник разведывательного отдела германского генштаба, получив это письмо, указывавшее на крупное шпионское дело, переслал его нам, так как шпиона следовало, [55] вероятно, искать в Австрии. {9} Мы горячо принялись за это, несомненно, крупное дело. У нас не было никаких данных относительно личности адресата. Это лицо могло жить в Вене, но, может быть, вследствие болезни или других обстоятельств оно не могло подучить письма. Может быть, это лицо жило за пределами Вены и лишь иногда приезжало в столицу. Опрос на почте не дал никаких результатов. Там не помнили, поступали ли раньше письма по этому адресу. Оставалось лишь надеяться, что адресат или сам лично явится когда-нибудь за письмом, или пришлет другое лицо. Конфискованное письмо, благодаря неосторожному обращению с ним, было приведено в такое состояние, что адресат немедленно понял бы, что дело неладно. Поэтому мы сфабриковали другое письмо, переданное через германский генштаб в Берлине, и поручили наблюдать за почтовым окошком. Мы не упустили из виду также осторожное наблюдение за другим концом следа. На парижский адрес мы не обратили внимания потому, что он не имел определенной фамилии и потому, что боялись непосредственно угодить в пасть французской контрразведки, что могло бы испортить все дело. Иначе обстояло дело с г-ном Ларгье. Если это было то самое лицо, которое обслуживало нас в 1904–1905 гг. из Экс-Ле-Бэна и Марселя, то здесь можно было бы надеяться на, результат. Мы узнали, что французский отставной капитан Ларгье жил на покое в Женеве. У нас явилось сильное подозрение, что он по-прежнему «работал» на разные государства и имел в своем подчинении много людей. Этим мы к цели не приблизились, но результаты наблюдения показались мне достаточно важными для того, чтобы поставить на это дело последний грош из наших скромных денежных средств. Действительно, до начала октября было собрано достаточно материала, чтобы анонимно обратить внимание швейцарских властей на операции Ларгье, направленные и против Швейцарии. Однако установленное оказалось недостаточно значительным, чтобы обойти хитрость Ларгье, и казалось уже, что предприятие окажется безуспешным, как вдруг 10 октября его соучастник Туллио Меноцци вместе с унтер-офицером Петрилла и купцом Трокки были; арестованы по обвинению [56] в шпионаже в пользу Франции. Тогда дело завертелось и в Швейцарии. Ларгье и два его главных помощника – Розетти и Росселет – предстали перед судом, и Ларгье был выслан.

Тем временем и наше дело разъяснилось. До середины мая поступило еще два новых письма на имя г-на Никона Ницетас, так что мы могли взять наше сфабрикованное письмо обратно. {10} Усилилась уверенность, что шпион попадет в наши сети. Статский советник Гайер поручил наблюдение лучшим сыщикам государственной полиции. Напряжение увеличивалось с каждым днем. Чтобы не возбуждать подозрений, нужно было отказаться от всех дальнейших шагов и терпеливо ждать.

25 мая поздно вечером я пошел домой обедать. {11} Не успел я войти в квартиру, как раздался звонок по телефону. Статский советник Гайер телефонировал мне: «Пожалуйста, придите ко мне в бюро. Случилось что-то ужасное». Я бросился в первый попавшийся вагон трамвая.

Оказалось, что к концу дня письма были взяты с почты господином в штатском. Три сыщика последовали за ним до площади Стефана, где этот господин взял такси и уехал. {12} В то время такси было мало, второго на площади не оказалось, и наши наблюдатели увидели, как почти попавшая в их сети дичь ускользнула. Они решили ждать возвращения такси, номер которого они заметили. Спустя некоторое время, такси вернулся, и шофер сказал, что он свез своего пассажира в гостиницу «Кломзер». {13} Осмотрев автомобиль, сыщики нашли [57] в нем футляр перочинного ножика, по-видимому, забытый пассажиром. Сыщики отправились в гостиницу, где один из них спросил портье, кто из постояльцев приехал недавно на такси.

«Начальник штаба пражского корпуса, полковник Редль», – ответил портье.

Сыщик уже подумал, что портье неправильно показал, как вдруг этот самый постоялец, которого он преследовал с самой почты, стал спускаться с лестницы. Сыщик быстро подошел к нему и опросил:

«Не вы ли, г-н полковник, потеряли этот футляр?»

Редль ответил, что он, и все сомнения рассеялись.

В то время как два сыщика последовали за вышедшим полковником, третий поспешил со своим сообщением к статскому советнику Гайеру.

Услышав сообщение, что многолетний член нашего разведывательного бюро, {14} военный эксперт на многочисленных шпионских процессах, разоблачен как предатель, я окаменел. Потом пошла печальная работа.

Было установлено, что Редль приехал из Праги в Вену на автомобиле. Нужно было установить за ним наблюдение, чтобы помешать ему сбежать. Сыщикам удалось подобрать клочки расписок, разорванных Редлем. Одного взгляда на них было для меня достаточно, чтобы убедиться, что речь шла об известных адресах, прикрывавших шпионаж, устанавливавших связь Редля не только с Россией и с Францией, но и с Италией.

Я дал понять начальнику разведывательного бюро и заместителю начальника генштаба о необходимости привлечь военного следователя, что являлось необходимым для начала работ судебной комиссии. Кунца нельзя было найти. Наконец, нашли военного юриста, майора Форличека. Нужно было еще получить согласие коменданта города на арест, но дело не терпело отлагательств.

Лучший друг Редля, {15} один присяжный поверенный, сообщил статскому советнику Гайеру из «Ридгофа», где он обедал [58] вместе с Редлем, что Редль странно вел себя и проявил признаки депрессии, позволявшие заключить о его намерении лишиться жизни. По-видимому, эпизод с футляром ножика возбудил подозрение Редля, он, вероятно, заметил слежку за ним двух сыщиков и понял, что его предательство обнаружено.

Необходимо было действовать немедленно.

Прежде всего, был вызван начальник генштаба фон Конрад, ужинавший в «Гранд отеле», и ему было сообщено о полученных данных. {16} Он предложил сейчас же разыскать Редля и допросить его и согласился с предложением – дать возможность преступнику немедленно покончить с собой.

Около полуночи Редль вернулся в давно окруженную со всех сторон гостиницу «Кломзер». Когда мы вошли в его комнату, он был уже раздет и пытался повеситься. Редль был совсем разбит, но согласился дать свои показания лишь одному мне. {17} Он рассказал, что в течение 1910–1911 гг. широко обслуживал некоторые иностранные государства. В последнее время ему пришлось ограничиться лишь материалом, доступным пражскому корпусному командованию. Самым тяжелым его преступлением была выдача плана нашего развертывания против России в том виде, в каком он существовал в упомянутые годы и какой в общих чертах оставался еще в силе. {18} Но об этом он мне ничего не сказал.

Соучастников у него не было, ибо он имел достаточный опыт в этой области и знал, что соучастники обычно ведут к гибели.

Наконец, он попросил дать ему револьвер. {19}

Когда утром члены комиссии, охранявшие после выхода от Редля улицы, прилегающие к гостинице, заглянули к нему, то увидели, что предатель уже мертв.

Возник вопрос: нужно ли скрывать истинные причины этой смерти и выставить в виде единственной причины гомосексуальность, которая также выплыла наружу? [59]

Несмотря на все возражения, решили не скрывать правды. {20} Незавидная работа предстояла мне в ближайшее время. Дело шло о том, чтобы проверить показания Редля. Ввиду важности этого дела, а также, потому что я, благодаря моей работе, был привязан к Вене, расследование в Праге взял на себя полк. Урбанский.

Он вернулся из Праги с обширным материалом, заполнившим всю мою комнату.

Тетерь, когда Редль был обезврежен, многие лица стали утверждать, что они знали то или другое из его шпионской деятельности. Нам хватило бы рассказа одного из них, если бы он раньше рассказал нам о деятельности Редля. Все сообщения рассматривались двоими сотрудниками, военным следователем, ведущим следствие, и полицейским управлением. Всем им приходилось много работать и как раз в такое время, когда много хлопот давали отклики дела Занкевича. Должны были оправдываться все близкие знакомые Редля, как, например, его ближайший друг, майор фон Зигринген. Никому не приходило в голову, что денежные средства, которыми широко располагал Редль, происходили из нечистого источника. Со всех сторон слышались упреки, были запросы в парламенте, но ни один депутат не спросил, были ли предоставлены в распоряжение контрразведки достаточные средства.

В Праге было продано с аукциона имущество Редля, среди которого было два фотографических аппарата. При обыске квартиры Редля они не были обследованы полк. Урбанским и военным следователем Форличекком.

В середине января пражские и венские газеты сообщили, что пластинки, найденные в этом аппарате, были проявлены учеником реального училища, в руки которого попал этот аппарат, и один из учителей реального училища представил эти пластинки командованию корпуса. Газетные заметки передавали частично неправильные сведения. Так, например, утверждали, что среди этих фотографий были снимки чрезвычайно [60] важного приказа наследника престола пражскому командиру корпуса и начштаба.

В апреле полк. Урбанскому дали понять, что по желанию генерального инспектора всех вооруженных сил, эрцгерцога Франца Фердинанда, он не получит дальнейшего продвижения по службе.

Редль, несомненно, принес вред. Однако представление, возникшее у многих, что он являлся могильщиком Австрии, преувеличено. Самое большое предательство – выдача плана развертывания против России – не принесло русским пользы, а наоборот, ввело их в заблуждение.

Нечего было и думать об изменении плана развертывания, если не хотели радикально менять весь план войны, ибо развертывание тесно связано с целым рядом факторов. Русские хорошо знали это и вполне положились на данные Редля. Но когда подошли вплотную к войне, и когда выяснилось, что нечего рассчитывать на поддержку Румынии, на которую прежде рассчитывали, то было обнаружено, что при сосредоточении наших войск правый фланг северной армии был слишком открыт, и потому начальник генштаба решил отодвинуть сосредоточение за рр. Сан и Днестр. Русские ничего об этом не знали. Им неизвестны были даже некоторые изменения, внесенные после 1911 г., как об этом впоследствии сообщил ген. Данилов в своих мемуарах. О ни считали, что 3-й корпус, начальником штаба которого был Редль, войдет в состав 3-й армии в Галиции, тогда как в действительности он был направлен против Сербии. Это подтверждает тот факт, что Редль не имел ни соучастников, ни последователей. Он был единственным доверенным лицом России.

Глава 9. Накануне мирового пожара

21 апреля 1913 г. разведывательное бюро переехало в только что выстроенное здание военного министерства в Штубенринге. С важнейшими документами в руках мы, офицеры, переехали в тщательно оборудованный новый дом, снабженный фотографическим ателье и приемной комнатой, [61] устроенной с соблюдением всех правил предосторожности. {21}

Бюро было совершенно изолировано и имело один официальный и один неофициальный выход.

Новое помещение дало, наконец, возможность предоставить приличные условия для работы нашему сильно увеличивавшемуся количественно личному составу. Чрезвычайно выросли не только моя агентурная группа, но и секторы, занимавшиеся изучением иностранных армий. Руководство предъявляло теперь совершенно иные требования в отношении получения материалов военного и военно-политического характера, касавшихся наших вероятных друзей и противников. Кроме того, занялись распространением полученных сведений и в своей армии. В 1914 г. я использовал совещание офицеров разведывательной службы для обсуждения мероприятий на случай войны и извлек из этого ценные указания для будущего. В следующем году должно было состояться подобное же обсуждение мероприятий в отношении России.

В первое время дешифровка трудных шифров не удавалась, и это послужило стимулом для улучшения методов работы. Мы выпустили пособие и добились, что дешифровка сербских телеграмм больше не представляла для нас затруднений. После этого мы занялись раскрытием русского шифра, да работа эта оказалась трудной и оставалась малоуспешной до начала войны.

Благодаря ежегодным совещаниям и моим частым поездкам, я добился сотрудничества моей группы с местными разведывательными органами и с германской разведывательной службой. Я очень часто встречался с майором Николаи или [62] с его представителем, причем мы устраивались таким образом, что выбирали для наших встреч всегда какой-нибудь другой город.

Сфера влияния моей контрразведывательной группы распространялась на все государство и даже на «нейтральные» иностранные государства. Уже в 1912 г. половина наших дел относилась к контрразведке. Это несоответствие между разведкой и контрразведкой заставило меня (поставить (вопрос о концентрации контрразведки в венском полицейском управлении. 18 мая 1914 г. мои усилия привели, наконец, к созыву совещания, на котором были представлены министры внутренних дел Австрии и Венгрии, военное министерство, местные правительства Хорватии – Славонии и Боснии и Герцеговины, венское полицейское управление и все центральные органы военной разведки. С 1 июня 1914 г. почти во всех главных провинциальных городах Австрии были созданы контрразведывательные пункты для борьбы с иностранным шпионажем. Однако добиться централизации контрразведывательной службы в венском полицейском управлении на этом совещании не удалось.

Но все же и достигнутый результат означал значительное облегчение работы разведывательной группы. Необходимость планомерного материального снабжения армии в военное время заставила разведывательную службу заняться экономической разведкой. Здесь ценные услуги нам оказал руководитель торгового музея Карминский. Слабым местом разведывательной службы продолжала оставаться Россия.

Новый закон о шпионаже, разрешавший газетам печатать лишь совершенно маловажные сведения, положил конец умелому использованию этого источника, дававшего многие отправные данные. Я помню сообщение одного генерального консула министерству иностранных дел об уходе из некоего города артиллерийской бригады. Это сообщение казалось столь неправдоподобным, что нужно было его проверить. Однако мы не смели спросить об этом генерального консула, так как его нельзя было «впутывать в шпионские дела», хотя в данном случае речь могла идти о простой прогулке в районе казарм. Нам

пришлось пустить в ход наш аппарат, и через несколько недель мы с большим трудом узнали, что злополучная русская артиллерийская бригада не двинулась с места.

Ощущавшийся у нас недостаток в офицерах, говоривших по-русски, с начала 1913 г. был несколько смягчен возобновлением изучения языка в России двумя офицерами генштаба. [63]

Трудности разведки в России побудили меня организовать с 1 марта 1914 г. секретную школу для особенно одаренных и предназначенных для крупных задач людей. Мелкие разведчики должны были сами приучаться к работе. Я имел в виду также организацию курсов для офицеров, предназначавшихся для разведывательных поездок, но это не было проведено в жизнь. Точно так же не хватало времени и для практической и теоретической подготовки офицеров, три разведывательных центра, предназначавшихся для разведывательной службы в штабах корпусов во время войны. В этих разведывательных центрах едва хватало опытных руководителей для занятия руководящих должностей в армии и в тылу.

В попытках создать кадры недостатка не было. Незадолго до начала войны я употребил все усилия для сохранения важной информационной (обрабатывающей) группы, которую предполагалось принести в жертву экономии.

Кажущийся излишек личного состава разведывательной службы объяснялся тем, что у нас войсковая разведка и информационная (обрабатывающая) служба были, по крайней мере номинально, объединены в одном бюро, тогда как в других государствах имелось для этого два разных учреждения. Незадолго до своей отставки полк. Урбанский внес, на основе своего пятилетнего опыта, предложение произвести это разделение. Но этот вопрос остался неразрешенным до вступления в должность нового начальника бюро, полк. фон Граниловича. Он был отозван с должности военного атташе в Бухаресте, участвовал после этого в большой полевой поездке генштаба и в должность начальника разведывательного бюро вступил лишь во второй половине июня 1914 г. Ближайшие же дни принесли ему совсем другие заботы, не имевшие ничего общего с организационными изменениями разведывательного бюро.

Разведывательная служба не могла не видеть происходившей повсюду подготовки к войне. Италия, имевшая в 1903 г. между Штильфрез Иох и Адриатикой лишь 55 укреплений, в том числе одно бронированное, в 1913 г. имела уже 158 укреплений, в том числе 66 бронированных, и 145 оснований для установки орудий; рост этого строительства наблюдался как раз за последние два года. Начиная с 1909 г., сильно возросло стратегическое железнодорожное строительство. Отставка министерства Джиолитти, являвшегося [64] сторонником тройственного союза, привела к управлению армией генерал-лейтенанта Поллио. Он настойчиво требовал увеличения ассигнований на армию и увеличения ее численности мирного времени.

Румыния, являвшаяся вторым вероятным союзником, в 1914 г. сочла нужным разработать план наступления против Австро-Венгрии.

Россия лихорадочно вооружалась. В марте 1914 г. «Кельнише Цейтунг» обратила внимание на русскую пробную мобилизацию. Наш поверенный в делах в Петербурге был возмущен этим известием, которое тотчас же было опровергнуто русским телеграфным агентством. Он находил наивной мысль, что Россия выберет именно этот момент для нападения на центральные державы. В конце марта он услышал также и от турецкого поверенного в делах, что Россия хочет непременно сохранить мирные отношения со всеми своими соседями в течение двух-трех лет, пока ее военная мощь не позволит ей говорить более энергичным языком. Царь должен был через несколько недель уехать в Крым, министр иностранных дел Сазонов должен был отправиться для прохождения курса лечения в Сальзо, так что вообще не могло быть и речи о войне. Однако в конце апреля весь русский балтийский флот получил приказ быть готовым к выходу в море. Это находилось в связи с пробной мобилизацией 800000 человек 10 мая. Наш военный атташе в Стокгольме полагал, что Россия достигнет необходимой боеспособности лишь через несколько лет.

Сербия, так же как и другие страны, работала над усилением своей армии.

Глава 10. Сараевское убийство

По примеру мероприятий во время больших маневров последних лет, я и на сей раз, в 1914 г., дал распоряжение контрразведке предпринять надлежащие меры предосторожности, так как на маневрах, намечавшихся в конце июня 1914 г. в Боснии, должен был присутствовать Франц Фердинанд.

В результате предпринятых мер с территории маневров всегда удалялось много подозрительных лиц; на мне лежала и [65] обязанность позаботиться о создании запретной зоны в непосредственной близости от престолонаследника. В этой работе мне помогали приглашенные мною лучшие сыщики из Вены и местные органы полиции.

Никогда мне эти мероприятия не казались столь важными, как на предстоящих маневрах, которые должны были происходить в политически неблагополучной области. К моему неприятному удивлению, эрцгерцог, однако, отклонил мои предложения.

Что или кто склонил его к этому, – осталось для меня загадкой.

Мое внимание во второй половине июня было отвлечено вновь вспыхнувшим обострением отношений между Турцией и Грецией. Полк. Лакса сообщал из Софии, что Сербия сосредоточила на греческой и албанской границах 18 полков и что в двух дивизиях призвано несколько контингентов резервистов. Кто мог знать, что там снова затевалось?

28 июня вечером я узнал об убийстве наследника престола. Конечно, я не могу утверждать, удалось бы моей контрразведке предупредить этот несчастный случай или нет, но, во всяком случае, наличие группы испытанных и знавших свое дело людей увеличивало шансы на раскрытие признаков готовившегося покушения. Что убийство имело политическую почву и что нити его тянулись в Сербию, было совершенно ясно для меня. В Сербии и Черногории начали развиваться такие настроения, что, невзирая на весьма частую информацию, получавшуюся от консульского корпуса министерством иностранных дел, последнее 7 июля потребовало от консулов максимального усиления бдительности.

На следующий день мы приказали соответствующим разведывательным пунктам перейти к первой стадии усиленной разведывательной службы.

Начальник Генерального штаба и военный министр отбыли в отпуск. Вслед за ними уехал и я в Лофер. Майор Геллинек сообщил 17 июля из Белграда, что там не верят в серьезность положения; эта информация на другой день была подтверждена одним надежным агентом, доносившим, что соответствующие инстанции имеют положительные заверения России о том, что она твердо будет стоять на стороне Сербии и что этот факт наверное удержит Австро-Венгрию от принятия серьезных политических шагов. Находившаяся уже и до того под вопросом верность Италии тройственному союзу в этот день получила тяжелый удар. Ген.-лейтенант Поллио [66] умер от удара. Во главе генерального штаба стал ген.-лейтенант Кадорна, человек, не разделявший по вопросу о тройственном союзе точки зрения своего предшественника. Второй сомнительный союзник – Румыния, вдруг стал тайно приобретать карты Семиградья, а аудиенция майора Ранда у румынского короля совершенно неожиданно показала заметное сочувствие Румынии к Сербии. Нам пришлось начать разведку и против этого «друга».

19 июля совет министров решил послать 23 июля Белграду ограниченную сроком ноту. Конечно, это был шаг, в серьезности которого сомнений уже не могло быть. Одновременно с этим разведка вступила во вторую стадию усиленной разведывательной деятельности против Сербии и Черногории, а также и против России.

Фактически уже 20 июля поступили сведения о призыве резервистов в русском пограничном корпусе и о сосредоточении кавалерийских корпусов.

Так как по всем признакам настал уже последний срок для переправки через границу взрывчатых веществ для взрыва русских мостов, то 21 июля галицийские разведывательные пункты получили соответствующие распоряжения.

25-го я вернулся в Вену, чтобы быть на месте к моменту получения ответной ноты Сербии. По прибытии я нашел сообщение капитана Губка из Цетанье, что Черногория в случае некоторых уступок готова сохранить нейтралитет, и что Албания готова принять участие в войне против Сербии.

В 6 час. вечера 25-го был получен неудовлетворительный ответ от Сербии, в тот же вечер было получено еще телефонное сообщение из Землина, что в 4 час. пополудни в Сербии официально объявлена мобилизация. Все это, вместе взятое, заставило меня немедленно принять те меры, которыми служба разведки надеялась оказать, помощь войскам. К этим мерам относились: организация восстания македонцев в Ново-Сербии, агитация против войны среди рекрутов в области, диверсионные акты и т. п. Ввиду ожидавшегося вскоре закрытия границы с Сербией и Черногорией, надлежало наладить против этих государств разведывательную службу через нейтральные страны. Проведение этих мероприятий из Софии было сравнительно легким делом, так как Болгария сама очень интересовалась разветвившимися Событиями. Хорошую службу сослужили нам в этом отношении македонские четники (партизаны), на которых одновременно была возложена задача организации разрушений на линиях железных дорог, ведущих от Салоник в Сербию. [67] Против этой важной для сербов коммуникации, по которой доставлялось из Франции вооружение, были также направлены албанские и турецкие отряды из Албании. Из попытки включить в действие македонский комитет в Болгарии, для угрозы с тыла сербским войскам у Дрины, ничего не вышло, ибо он располагал не более чем 300 вооруженных людей. Мелкие отряды и эмиссары разведывательных пунктов в Темешваре и Будапеште причиняли противнику много вреда, но об этом мы получали сведения очень поздно. Многочисленные мосты в ущелье Вардара неоднократно подрывались или совершенно уничтожались. В первых числах августа был взорван железнодорожный мост в сердце Сербии через Мораву под Чуприа, во второй половине августа взлетел на воздух железнодорожный мост через ущелье Тимок.

В сентябре диверсионная деятельность приняла такие размеры, что сербское правительство в своем органе «Самоправа» от 25-го числа дало выход своей злости в статье, озаглавленной «Граф Тарновский и македонские банды». В статье говорилось, что австро-венгерское посольство в Софии вооружает банды и снабжает их деньгами, а «помощник» полк. Лакса их организует и ими руководит. Большие затруднения, испытывавшиеся сербами в конце октября в отношении артиллерийской амуниции, поступавшей через Салоники, были частично результатом вышеперечисленных железнодорожных разрушений. Одно такое железнодорожное разрушение в ноябре, к сожалению, оказалось запоздавшим, так как следовавший из Франции крупный транспорт с артиллерийскими снарядами успел попасть в сербский арсенал в Крагуеваце.

К сожалению, сообщение о взрыве моста с ошибочным толкованием, что доставка военных грузов из Салоник по этой причине расстраивается на длительный срок, укрепило у командующего мнение, что сербы таким образом могут быть доведены до истощения своих сил.

Наши намерения нанести сербам удар в спину при помощи сильного отряда албанцев потерпели полное фиаско. Поручик Опетс, отправившись с транспортом оружия в Кастельнуозо, должен был инсценировать этот приключенческий поход. Здесь он, однако, получил извещение, что албанское побережье находится в руках повстанцев. Министерство иностранных дел придавало большое значение и особенно настаивало на поднятии восстания в Ново-Сербии, но не в Черногории, как это предполагалось одно время. Наконец, 21 августа поручик Опетс прибыл со своим транспортом оружия в С. Джиованни ди Медиа. Итальянцы, однако, об этом деле узнали и потребовали [68] немедленного прекращения посылки подобных транспортов. Опасаясь дальнейших осложнений, министерство иностранных дел удовлетворило требование итальянцев. Все усилия поручика начать намеченные действия с каждым днем становились все безнадежнее и привели его к тому, что он в начале октября написал просьбу о своем отозвании.

Другие сербские коммуникации на Дунае, которые могли быть использованы для перевозки военных материалов из России, находились под бдительным наблюдением наших консулов в придунайских городах. Особенное внимание обращалось на недопущение перевозки войск. Для этой цели к консулу в Виддине был прикомандирован офицер разведки капитан Леонард Геннинг, имевший, кроме того, поручение организовать агентурную разведку протез Ново-Сербии. Он распорядился разрушить кратчайшую телеграфную связь с Петербургом, т. е. телеграфную линию Ниш – Кладозо, на которую покушались также разведывательные пункты в Германштадте и в Софии.

Капитан Геннинг посылал в ближайшие сербские пункты банды для разрушения пристаней, депо и пароходов, организовал столкновение с одним русским пароходом и добился 14-дневного перерыва в работе русского транспорта. Им и начальниками других разведывательных пунктов были предприняты еще различные попытки к нарушению пароходного сообщения, но благодаря контрмерам со стороны сербов и благодаря отношению румын, благожелательному для сербов, они редко удавались, и даже премия в 25 000 франков за каждый потопленный пароход не давала результатов.

Глава 11. Мобилизация разведывательного аппарата

После частичной мобилизации против Сербии, начатой 25 июля, 31 июля была объявлена всеобщая мобилизация вооруженных сил.

Для обеспечения быстроты и простоты совместной работы надлежащих центральных учреждений в Австрии было образовано специальное управление, именовавшееся «Управлением военной охраны», а в Венгрии – «Комиссия по военной охране».

С точки зрения разведывательной службы, важнейшей отраслью этих учреждений являлась цензура почты, телеграфа, [69] телефона и произведений печати, которая должна была воспрепятствовать проникновению за границу и оглашению сведений, могущих нанести нам вред, а противнику принести пользу. Цензурные комиссии, созданные при почтово-телеграфных станциях всех больших городов, в значительной степени способствовали службе охраны в отношении наблюдения за сношениями частных лиц. Прочие цензурные пункты, как правило, открытые при государственных прокуратурах, распространяли свою цензурную деятельность на произведения печати. В начале работы пришлось встретиться с большими затруднениями, поскольку ни руководство, ни работники не имели опыта. Дело стало налаживаться лишь по мере постепенной замены неподходящих работников. Особое значение приобрел контроль писем военнопленных, организованный при разведывательных пунктах лагерей военнопленных.

Фактически вся тяжесть разведки в действующей армии легла на развернутые в начале войны шесть разведывательных отделений при крупных полевых штабах. По мере необходимости они должны были открывать вспомогательные разведывательные пункты. При каждом штабе корпуса также имелись разведывательные пункты, но последние приобретали особенное значение лишь при самостоятельных действиях корпуса, при обычных же условиях они должны были, в пределах отведенного им района действий, дополнять армейский разведывательный аппарат. Большие надежды возлагались на разведывательные органы (отделения) конницы, выделенной командующими фронтами.

Контрразведывательные пункты при армейской этапной службе несли в пределах армейского тыла исключительно контрразведывательные функции. Главные разведывательные пункты, находившиеся в тылу, были сохранены и приданы местному командованию, в частности – командованию крепостей. Поскольку вначале шла речь о войне только против Сербки, разведывательный отдел выделил 26 июля одно маленькое «разведывательное отделение Б», состоявшее из офицеров, которые в разведывательном отделе работали по балканским странам. Но когда война с Россией стала неизбежной, главное армейское командование вынуждено было взять непосредственно в свои руки руководство операциями против этого сильного врага.

6 августа, незадолго до начала войны с Россией, было принято решение возложить руководство операциями оставшихся на балканском театре двух армий на командира 6-й армия генерала от артиллерии Оскара Потioreха. В связи с этим выделенное маленькое «разведывательное отделение Б» [70] 8 августа поступило в распоряжение командующего вооруженными силами на балканском театре в Сараево.

При объявлении всеобщей мобилизации было сформировано второе, более крепкое, разведывательное отделение для главного командования.

Это отделение руководило и всей разведывательной службой действующей армии.

Оставшийся сильно разреженный разведывательный отдел, дословно называвшийся «Бюро учета и обора сведений», должен был продолжать свою работу против всех государств, еще не примкнувших к лагерю врагов, и явиться в известной степени резервом и источником пополнения для общеармейских разведывательных отделений.

В первой половине августа 1914 г. главное командование оставалось еще в Вене. Таким образом, невероятно разросшаяся работа могла проводиться в хороших и благоустроенных помещениях. В то время как вокруг нас и почти во всех частях империи бушевал военный подъем, у нас в отделении был оплошной проходной двор. К нам являлось много лиц с предложениями своих услуг по агентурной службе. Среди них, конечно, находились и хотевшие так или иначе избавиться от службы на фронте, но очень многие пришли без какой-либо задней мысли, кроме жажды приключений. Среди предлагавших свои услуги находились люди всех специальностей, напрашивались на работу даже находившиеся в заключении шпионы. Только немногие на этих лиц могли выдержать строгие испытания, большинство из них никогда не было в странах, враждебных нам, что, разумеется, исключало возможность предположить, что они смогут оправиться с работой в тяжелых условиях военного времени, не вызвав к себе подозрений. Недостаточно, понятно, для агента быть только клоуном или агентом по продаже швейных машин.

Для тех немногих, которые были признаны подходящими для разведывательной работы против России, осталась возможность въезда туда только из нейтральной Швеции, из Турции и отчасти из Румынии. Серьезную заботу для нас составляло приобретение паспорта, причем пока наиболее приемлемыми в смысле проезда в Россию являлись бельгийские или датские паспорта.

Имелось также в виду вести при помощи военных атташе разведку из этих нейтральных стран против России. Полк. Штрауб в Стокгольме до этого времени, не вел активной разведки и поэтому боролся с большими трудностями. С такими же поручениями по разведке был командирован немецким [71] генеральным штабом в Стокгольм майор Фредерици. Полк. Штрауб умел очень искусно мешать намерениям русского военного атташе и зачастую вклиниваться в его действия. Помощник русского военного атташе в Швеции поручик Пребьяно дает Штраубу лучший отзыв, указывая, что никто не принес русским в Швеции столько вреда, сколько полк. Штрауб. Район разведывательной деятельности Штрауба распространялся, главным образом, на Петербургский военный округ. Одесский военный округ наблюдался нашим военным атташе в Бухаресте. Для майора Ранда эта задана была не из легких. Полк. Семенов работал для России, как бы у себя дома: он сделал послушной себе не только румынскую полицию и органы таможен, но организовал пункт для того, чтобы вести за шведами неослабное наблюдение.

Военный атташе в Константинополе ген.-майор Помянковский имел задачей использовать турецкую разведку в черноморских областях и на Кавказе. В интересах разведки можно было использовать настроения среди евреев, созданные русскими погромами. Мне было рекомендовано привлечь к разведывательной работе раввинов из Садагора и Белжеча. Еврейская религиозная община в Будапеште предложила использовать в разведывательных целях ее связи с раввинами из русской Польши. Позже предложила свои услуги еще одна еврейская организация. Однако этой доброй воле мало отвечали ничтожные результаты, которые эти организации дали.

Большие планы имели «Союз по освобождению Украины» под руководством

Меленевского и Скорописа и группа зарубежных украинцев, возглавлявшаяся доктором Николаем Зализняк. Я и сегодня еще не знаю, имели ли они вообще какую-либо связь на Украине. 2 августа главным разведывательным пунктам в Галиции были посланы указания по поводу формирования польских молодых стрелков, которые фактически уже 7 августа заняли Мехов и в количестве 2 400 чел. двинулись на Кельцы и Радом. Все же это было многообещающее начало, а стремления многочисленных депутатов, как-то: фон Сливинского, Дашинского, д-ра Триловского, д-ра Кост-Левицкого, фон Вассилько, использовать национальное движение в Польше и Украине для формирования легионов получили тем более горячий отклик, что они сулили в перспективе заметное усиление действующей армии. Уже в начале августа было приступлено к формированию польского легиона во Львове и Кракове. Экипировку и вооружение взяло на себя императорское и королевское министерство обороны, все же остальное было возложено на разведывательное отделение глазного командования. [72]

Полк. Гранирович, совместно с образованным 16 августа обществом «Высший польский национальный комитет», взялся горячо за дело; оно принесло ему, однако, мало радостей. Требовалась масса усилий, чтобы создать боевую часть. Однако надежда на большой приток людей из русской Польши и на всеобщее восстание в ней не оправдались.

Успехи польских легионеров в разведывательной службе далеко не оправдали возложенных на них надежд. Кроме того, для вас возникли опасения, что в Швейцарии, Голландии и Дании, среди изъявивших желание поступить в легионы, проникли и русские разведчики.

Так, например, в середине мая 1915 г. в Вене «портной» совершенно случайно встретил в ресторане одного офицера, которому незадолго до этого пришивал капитанские знаки различия. Портной обратил внимание на его поведение, не свойственное офицеру. По просьбе портного, офицера интервьюировал один настоящий капитан, которому выдававший себя за ротмистра легионов Георг Михаил фон Вишнярский также показался подозрительным. Его задержали для выяснения личности. Задержанный попросил разрешения пойти в уборную и там застрелился. В канализационной трубе было обнаружено 14 ассигнаций по тысяче крон и бумажные рубли, а на его квартире – компрометирующие документы и удостоверения, обычные для русской разведки. Его настоящее имя было Михаил Корн. Потом было установлено, что родом он из Галиции, был действительно офицером недавно распущенного легиона и состоял на службе русской охранки. Так как многие легионеры служили под псевдонимами, обнаружение шпионов было чрезвычайно трудным.

Важным приобретением для нашего разведывательного отдела был советник д-р Карминский, который уже 12 августа начал составлять экономические обзоры Царства Польского, Подолии и Волыни. Других предложений по оказанию помощи разведслужбе со стороны гражданских учреждений я не помню. Этот советник оказал нам значительную помощь и после того, как рассеялись иллюзии быстрого окончания войны и мы совместно с министерством иностранных дел и управлением военной охраны взяли за определение экономического состояния государства. К сожалению, ни в одном министерстве не было организовано центра по использованию всех возможностей промышленности и купечества.

С германской разведкой сразу же был установлен тесный контакт, как это было условлено еще в мирное время. Штабс-кап. фон Флейшман был прикомандирован к отделу III б [73] в Берлине, во главе которого стал полк. Брозе (майор Николаи отправился в штаб главного командования германской армии). Немцы командировали к нам штабс-кап. Гассе, который потом был направлен в разведывательный отдел штаба главного командования. Его пост в Вене занял военный чиновник Вильгельм Прейслер, который уже до войны оказывал разведотделу значительные услуги в качестве банковского служащего. Штабс-кап. Флейшман потом был прикомандирован к германскому штабу восточного, фронта.

Активные мероприятия контрразведки качались немедленно с началом мобилизацией. С 1912 г. велась регистрация всех подозревавшихся в шпионаже или во враждебных

антигосударственных действиях. Теперь их арестовали, интернировали или выслали. Всех иностранцев из враждебных к нам государств нужно было проверить, чтобы помешать выехать военнообязанным, за исключением военврачей. В их числе был также начальник сербского генштаба воевода Путник, находившийся на курорте в Глейхенберге, но по приказу императора он был освобожден. Все прочие иностранцы могли выехать, но не через районы сосредоточения армии. Был только задержан ряд богатых и знатных русских для обмена их на задержанных в России австрийцев.

Возникли осложнения с иностранцами, которым Австрия стала второй родиной. Они не хотели ее покидать, зачастую и их работодатели не желали с ними расставаться. Мне памятен сильный протест оптовика по импорту чая и кофе Ю. Мейнля на имя министра торговли против высылки работавших у него англичан.

С большой жестокостью пришлось действовать на театрах военных действий, где национальное родство и усиленная агитация создали атмосферу худшую, чем даже снисвавшаяся обычно пессимистически настроенным военным властям. В Боснии удалось предупредить опасность диверсионных актов путем изъятия в качестве заложников всех ненадежных элементов и мероприятий по усилению охраны. Шпионаж со стороны противника был затруднен закрытием границ, цензурой почты и телеграмм и, наконец, эвакуацией населения из приграничных районов, занятых частями прикрытия. Но в оставленных нами местностях у верхнего течения р. Дрины формировались банды, воевавшие на стороне Черногории и Сербии. Туго пришлось здесь мусульманам, не успевшим спастись бегством. Из Санджака Новый Базар (Черногория) мусульмане должны были бежать в Боснию. [74]

В Герцеговине, как в малокультурной стране, трудно было уберечь телеграфные линии от разрушения. Районы, не занятые погранчастями, находились под властью банд. При прохождении мелких воинских частей через Селения, они часто подвергались обстрелу. Пришлось для устрашающего примера сжечь селение Ораховац и расстрелять заложников.

Далмация не была сразу задета войной. Влияние тамошней сербской клики было уничтожено арестами наиболее беспокойных и влиятельных лиц. Влияние патриотически настроенного хорватского населения стало преобладающим. Военное командование все же настаивало на введении государственной полиции в портовых городах Далмации.

В Хорватии. – Словении положение было особенно трудным. Сербь, проживавшие у Савы и Дуная, могли очень легко передавать наблюдательным постам своих соотечественников донесения световыми сигналами и колокольным звоном. Военное командование Темешвара, которому политики не мешали в такой сильной степени, как другим, арестовало все подозрительные элементы, запретило в 30-километровой полосе у границы всякий колокольный звон, пастьбу скота на склонах гор, спускающихся к Дунаю, и приказало тщательно занавешивать в этой зоне все освещенные «сна».

Две линии кордона проверяли наличие пропусков у лиц, проникавших в приграничную зону к северу от Дуная.

Вот пример, иллюстрирующий сербофильскую политику гражданских властей: в Аббации начальник разведывательного пункта арестовал президента хорвато-словенского ландтага Богдана Медаковича, который, несмотря на начавшуюся войну, вел сербофильскую агитацию и был признанным поборником великосербской идеи. Гражданские власти квалифицировали этот арест как «ошибку, допущенную перестаравшимся подчиненным военным учреждением», и немедленно освободили его. Медакович не вернулся в Аграм, а поехал в Вену.

В ночь с 29 на 30 июля в Галиции пытались разрушить железнодорожный мост линии Тарное – Орло (через р. Пойрад). Кроме того, был подожжен мост у Неполокуц (в Буковине). Эти факты давали основание предполагать начало диверсионных действий, связанных с мобилизацией русской армии. Немедленно принятые меры предотвратили дальнейшие покушения. Были арестованы все русофильские элементы, известные еще в мирное время. Это должно было оградить нас также и от шпионажа. Но эта зараза была распространена

гораздо шире, чем мы предполагали. [75]

В этом отношении показательной была брошюра под названием «Современная Галиция», выпущенная в июле 1914 г. отделом военной цензуры при генерал-квартирмейстере штаба русского юго-западного фронта для комсостава подчиненных этому штабу армий. Она должна была служить им справочником о политических партиях Галиции и их отношении к России. В ней были указаны не члены русофильских организаций, на которых можно было рассчитывать. Первый экземпляр этой брошюры 11 октября доставил наш агент из штаба 24-го корпуса. Почти в то же время германский генштаб добыл другой экземпляр из полевой канцелярии 23-го корпуса; один экземпляр был добыт в районе Сана, два экземпляра доставила армейская группа фон Кэвесса, а три экземпляра – главный разведывательный пункт во Львове, переведенный к тому времени в Мункач.

Но уже впервые вторжения русских в Галицию раскрыли нам глаза на положение дела. Русофилы, вплоть до бургомистров городов, скомпрометировали себя изменой и грабежом.

Мы очутились перед враждебностью, которая не снилась даже пессимистам. Пришлось прибегнуть к таким же мероприятиям, как и в Боснии, – брать заложников, главным образом, волостных старост и православных священников. О настроениях последних весьма показательны следующие цифры: до начала 1916 г. с отступавшими русскими войсками ушли 71 священник, 125 священников были интернированы, 128 расстреляны и 25 подверглись судебным преследованиям. Таким образом, больше чем одна седьмая часть всех священников Львовского, Перемышльского и Станиславского округов были скомпрометированы.

Вышеуказанная брошюра стала роковой для многих русофилов. Она стала также главной уликой против их вождя, члена рейхсрата Маркова, который был арестован 4 августа одним из первых и отправлен в Вену. Другие вожаки еще до мобилизации скрылись в Россию.

Россия вела пропаганду также в Богемии и Моравии при помощи возвращавшихся на родину русофилов-чехов. Они остерегались проявлять открыто свои враждебные государству настроения, но то здесь, то там вспыхивали антивоенные и антиавстрийские демонстрации. Ряд анархистских и национал-социалистских союзов был закрыт, и их пресса запрещена.

На Буштеградской ж. д. было обнаружено, что паровозам этой дороги наносились малозаметные повреждения, которые должны были в кратчайший срок повлечь за собой выход из строя паровозного парка. Пришлось арестовать необычайно [76] большое количество людей, пристававших к офицерам с разными вопросами. Было установлено наблюдение за вожаками антимилиитаристов, поскольку они не были мобилизованы.

Нам стало ясно, что поведение населения в чешских и словацких областях зависело от развития военных действий, за которыми там следили с величайшим напряжением

И без того сложные при таком политическом положении задачи контрразведки усложнились еще больше в дни мобилизации, которая вызвала неразбериху переселения народов и создала благоприятнейшую почву для шпионажа. Население стало обнаруживать повышенный интерес к шпионажу. Посыпались анонимные и подписанные доносы. Налаженный аппарат венского полицейско-президиума показал себя на высоте положения, но вскоре его штат оказался недостаточным, вследствие многочисленных откомандирований сотрудников в главный штаб и другие военные учреждения.

Военный психоз проявлялся в форме распространения нелепейших слухов. Пришлось взяться за их распространителей и болтунов. Между ними были и отставные офицеры. Возбуждение населения возрастало по мере увеличения числа стран, объявивших Австро-Венгрии войну. Атмосфера в тылу сгущалась, и мы вздохнули свободно, когда 16 августа та часть штаба глазного командования, к которой принадлежал разведотдел, покинула Вену, чтобы занять первую свою квартиру на галицийском театре в Перемышле.

Глава 12. Разведывательная служба во время первого похода против России

Квартира, которую мы заняли в Перемышле, была приноровлена к полевым условиям – казарма в предместье Засани. Большая палата, оборудованная обыкновенными чертежными столами и несколькими керосиновыми лампами, служила канцелярией, другая палата служила общей спальней. Это помещение имело те преимущества, что оно объединяло всех сотрудников и давало гарантию от проникновения посторонних.

В большом напряжении ожидали мы результатов начатой 14 августа разведки воздушными силами и кавалерийскими дивизиями, [77] перешедшими границу 15 августа. Данные о численности и развертывании русских сил, которые доставлялись командованию разведкой мирного времени, черпались из сопоставлений и всевозможного комбинирования. Давно прошли те времена, когда мы получали организацию военного времени русской армии и план ее развертывания, так сказать, с царского письменного стола. Годы пренебрежения разведкой давали себя знать, тем более что и в кризисный период подъем разведывательной деятельности страдал от недостатка средств. Все же удалось собрать ценные данные. Уже в начале 1913 г. мы расшифровали тайну формирования в случае войны 31-й второочередной дивизии плюс дивизии в сибирских стрелковых корпусах.

Мы могли рассчитывать, что Россия направит на Галицию 60 пех. дивизий, из которых 35 могли закончить сосредоточение уже 19 августа или даже двумя-тремя днями раньше, принимая во внимание пробные мобилизации, проводившиеся в течение ряда лет, задержку выслужившего срок контингента частей и постоянно расширяющуюся сеть железных дорог, Остальные 25 дивизий могли быть полностью на месте уже к концу августа.

После войны часто утверждали, что русские уже весной 1914 г. перевели сибирские войска в европейскую часть России и что мы об этом не знали. Возможно, что эта версия основана на донесении полк. Помянковского, сообщавшего из Стамбула о том, что турецкий генштаб получил сведения о передвижении войск с Кавказа на запад. Принимая же во внимание, что турецкую разведку возглавлял германский подполк. Тосенэ, нельзя предполагать, чтобы он не проверил столь важного донесения и, в случае подтверждения его, не сообщил германской разведке, которая в свою очередь немедленно дала бы нам об этом знать. Сибирские части, конечно, не были переведены в Европейскую Россию. Начальник русского мобуправления начала войны полк. Добровольский подчеркивает в своей статье «Мобилизация русской армии в 1914 г.», что 1-й и 2-й сибирские корпуса, призыв которых был отложен на две недели, чтобы им не дожидаться своих частей, в которые они должны были влиться при проезде последних, получили пополнения из Пермской и Вятской губерний. Действительно, 1-й, 2-й и 3-й сибирские корпуса прибыли на театр военных действий только в середине сентября. Уже 9 августа мы получили из Кракова агентурное сообщение, что эти три корпуса направляются против Австро-Венгрии.

Как показывает сравнение наших предположений с фактической картиной сосредоточения русских войск, наши расчеты [78] в основном были правильны. Мы ошиблись только относительно месторасположения группы войск между Днестром и Прутом. Там в действительности стояла вначале только пехотная бригада соседней 8-й армии. Русские отправили 7-ю армию во главе с ген. Никитиным к берегам Черного моря для обороны против Румынии, но вскоре, успокоившись относительно последней, они послали 8-й корпус к 8-й армии. К сожалению, мы не придали большого значения извещению, полученному 15 августа из генконсульства в Яссах, относительно сосредоточения русских войск в количестве 12 корпусов в Подолии. По данным, указанным в книге Н. К. Циховича («Борьба в Галиции», стр. 134), русские двинули сразу же 15 корпусов и 13 кавалерийских дивизий в составе 734 батальонов, 603 эскадронов с 2 666 орудиями против нашей северной армии, имевшей 780 батальонов, из них 143 батальона ландштурма и 106 маршевых батальонов с недостаточным боевым снаряжением и менее боеспособных, 366 эскадронов и 2148 орудий. Таким образом, русские имели на 2/5 перевес в коннице, а в артиллерии более

чем на j ; при этом русские имели лучшие орудия и в 3 раза больший запас снарядов.

Наши расчеты предполагали в дальнейшем еще больший перевес сил русских войск, а потому наше командование настаивало на проведении немедленного наступления, не дожидаясь прибытия еще трех армий и значительной части 2-й армии с сербского фронта. При принятии дальнейших решений наиболее существенную роль играли данные о распределении русских армий в их предполагаемом продвижении. Независимо от сомнений в правильности наших предположений, в последний момент мы могли бы еще внести важнейшие изменения. Следовательно, в этот критический момент было чрезвычайно важно иметь возможность проверить массу сведений, поступавших из нашей разведки, относительно расположения и состава сил противника.

При введении особой усиленной службы разведки, у нас хотя и поторопились, согласно инструкции, послать в Россию шпионов, в том числе офицеров, действующих методом наружного наблюдения, но после мобилизации все границы, вплоть до границ Швеции и Румынии, оказались закрытыми, так что и путь в Россию оказался также закрытым. Ряд наших работников, находившихся в России, был интернирован, часть объявлена на положении военнопленных. Даже многие служащие нашего консульства вынуждены были в продолжении нескольких месяцев мириться с тем, что они были на положении интернированных. Оставшиеся на свободе пользовались для посылки своих [79] донесений передаточными адресами в нейтральных странах. Эти телеграммы шли до цели в продолжение многих недель, вследствие чего теряли свою ценность. Ценными оставались только сведения, которые могли дойти до нас непосредственно через границу, но это являлось крайне трудным делом, так как только некоторым агентам удавалось прорваться через границу. Кроме того, мы не имели своих агентов среди жителей пограничной полосы. Таким образом, вражеский стан оставался для нас невыясненным.

Небольшое количество пригородных самолетов не могло помочь делу, так как они могли в лучшем случае оповестить нас лишь о походных колоннах и т. д., что при искусной маскировке со стороны русских не всегда оказывалось верным.

Большое разочарование ждало нас в области разведки конницы, которая не смогла проникнуть во вражеское расположение.

Известия, полученные нами до прибытия в Перемышль, укрепили нас в наших, как выяснилось, верных предположениях относительно расположения русских сил.

Соответственно с основной мыслью плана операций командование 18 августа издало приказ о приведении армий в состояние готовности; отсюда могло последовать как наступление на врага, собравшего свои силы между Вислой и Бугом, так и мощное противодействие натиску русских войск с востока.

С исключительным нетерпением ожидали мы дальнейших извещений, чтобы 21 августа принять окончательное решение.

Я направился к офицерам по разведке в соответствующих армиях: в Ланцут (1), Радымно (2) и Самбор (3), чтобы узнать о принятых мерах. Были предприняты всевозможные меры, однако известия поступали очень редко и скупо,

Переоценка нами сил русских войск, сконцентрированных между Днестром и Прутом, была усугублена извещением о том, что там сосредоточились два кавказских корпуса. Румынский генерал Илиеску, беседовавший по этому поводу с нашим бухарестским военным атташе, прибавил, что эти корпуса переправились в Одессу морским путем. С другой стороны, наш военный атташе в Константинополе извещал о том, что все 3 кавказских корпуса все еще находятся на Кавказе. Как нам сейчас известно, это последнее извещение было верным. Только в конце августа появились на театре военных действий 2-й и 3-й кавказские корпуса, а 1-й корпус остался в тылу.

От подсобной разведывательной станции в Черновицах прибывало сравнительно много секретных сообщений, так как [80] Румыния благоприветствовала проходу разведчиков. Но эти разведчики сообщали о такой массе армейских соединений, якобы угрожавших Черновицам, что для остального фронта оставалось до смешного мало. Понятно, что такое

положение снижало доверие к сообщениям из этого района.

Путаницу вносили известия об усиленных перевозках на железных дорогах юга России по направлению на Волынь, Варшаву, Брест-Литовск. В дополнение к этому пришло извещение от фон Кэвесса о том, что значительные русские силы, сконцентрированные южнее железной дороги Проскуров – Жмеринка, в ближайшее время не предполагают вступить в действие. Посланный наш 21 августа в Подолию летчик не заметил по линии Проскуров – Тарнополь значительного скопления сил противника. Поэтому в главной квартире сделали вывод, что для предполагаемого нами главного удара на север с востока никаких опасностей не предвидится.

Наша разведка осталась не оповещенной о таком важном факте, как выход 8-й русской армии из своего расположения под Проскуровом и 3-й армии – из крепостного треугольника под Ровно. Поэтому мы не придали значения известиям, полученным нами 21 августа вечером, о вторжении врага в Гусятин, Тарнополь и Броды, тем более, что говорилось о 5 дивизиях. Был дан приказ для большого наступления на 22 августа, так как считали, что вышеуказанное вторжение незначительно и может быть легко отбито. Предостережение, пришедшее из Черновиц, о необходимости серьезнее отнестись к опасности с фланга, было встречено с недоверием; согласно этому известию, 8-я армия сосредоточила свои силы в районе Волочиск – Новоселица. Командовавший этой армией Леш (фактически Брусилов, а не Леш) хотел первоначально дождаться прибытия сибирских полков, но переменял решение и перешел в наступление. Известие о наступлении подтверждалось вторжением у Гусятина и Тарнополя, и все-таки недоверчивое отношение к наличию 8-й армии продолжалось, тем паче, что 23 августа летчики заметили у Тарнополя лишь более крупные колонны конницы и небольшие части пехоты.

На основании плохой информации, наша 3-я армия предприняла наступление против гораздо более сильного противника, что и привело к поражению и проигрышу всего вступительного этапа войны.

В своей брошюре «К 10-летию со дня битв при Злочове и Перемышле» тогдашний начальник штаба 3-й армии Пфедер обвиняет верховное командование в неправильной информации [81] о положении врага. Однако в действительности, верховное командование было вправе обвинять командующего 3-й армией в 3 недостаточной информированности потому, что в его ведении была разведка всего Киевского военного округа, и в данном случае 3-я армия имела дело как раз со знакомой ей областью, где можно было использовать имевшиеся связи. Роковой оказалась недостаточная информированность о районе к востоку от Збруча.

После первого успеха у Красника главное командование было настолько уверено в победе и настолько недооценивало положение на востоке, что послало на север в помощь 4-й армии часть 3-й армии, а также отдало приказ о немедленном наступлении на Люблин. Чтобы не тратить сил на осаду Ивангорода, была сделана попытка подкупить коменданта крепости. После переговоров с командованием 4-й армии в Олехисе я поехал в свой прежний егерский гарнизон Ниско, где и передал это деликатное предложение начальнику штаба 1-й армии. Затем я вернулся в Краков, чтобы и здешнему главному разведывательному пункту дать аналогичные указания. Действительно, одному из наших агентов удалось положить письмо на письменный стол коменданта крепости. Какой оборот приняло это дело, осталось нам неизвестным, так как военные действия принудили 1-ю армию отдалиться от крепости. {22}

По мере того как развертывались военные операции, увеличивалось и количество получавшихся нами разведывательных данных. Агенты получили большую свободу действий. Нередко затруднения встречались со стороны нашего собственного сторожевого охранения, которое не соглашалось пропускать наших агентов обратно. Это вызывалось предательством со стороны многих русофилов, что заставляло относиться к ним осторожно, но в этом отношении было много преувеличений; можно определенно сказать, что население было охвачено психозом шпионажа и видело во всем предательство. Достаточно привести

один случай, имевший место в Перемышле, чтобы иметь об этом представление. В главную квартиру в Перемышле пришло известие о том, что по ночам с пожарной каланчи врагу посылаются неизвестными лицами световые сигналы. Немедленно были арестованы 2 пожарных сторожа, и ротмистр фон Вальцен попытался расследовать это дело, но чуть не поплатился жизнью за эту попытку, так как [82] слишком преданные ландштурмисты, видя в нем шпиона, открыли по нему огонь. Я лично занялся расследованием этого дела и вскоре убедился, что это сведение было ни на чем не основано. Но, конечно, не всегда такого рода извещения были выдумками: в 1914 г. были пойманы на месте преступления два серба, передававшие световые сигналы. Они были казнены. В 1917 г. к нам в руки попал документ, содержащий инструкцию командования 1-й итальянской армии, полученную жителем Сан Себастиано (местности, расположенной в тылу нашего фронта). Эта инструкция указывала особый способ сигнализации, используя такую невинную вещь, как ставни, причем каждые три окна обозначали участок фронта. Такие примеры были нередки, и это давало волю воображению. Поэтому понятно, что когда наши агенты, возвращаясь подчас со своей трудной работы в истерзанном виде, предъявляли охранению свои удостоверения, они встречали недоверие и должны были иногда так долго доказывать свою принадлежность к нашей службе, что нередко донесения, которые они с собой приносили, полностью теряли свое значение. Много времени потребовалось для того, чтобы изменить эту постановку дела и добиться более быстрого оповещения высшей инстанции о прибытии агента и установления его личности.

Важным источником для оценки положения на фронте служили военнопленные. И в этом деле надо было сперва накопить опыт для того, чтобы путем систематического опроса пленных иметь возможность составить картину действительного положения. До конца сентября в этой области делались только первые шаги. В этом отношении русские имели большие успехи, и им удавалось выудить от наших военнопленных довольно ценный материал. Кое-что ценное удалось нам получить при обыске убитых и раненых. Так, из бумаг, найденных на убитом полк. Витковском, нам удалось узнать, что между Вислой и Бугом находятся 4-я и 5-я русские армии. Взятые немцами у убитого русского генерала документы о перевозках подтвердили известный уже нам факт стягивания трех сибирских корпусов к европейскому театру военных действий, по направлению к Варшаве.

Исключительно ценным, непревзойденным источником информации оказалась русская радиотелеграфная служба; русские так же неосторожно ею пользовались, как и немцы в первое время войны. Русские пользовались своими аппаратами так легкомысленно, как если бы они не предполагали, что в нашем распоряжении имеются такие же приемники, которые мы могли настроить на соответствующую волну. Мы [83] пользовались своими радиостанциями для передачи приказов значительно экономнее и осторожнее и, главным образом, для подслушивания, что нам с успехом удавалось.

Какая бывала у нас радость, когда мы перехватывали один за другим незашифрованные приказы! Еще большая радость была у нас, когда шифр прерывался отдельными незашифрованными словами. Мои специализированные дешифровщики с энтузиазмом бросались разгадывать эти загадки. Иногда расшифровка удавалась путем догадок, а иногда при помощи прямых запросов по радио, во время радиопередачи. Все это требовало, понятно, громадных усилий.

Надо было одновременно знать подразделения армии противника и имена высших командиров, чтобы таким образом с пользой выяснить, от кого идет та или иная радиотелеграмма и кому она направлена. Таким, образом, события развивались, а наша разведка находилась еще в периоде созревания; 3-я армия была отброшена при Злочове, вторично она потерпела неудачу, несмотря на помощь 2-й армии, стянутой с балканского фронта; 4-я армия после победы при Комарове вернулась по направлению к Львову, чтобы помочь двум другим армиям в борьбе с надвигающейся с востока русской лавиной.

В это время результаты нашего радиоподслушивания были взяты под сомнение: были выдвинуты опасения, что русские посылают по радио заведомо ложные приказы, чтобы

вести нас в заблуждение. Только с большим трудом удалось восстановить доверие к правильности нашей работы в области радиоподслушивания.

10 сентября во время сражения под Львовом создалось критическое положение. Русским не удалось разбить наше северное крыло; южное же крыло, во главе с начальником генштаба фон Конрадом, двигалось к Львову. В это время мы получили секретные сведения о том, что русские войска движутся по направлению к пустому пространству, образовавшемуся возле 1-й армии. Мы сначала этим слухам не верили, но никогда не обманывавшее радиоподслушивание подтвердило это сведение, и нам удалось выяснить, что 5-й и 17-й корпуса разбитой при Комарове 5-й армии вернулись обратно и вторглись во фланг 1-й армии. Так как резервов для обеспечения тыла нашего фронта у нас не было, то пришлось принять решение об отступлении.

К этому времени осведомительному отделу удалось узнать состав 12 корпусов четырех армий противника, находившихся перед нашим фронтом, а также девяти резервных дивизий. [84]

Расположение сил во вражеском лагере нам удалось узнать, преодолев большие трудности, но, и получив нужные сведения, у нас никогда не было уверенности в точности полученных данных. В данном случае нас смущал тот факт, что ген. Эверт, получивший 26 августа командование 4-й армией вместо барона Зальца, потерпевшего поражение при Краснике, стал подписывать телеграммы как командующий в Краснике лишь в конце сентября. Нам осталось неизвестным, что уже в начале сентября 4-я армия, получив подкрепление, была разделена, и ее западное крыло образовало 1-ю армию, которая по первоначальному плану должна, была совместно с новой 10-й варшавской армией ударить против Германии. Мы полагали, что между Днестром и Бугом расположена 7-я армия под начальством Никитина, тогда как там сосредоточились пехотная бригада, казачья дивизия и запасная дивизия, создавшие так называемый «Днестровский отряд». Только позднее нам удалось это выяснить благодаря радиоподслушиванию.

Распространено мнение, что во время первоначального этапа войны наш разведывательный аппарат доказал свою несостоятельность. На это мы вправе возразить, что и русские в это наиболее тяжелое для разведки время успели не больше нашего, а ведь не надо забывать, что русская разведка имела уже до войны богатые средства и опирались на русофильские слои нашего населения. И. К. Цихович («Стратегические очерки мировой войны 1914–1918 гг.») указывает, что в русской ставке еще 24 августа рассчитывали на то, что наши войска расположены на линии Краков – Перемышль, и жаловались на недостаток в сведениях, поступавших из этой области и из района левого побережья Вислы. Ген. Данилов («Россия в мировой войне», статья VII) подтверждает, что о положении в восточной Галиции русские ничего не знали вплоть до боев 26 августа.

Что касается работы нашего разведывательного аппарата, то в этом отношении можно сделать только одно заключение, а именно: даваемые нами сведения были близки к истине, но не всегда аппарат мог доказать их достоверность и, таким образом, с успехом бороться с недоверием к нашим сведениям, господствовавшим у командования. [85]

Глава 13. Бои на Сане и наша радиоразведка

12 сентября 1914 г. верховное командование снова переехало в Новый Сандец, где осведомительному отделению было предоставлено тесное помещение школы.

Обеспечение от проникновения иностранного шпионажа в этом городе оказалось делом значительно более трудным, чем в Перемышле, что объяснялось большим движением войсковых частей через город и соседством русских деревень. Поэтому мы охотно согласились на предоставление нам львовской полицией комиссара Карла Шварца, хорошо знакомого с условиями Галиции. Обер-лейтенанты Земанек и Маркезетти занялись столь важной для нас службой радиоподслушивания и стали изучать русский шифр. С этой же целью мы направили капитана Покорного на радиостанцию 4-й армии. Радиостанция

верховного командования также была постоянно готова к перехвату радиосообщений. Некоторое замешательство вызвал у нас подслушанный нами приказ, данный ставкой 14 сентября, согласно которому все радиопередачи должны были впредь быть целиком зашифрованы. Это свидетельствовало о том, что русские признали свою ошибку, но к этому времени капитан Покорный знал уже слишком много и умел путем сравнения всех радиogramм, попавших в его руки до 19 сентября, расшифровывать весь русский шифр, так что, несмотря на некоторые искажения, мы могли без особого труда делать переводы (подслушиваемых радиопередач).

Работа агентов была затруднена вследствие отступления армий к Дунайцу и Бяле. Была прервана связь с агентами, находившимися за границей. Разведывательные отделения прибегали к созданию параллельных станций, которые насаждались в покинутых нами районах. Так, например, лейтенанту Леону Гебелю из 4-й армии удалось остаться в Лежайске возле Сана после ухода наших войск, причем ему надо было вести себя очень осторожно из-за большого количества русофилов.

Обер-лейтенант Макс Тайзингер фон Тюлленберг был оставлен с 20 людьми из 2-й армии для разведки и диверсионных действий в районе между Ржешовом и Саном. Он нанес много вреда русским и дал нам ряд ценных сведений.

Полицейскому комиссару Хорвату, переселившемуся вместе со львовской полицией в Бялу, было поручено организовать во Львове тайную разведывательную станцию. Армейские [86] разведывательные отделения и осведомительные отделения верховного командования пытались восстановить агентурную службу. Многим новичкам не хватало опыта, многие потеряли вскоре охоту к этой опасной работе. Надо было создать массовую разведку, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в то время на работу было принято 200 агентов. Частично они были использованы для ближней разведки и возвращались через пару дней обратно, частично же посылались в разведку на 5–8 дней. Служба дальней разведки требовала, конечно, больше времени, требовала разъездов по России в течение месяцев и имела своей целью осведомление о положении внутри России.

Во время отступления мы действовали в контакте с германцами. Германская 9-я армия была послана в Силезию и в район Кракова. Чтобы это мероприятие осталось незаметным для русских, мы предложили военному атташе в Стокгольме дать знать русскому консулу о якобы готовившемся наступлении Гинденбурга на Петроград.

Мы ожидали большого натиска со стороны наступавших русских, но в действительности темп их наступления был значительно медленнее, чем мы ожидали, и после занятия Перемышля русские армии задержались на Вислоке.

Это было нашему верховному командованию непонятно, но путем радиоподслушивания мы узнали о стягивании новых сибирских полков и 1-го туркестанского корпуса.

Когда наши отступавшие армии достигли места, где они смогли привести себя в надлежащее состояние, нам удалось подслушать радиотелеграмму, посланную известным нам уже командующим 9-й армией ген. Лечицким, которая приказывала 16-му корпусу покинуть Вислок и вернуться в Кр. Сан. По сведениям, полученным от агентов, русские войска в количестве 1 пехотной бригады и 7 кавалерийских дивизий расположились в районе между Нидой и Вислой. Это заставило думать, что русские предполагали передвинуться на северный берег Вислы, быть может, после того, как им стало известно о сосредоточении полков германской 9-й армии.

По радио мы вскоре узнали, что сведения наших агентов базировались на ложных слухах, распространявшихся русскими с целью дезинформации; в действительности там было сосредоточено всего 5 S кавалерийских дивизий, что видно из стратегического очерка Циховича.

Радиотелеграмма, посланная командиром кавкорпуса Новиковым, гласила: «Из Буск, 25.9 8 ч. 30 м. утра. Генералу Ольховскому в Варшаве. В прошлую и в эту ночь мы получили [87] известия о том, что немцы движутся из Силезии на восток по направлению к вверенному

мне корпусу. Нам точно известно, что германские войска концентрируются в районе Ченстохова, ... в районах Бендзин, Олькуц, Пилица, Кромолов. Их передовые отряды достигли линии Новорадомск – Щекочины – Мехов – Сломники. Кроме того, мы имеем сведения о продвижении кавалерийских частей к Нагловице и о транспорте войск из Олькуц в Пржисека. Принимая во внимание эти известия, я решил, оставаясь на расстоянии пяти переходов от передовых позиций, пренебречь переходом Вислы и немедленно послал 2 дивизии по направлению к Нагловице – Водислав для интенсивной разведки. В дальнейшем, для того чтобы обеспечить себя от проникновения разведки противника на востоке... концентрировать там сильные кавчасти. 5-ю дивизию я направил в район Кельцы – Пржедборц, причем ген. Банковскому подчинил туркестанскую бригаду. 4-я дивизия направлена в Стайки – Хмельник. Сегодня штаб корпуса остается в Буск. Новиков».

Итак, благодаря радиоподслушиванию, нам удалось перехватить очень ценный документ, и в то время как ген. Ольховский трудился над дешифрованием этой телеграммы, наш капитан Покорный уже успел разобраться с этим делом и переслал текст телеграммы германскому командованию через связиста капитана фон Флейшмана. Кажется, никогда еще не было такой войны, чтобы планы противника так быстро становились известными тому, против кого они были натравлены.

На следующий день наши армии стояли готовыми к бою на новых позициях. Войска противника стояли еще на Вислоке. В это время там стал известен следующий весьма важный приказ командования 9-й армии: «Настоящим приказываю 26 числа в связи с предстоящим маневром отодвинуться войскам за Вислок, оставив на месте только авангард. Части должны быть размещены в ранее занятых районах. Гвардейский корпус должен остаться в занятом сегодня районе Колбушово – Купно, его авангард должен придвинуться ближе».

Германцы настаивали на немедленном наступлении, желая застигнуть русских врасплох раньше, чем они приготовятся к новой операции. До нас дошли сведения, как видно, распространявшиеся противником с целью дезинформации, о продвижении 9-й армии в гористую местность Кельцы; нам не было известно, имелись ли крупные силы в Ивангороде; из Варшавы нам давали знать об обратном, но на это трудно было полагаться. Одновременно пришло подтверждение из Стокгольма [88] относительно прибытия в конце сентября сибирского корпуса. Ночью 28. сентября мы подслушали приказ, отданный 9-й армии, о продвижении ее за Вислу. Отсюда мы сделали вывод, что враг не собирается двигаться на Венгрию, а собирается перенести центр тяжести из Галиции в Польшу.

Наши силы начали 4 октября передвигаться, и в это время радиоподслушивание оповестило нас о продвижении 9-й, 4-й и 5-й русских армий от Сана к средней Висле, а 1-й и 2-й армий – от северо-восточного фронта к северу от Варшавы. Перехватив радиограмму русского полковника князя Енгальчева из 10-й кавдивизии в Санок, мы узнали о предполагавшемся нападении на юго-восточные форты Перемышля, о чем мы тотчас же известили по радио командование крепости. Капитан Покорный продолжал неустанно работать над радиоподслушиванием, и ему приходилось дешифровать до 30 телеграмм в день.

Краткую передышку перед наступлением я использовал для посещения разведывательных отделений отдельных армий. 2 октября я поехал в германскую ставку в Кельцы.

10 октября наши армии прибыли к Сану. Одновременно германцы нашли под Варшавой русский приказ о концентрированном наступлении огромных сил из Ивангорода – Варшавы к сердцу Германии; это был проект русской армии, на который Антанта возлагала так много надежд.

Ряд причин заставил нас отложить предполагавшееся нами наступление через Сан. Наши войска страдали от ненадежности русинов – главных обитателей этой местности; после побед русских население сильно симпатизировало врагу, причем влияние в этом направлении оказывали и летучки, исходившие от архимандрита Почаевского монастыря.

Виталия, освободившего «галицийских братьев» от верности присяге австрийскому императору. Эти русофилы наносили нашим полкам немало вреда: так, на Сане ими были организованы тайные телефонные линии, благодаря которым враг имел возможность узнавать многие интересные подробности о положении и состоянии наших войск.

При моей поездке на курорт Криница, где сконцентрировались галицийские власти, я добился через начальника края фон Коришовского, сильно встревоженного распространением русофильского движения, запрещения освещения в домах в районе военных действий; все почтовые голуби были нами скуплены, и под страхом смертной казни запрещалось пускать их летать. От органов юстиции мы потребовали быстрых и решительных действий для устрашения населения, но все же [89] благодаря тому, что часто арестовывались ни в чем не повинные люди, приходилось быть весьма осторожными.

Приходилось также внимательно следить и за польскими националистами. Бригадир легионов Пилсудский послал несколько эмиссаров в Варшаву, чтобы противодействовать русофильским настроениям среди местного населения, которое после успехов русских войск в Галиции подняло голову, так что и польское население становилось ненадежным. Вот как в действительности выглядело дело с нашумевшим польским повстанческим движением.

В середине октября русские изменили шифр радиотелеграмм, но, к счастью для нас, телеграмма, посланная новым шифром, осталась непонятой одной частью, которая потребовала разъяснений. В ответ на это командование передало ту же телеграмму старым шифром, благодаря чему мы без труда освоили и новый шифр. Таким образом, мы узнали, что нашим и германским войскам противостояли следующие русские силы: в Восточной Пруссии – 14–18 пехотных дивизий, на Сане и южнее Днестра – от 28 до 31 и против 9-й германской и 1-й нашей армий – от 43 до 46 русских пехотных дивизий, т. е. против 52 дивизий союзников стояло 85–95 русских дивизий; это заставило Гинденбурга решиться на отступление к Силезии, чтобы получить свободу для нового наступления. Наши армии должны были к нему присоединиться.

Перегруппировка в Польше шла полным ходом. Наша служба радиоподслушивания наблюдала ежедневно за продвижением русских войск. 7 ноября мы успели предупредить нашу 1-ю армию о готовившемся на нее нападении, благодаря чему широко подготовленное нападение вылилось в ничто. 3-й кавказский корпус 4-й армии и два соседних корпуса, двигавшихся к югу от 9-й армии, столкнулись друг с другом, и при Дзяловшице возникло замешательство. Оба командующих армиями яростно бомбардировали друг друга телеграммами, что доставило нам большое удовольствие. Не меньшую радость доставил нам приказ командования 5-й армии, требовавший от ген. Орановского в Седлеце впредь посылать все указания по радио, так как восстановление разрушенных линий в районе военных действий отвлекало слишком много времени и сил. Этот приказ давал нам возможность беспрепятственно наблюдать за большей частью мероприятий на русском фронте. [90]

Глава 14. Триумф службы подслушивания

Верховное командование вынуждено было снова переместиться в глубь страны. Наиболее удобным для этого пунктом нашли Тешен. Здесь, в монастыре, мы встретили сердечный прием и приступили тотчас же к организации службы контрразведки в городе, на вокзалах и пр.

Вопреки ожиданиям, наше пребывание в этом городе затянулось.

В это время созрел план наступления германской 9-й армии на север между Познанью и Торном, чтобы ударить во фланг русской армии. Одновременно 4-я австрийская армия должна была ударить через Вислу у Кракова.

Для обеспечения тыла Силезии предназначались: 1-я армия, германская группа ген. фон Вейрша и 2-я армия, переброшенная с Карпат.

Для обеспечения тыла Западной Галиции и Венгрии остались слабые силы 3-й армии и

части, находившиеся под командованием ген. Пфланцера.

Служба радиоподслушивания оказывала хорошие услуги нашему командованию. Можно было немедленно установить намерения русского командования и настолько хорошо поставить учет неприятельских сил, что уже к концу октября была установлена точная дислокация частей, до дивизий включительно.

Мы были уверены в том, что если исчезновение с фронта какой-либо войсковой части не было установлено в течение одного дня, то все же она будет обнаружена в самом непродолжительном времени. Исключение составлял гвардейский корпус, с 19 декабря совершенно ускользнувший из-под нашего наблюдения. Все разведывательные пункты были привлечены к его отысканию. Для этой цели полк. Штраус послал людей из Стокгольма в Петроград. Все оказалось напрасным. Наконец, 15 января 1915 г. радомская радиостанция сообщила о наличии в Радоме штаба столь долго разыскиваемого гвардейского корпуса. {23} Однако агентура доносила, что самого корпуса там нет. В действительности же, как нам теперь известно из труда Данилова, этот корпус находился юго-восточнее Варшавы, в резерве ставки.

[91] Приказ о переходе на следующий день во всеобщее наступление русской армии в глубь Германии, перехваченный 13 ноября, был дешифрован 13-го же числа и находился на столах нашей оперативной канцелярии и канцелярии главнокомандующего восточным фронтом в Познани. Из этого приказа было, видно, что русские не имели никакого представления об угрозе их северному флангу и о силах перешедшей 12 ноября в наступление 9-й армии, которая расценивалась ими в один корпус. В районе Ченстохова они предполагали наличие четырех германских корпусов, северный фланг которых они хотели охватить. Это сейчас же вызвало противоречие во мнениях союзников. 2-я армия была высажена севернее, чем предполагали германцы, и они согласились подчинить Войрша нашему главному командованию. За это в подчинение Войрша была передана 2-я австрийская армия.

Русские давно удивлялись нашей осведомленности и в результате пришли к заключению, что в этом повинна, несомненно, германская воздушная разведка.

Само собой разумеется, что мы не ограничивались только подслушиванием, которое в любой день могло отказать в работе благодаря перемене шифра. Кроме того, бездействовавшие армии, как 3-я и 8-я в Галиции, пополнявшие потери после тяжелых боев и готовившиеся снова к окружению Перемышля и к продвижению в Карпаты, очень редко пользовались радио.

Работа нашей агентуры шла без остановки дальше. Частые случаи обнаружения двойников требовали большой осторожности. Разведывательным пунктам были даны указания о том, чтобы агентам позволялось возможно меньше видеть из того, что у нас делается на фронте и в ближайшем тылу. Рекомендовалось завязывать агентам глаза яри следовании по нашему расположению. Предполагалось сообщать всем разведывательным пунктам имена и приметы подозрительных лиц, чтобы затруднить работу неприятельских шпионов. С конца октября на всех железнодорожных узлах были учреждены свои контрразведывательные пункты.

В середине ноября, впрочем, наблюдалось оживление и в русских армиях в Галиции. Мы точно могли проследить, перемещение сил противника. 19 ноября русский верховный главнокомандующий очень усиленно давал о себе знать и считал, что наступил час, когда при напряжении всех сил всеобщее наступление увенчается успехом.

Но следующий день привел нас в ужас. Какой-то офицер связи 4-й русской армии передал по радио другому офицеру, [92] что действующий шифр известен противнику. Затем мы узнали из одной радиограммы, что русские читали шифр германцев и, вероятно, поэтому узнали о том, что мы знали их шифр.

Мы пали духом, ибо лучшее средство разведки грозило отмазать в действии. Наши и германские посты радиоподслушивания собрали новые шифровки, и к 22 ноября общими усилиями удалось раскрыть и этот новый шифр. Нам помогло, что русские, привыкшие к

шаблону, придерживались привычной им шифровальной рутины.

К сожалению, первым переданным сообщением было известие о прорыве германского окружения под Лодзью. Русские сообщения позволяли точно следить за действиями германских частей.

В первых числах декабря мы перехватили русскую радиограмму: «Шифровальный ключ, не исключая посланного в ноябре, известен противнику». Мы притаили дыхание. Но, несмотря на это, упрямые русские спокойно продолжали пользоваться старым шифром. Либо у них в этой напряженной обстановке было явно недостаточно других средств связи, либо не было в запасе нового ключа или же они считали достаточной частую смену позывных радиостанций, что во всяком случае увеличивало нашу работу.

6 декабря ген. Новиков сообщил, что он неожиданно подучил приказ прикрывать отход 19-го русского корпуса. Это было первым признаком того, что русская армия начала свой откат, по крайней мере, на северном фланге. Напряженные фазы боя в сражении у Лиманова – Лапанова сопровождалась радиослужбой.

14 декабря новый русский шифровальный ключ лишил нас источника сведений. Раскрытие нового шифра было твердым орехом. Однако при помощи майора Глумака, обер-лейтенанта Земанека, капитана Покорного и обер-лейтенанта Маркезетти удалось его раскрыть в течение нескольких дней. Радиослужба установила, что русские, вопреки ожиданиям оптимистов, не отошли за Среднюю Вислу, а занимали новые позиции по линии Нида – Пилица. Вскоре оказалось, что русские силы, сэкономленные сокращением фронта и сильными укреплениями, перебрасывались против 3-й австрийской армии, выдвинувшейся из Карпат глубоко во фланг. Бои продолжались до нового года, и русские снова продвинулись в Карпаты.

От своих агентов мы знали, что русские имели величайший недостаток в снаряжении и вооружении. У нас в то время положение было немногим лучше. [93]

Глава 15. Сербская операция. Печальный конец года

Невыгодность нашего положения в конце 1914 г. еще увеличилась, благодаря неожиданному исходу операции против Сербии. Наша разведывательная служба на Балканах стояла значительно выше сербской. Наши данные о сосредоточении противника были близки к действительности. Сербы же имели совершенно неправильные сведения о наших силах. В результате на сербов сыпалась неожиданность за неожиданностью. Сербам не был известен уход 2-й австрийской армии и оставление севернее Савы лишь одной 29-й пех. дивизии. Это послужило причиной тяжелого поражения 1-й Тимокской дивизии. Два раза 16-й корпус неожиданно для сербов нанес им удары через Дрину по их южному флангу. Сербско-черногорское вторжение в юго-восточную Боснию не было достаточно подготовлено и обеспечено в разведывательном отношении, в результате чего оно терпело тяжелые неудачи от действий наших войск, более слабых по численности.

Для сербской разведывательной службы была конфузозом несостоятельность сербской разведки, несмотря на многих сторонников Сербии, находившихся в пределах австрийской монархии и несмотря на наличие подготовительной работы, проделанной еще в мирное время. Наша контрразведка во всяком случае работала хорошо и обеспечила себя нужными людьми. В качестве главкой причины отказа в работе разведки начальник сербского разведывательного отдела, полк. Драгутин Дмитриевич, приводит любопытный случай. Главным агентом разведывательной службы против Австрии был известный Раде Малобаич, судившийся по шпионскому делу 53 сербов в Аграме и состоявший также на службе в резидентурах мирного времени у майора Годоровича в Ложнице и майора Дмитрия Павловича в Белграде. 25 июля этот подозрительный человек был арестован болгарской полицией и отправлен в Ниш, где в октябре 1914 т. его случайно обнаружил Дмитриевич. Арест Малобаича парализовал всю сербскую разведывательную службу. В 1918 г. Малобаич рассказал полковнику о своей судьбе и о том, что в Салониках он был присужден

сербским военно-полевым судом к смертной казни. В то время сербы открыто очищались от тех людей, которые слишком много знали.

Также мало помогли красивые женщины, посылавшиеся с румынскими паспортами в Австрию, чтобы добиться знакомства [94] с офицерами и использовать их в разведывательных целях. Абсолютно убогой была черногорская разведывательная служба. Путем демонстраций нам долго удавалось дезинформировать противника и внушить ему, что после очищения юго-восточной Боснии 16-й корпус остался на участке верхней Дрины против его санджакской группы. Долгое время они бомбардировали Калиновик, занятый всего одной ротой. Это, вероятно, происходило потому, что они были дезинформированы ложными донесениями, в которых мы распространяли сведения о наличии крупных частей в данном пункте. Эти документы составлялись разведывательным пунктом в Сараево и искусно передавались в руки противника «при помощи агентов».

Н шей разведывательной службе было до известной степени трудно в подробностях установить состав частей сербов и фамилии высшего командного состава. Это объяснялось частой переменой мест нахождения дивизий на фронте, прибавлением новых формирований и изменением состава армий. В конце октября вызвали беспокойство сведения из разных источников о том, что русские намерены перебросить войска в Сербию по Дунаю. Однако наша агентура на реке ничего не замечала.

Когда мы под Колубара достигли кульминационного пункта успеха, наша разведывательная служба была очень деятельной и располагала достоверными сведениями о степени расстройстве сербских войск и об их недостатках в целом. Однако и тогда мы не имели возможности проверить противоречивые сведения, добытые от пленных.

Мы имели перед собой высокие покрытые снегом горы, затруднявшие движение агентов и бесконечно замедлявшие доставку их донесений. В этих условиях раскрытию намерения противника могло бы помочь только радиоподслушивание. Но сербы располагали этими вспомогательными средствами связи так же мало, как и наши балканские войска.

Генеральный консул в Салониках Реми Квятковский, удивительно подвижной в разведывательной службе, и прикомандированный к нему бывший консул в Нише капитан Генрих Гофленер находились слишком далеко от района последних боев, чтобы быть в состоянии осведомлять нас своевременно. От пленных сербской национальности сербы получали сведения о слабости австрийских войск.

Это привело нас к катастрофе. Только после, сломав хребет их войсковой организации и на долгое время сделав войска сербов неспособными к наступательным действиям, мы узнали, насколько сербы сами пострадали. [95]

Во время кратковременного вторжения сербов в Сирмию весьма ярко выявились настроения части населения, враждебные в отношении Австрии. Торжественные встречи противника, разжигание страстей среди лиц не сербской национальности, нападения на ваших солдат из-за угла, разрушение железнодорожных линий в ближайшем нашем тылу, – все это показывало, что и на собственной территории мы находились, как в настоящей неприятельской стране. Нередко жители района Савы подавали сигналы через реку противнику. Переброску с сербского фронта 2-й австрийской армии якобы выдал староста Кленакской волости.

В Боснии только исключительная строгость помогла подавить элементы, враждебные Австрии. В Фоча были расстреляны 71 чел., производившие на нас нападения. 19 октября в Долня-Тузла военно-полевой суд присудил 18 чел. к смертной казни через повешение. Характерно, что убийцы австрийского престолонаследника – Принцип, Габрилович и Грабеч – не могли быть оставлены для отбывания своего наказания в центральной тюрьме в Ценика, ввиду того, что под следствием за подозрительные интриги находились один караульный инспектор тюрьмы и православный сербский духовник.

Во время продвижения русских появились особенно опасные симптомы: появление новобранцев с траурными значками, явное нежелание маршевых частей отправляться на фронт, уклонение от поставок конского состава и транспортных средств, братание с

русскими военнопленными, распространение прокламаций, большей частью русского происхождения (так называемые прокламации Ренненкампа), распространение воззваний царя и Николая Николаевича к славянам, эксцессы со стороны населения при выступлении из Праги 3-го маршевого батальона 28-го пех. полка и 59-го и 60-го ландштурмовых батальонов из Пизека. В противовес сообщениям военного командования Праги о все более грозных настроениях, городской голова называл их «единичными» случаями.

Чехи за границей занимали явно враждебную позицию в отношении Австрии. Вначале цензура ограничивалась просмотром лишь тех писем, «которые посылались из нейтральных держав «подозрительным» адресатам или от таковых – в нейтральные страны. В конечном счете, убедились в том, что сведения доставляли во враждебные страны и «не внушавшие подозрения» адресаты. В начале октября была установлена цензура всей заграничной корреспонденции. Можно было удивляться изобилию оскорблений Франца-Иосифа, государственному предательству [96] и абсурдным сведениям в письмах, посылавшихся чехами из-за границы, главным образом, из Америки. Чехи, жившие в Австрии, конечно, не могли рисовать в своей корреспонденции мрачных картин внутреннего положения страны. Можно себе представить, как использовалось бесцензурное время непатриотическими элементами. При неожиданном введении цензуры было обнаружено достаточно следов связи с единомышленниками не только в нейтральных странах, но и через последние – во враждебных государствах.

Настроение в стране отражалось на войсках. Целые чешские части оказывались небоеспособными в критические моменты. Необычайно много чехов попадало в плен. Противники использовали эти настроения и привлекали к себе пленных путем хорошего обращения с ними. Русские формировали чешские национальные дружины, так называемые «гуситские легионы», что не могло не отразиться на увеличении количества перебежчиков. Заслуживало внимания и то, что неблагоприятные сведения с театра военных действий часто были известны чешским кругам в Праге на четыре дня раньше их официального опубликования.

О действительном настроении части чешского населения нельзя было судить по случайным демонстрациям лояльности, как, например, по торжественному празднованию дня коронации императора 2 декабря. В то время казалось, что Сербия находится перед поражением, и вера в уничтожающую силу русской армии была поставлена под сомнение. Тем не менее, наместники Богемии и Моравии цеплялись за эти доказательства лояльности. Премьер-министр указывал, что в некоторых кругах наблюдалось оживление более радикального и враждебного государству течения. Но он и слушать не хотел о предложении главного командования ввести военно-полевые суды в Богемии, Моравии и Силезии для государственных изменников и о передаче главному командованию части политических полномочий, с целью более строгого применения правительственной власти.

На театре военных действий (в Моравии и Силезии), само собой разумеется, военно-полевые «суды существовали. В этих районах с приближением русских особенно решительно проявлялись антигосударственные настроения, и по такого рода делам было привлечено 22 человека, из них пять были приговорены к смертной казни. Кроме того, до конца 1914 г. к суду было привлечено еще 38 человек.

Потеря большей части Галиции лишила Австрию не только важного источника продовольствия, но и вызвала наводнение [97] беженцами. Размещение беженцев, затем интернированных, и быстро растущее количество пленных создали серьезную заботу военному ведомству. Хаос можно было устранить лишь постепенным строительством целых барачных городов. Беженцев необходимо было держать под особо усиленным наблюдением, ибо среди них могли оказаться русские «посланцы» для шпионажа или для связи с агентами.

Внутри Австрии в конце года было 800–900 человек, подозреваемых в шпионаже. Сейчас невозможно установить число шпионов, арестованных на театре военных действий и там же подвергнутых наказаниям. Гражданскими и военно-полевыми судами внутри страны было вынесено 97 приговоров. Обстановка требовала строгих наказаний. Поэтому

неудивительно, что с из них были присуждены к смерти.

В конце ноября было получено анонимное сообщение о наличии злостной шпионской аферы. В этой афере участвовал член провинциального правительства – доктор Эдуард Рамбусек в Зальцбурге, который, вероятно, на средства России вел роскошную жизнь со своей подругой, выдававшей себя сперва за русскую, затем – за француженку, а в конечном итоге – за венгерку. Рамбусек, к сожалению, оставался на своем посту в течение войны. Об этой афере снова напомнило лишь самоубийство Рамбусека.

Чем дальше тянулась война, тем шире должна была раскрывать свои глаза контрразведка. Лишь в конце года открытая граница с Италией и Швейцарией была учтена как удобные ворота для просачивания сведений во враждебные нам страны. По согласованию с баварским военным министерством были введены паспорта и установлено наблюдение за Боденским озером. Процветала контрабандная циркуляция писем. Необходимо было проверять даже газетные объявления, ибо иногда содержание, по внешнему виду совершенно невинное, могло иметь секретное значение. Выдача противнику сведений о группировке сил могла иметь место также в ответах на многочисленные запросы о без вести пропавших. В целях сохранения тайны начальник телеграфов ввел с началом войны код для обозначения штабов, который применялся во всей телеграфной корреспонденции и переговорах по прямым проводам. Но сохранение тайны при тесном соприкосновении с противником было мыслимо только при частой смене кода. В объявлениях, публиковавшихся родственниками без вести пропавших лиц, указывалась не только войсковая часть, в которой служило разыскиваемое лицо, но и номер полевой почтовой станции. Таким образом, часто из одного номера газеты можно было [98] выяснить расположение нескольких дивизий, так как каждая из «их имела свой номер полевой почтовой станции, что невероятно облегчало работу шпионов.

Вступление Турции в войну дало центральным державам союзника. Наш военный атташе в Константинополе должен был позаботиться о совместной работе с начальником разведывательного отдела турецкого генштаба майором Зейфи-беом. Наше разведывательное отделение использовало объявление турками «священной войны». С одобрения турецкого посла в Вене летчики и агенты распространяли воззвания среди мусульман русской армии. Кроме того, на легко возбуждаемую фантазию последних пытались воздействовать ракетами и другими пиротехническими средствами. Их должны были привлекать зеленые знамена с полумесяцем и звездой. Эта пропаганда, которой особенно занимался ротмистр Вальцель, имела некоторый успех.

В новый год Австрия вступила с заботами и нуждами во всех направлениях. Надежды на близкий конец войны все более исчезали. Осторожное зондирование германцами в Петрограде почвы для мира наткнулось на непреклонное желание правительства России продолжать войну.

Глава 16. Подготовка к сражению в Карпатах

Ослабление в начале января 1915 г. боев на русском фронте было временем оживленной деятельности разведывательного бюро. Прежде всего, необходимо было ввести некоторый порядок в агентурную сеть, насчитывавшую до 1 000 человек. Предложение услуг работать в агентуре как у нас, так и у наших разведывательных пунктов было велико. Солдаты добровольно изъявляли желание работать. Недостатка в женщинах также не было. Само собой разумеется, что среди агентов было немало мошенников и неспособных к этой работе. Попадались и такие, которые были разоблачены или уволены в одном месте и пытались устроиться в другом. Хорошую помощь в борьбе с этим оказало центральное учетное бюро, организованное при разведывательном бюро.

До конца 1916 г. были обезврежены 88 непригодных агентов и 62 афериста.

В целях пресечения неприятельского шпионажа было введено [99] обязательное предъявление паспорта при переходе границ. Вскоре было введено дальнейшее ограничение

передвижения внутри страны. Гражданские пассажиры, ехавшие по железным дорогам северного театра военных действий, должны были иметь удостоверения личности. На железнодорожной линии Бухс – Вена, идущей с запада, и на ее продолжении через Будапешт, при въезде Румынию был организован железнодорожный контроль, до конца года проконтролировавший более 2300 поездов, перевезших около 400 000 пассажиров, из коих около 300 человек было задержано. Эти мероприятия вначале вызвали много жалоб. Подозрительные элементы попадались лишь в первые дни после этого нововведения, они быстро сумели обеспечить себя «действительными» документами. Подтвердилась старая истина, что в борьбе с контрразведкой преимущества на стороне разведки.

У нас была некоторая неясность в отношении русских резервных дивизий, государственного ополчения и запасных формирований. Для выяснения этих вопросов мы систематически проводили опрос пленных.

С «Союзом освобождения Украины» в середине года создались осложнения, которые привели к его роспуску. Еще до этого министерство иностранных дел прекратило с ним политические связи.

В последнее время мы пытались развернуть нашу диверсионную деятельность в тылу русских в Карпатах.

Взрыв железной дороги у Новоселица, идущей на Черновицы, не удался, благодаря аресту нашего агента на румынской территории. К счастью, его освобождение удалось купить за 300 крон. Теперь мы решили применить более усовершенствованный способ разрушения путей сообщений русской армии, для чего большую ценность представляли аппараты, спускающие с пути поезда. В Брест-Литовске взлетел на воздух склад боеприпасов. В Рени на Дунае произошло то же самое с баржей, нагруженной боеприпасами для Сербии. Особое внимание было нами обращено на подвоз военных материалов в Россию, которая уже к этому времени серьезно страдала от их недостатка. Контрабандной доставке через Швецию препятствовал полк. Штрауб, сообщавший шведским властям о тех транспортах, проход которых был воспрещен. Еще более важен был ввоз через Архангельск. До начала января ледоколы держали фарватер в гавани открытым. Там накапливались большие запасы, которые не могла вывезти узкоколейная железная дорога. Русские спешили перестроить узкоколейку на нормальную колею и построить второй путь [100] нормальной колеи к Белому морю. Полк. Штраубу было предложено организовать диверсионные акты против этой железной дороги и ледоколов. Однако никаких положительных результатов в этой области достигнуто не было.

Не удалась также организация агентурной разведки на территории Ирана. Обер-лейтенант генштаба Вольфганг Геллер прибыл в апреле 1915 г. с этой целью в Тегеран в качестве военного атташе. Он пытался освободить 40 000 австрийских пленных, размещенных в Туркестане, но безрезультатно. В конечном итоге во время охоты он был окружен и взят в плен русскими. После этого пост военного атташе в Иране остался незанятым. Неудача плана германского военного атташе ротмистра графа Каница поднять банды против России повлекла за собой его смерть в феврале 1916 г.

В противовес «Памятной книжке солдата о германских зверствах» Резанова мы выпустили книжку о русских зверствах и заготовили 50 тысяч экземпляров воззваний, которые 22 января – в годовщину гапоновских событий в Петербурге – должны были поколебать русскую волю к продолжению войны. Эти воззвания выпускались от имени «Русской народной организации в Женеве». В русские окопы они доставлялись агентами. На тех участках, где позиции были расположены близко, воззвания пускались при помощи детских воздушных шаров. Воззванием этим очень возмущалась русская ставка и расценивала его как низкий маневр.

Ротмистр фон Вальцель, энергично руководивший этой пропагандой, позднее использовал баллоны с теплым воздухом, обладавшие большой подъемной силой, бутылки и тому подобную посуду в реках и даже льдины, на которых яркими красками и в бросающейся в глаза форме писались лозунги.

Кроме этих работ, мы имели еще очень интересное дело, связанное с двумя подозрительными женщинами, задержанными передовыми постами у Ченстохова и переданными нам германским криминальным чиновником в Новом Сандеце. Русские наступали. Мы были завалены работой, и эти две женщины стали для нас неприятной обузой. Допрос их часто прерывался. Они переходили из рук в руки. Обе женщины, из коих особенно одна, применяли женское искусство очаровывания в отношении допрашивающих, хорошо умели маскировать обстоятельства, при которых они были арестованы. И в действительности так и остался невыясненным вопрос, имели ли мы перед собой обнаруженный арестом женщин факт связи с противником одного из офицеров разведывательной службы, или же перед нами был искусный шахматный ход контрразведки противника, [101] предпринятый с целью скомпрометировать этого очень способного и энергичного офицера. Эти женщины, по-видимому, имели некоторое влияние на отдельных работников тешенского суда, ибо этими работниками были допущены ошибки, затруднившие выяснение дела.

В то время высшее командование нажимало на освобождение Перемышля, так как продовольственные ресурсы крепости уже стали скудными. Наиболее короткий путь шел через Карпаты. О концентрации сил противника на этом фронте говорили сведения как разведывательного пункта 4-й армии, так и донесения офицера легиона, посланного штабом 1-й армии в Россию. Последний доносил о намерениях русских в ближайшее время нанести сильный удар по слабо занятому карпатскому фронту.

Германцы выделили один корпус, который с частью армейской группы Пфланцера должен был составить германскую южную армию. Главное командование должно было привлечь часть сил с балканского фронта. Это надо было скрыть от сербов. Разведывательная служба здесь стояла перед неразрешимыми задачами. Дрина, Сава и Дунай представляли препятствие, охраняемое сербами. Проникновение сюда агентов из Албании было чрезвычайно трудным. Хороший разведывательный пункт – Салоники – был значительно парализован поведением греков, которые выдавали сербам обнаруженных агентов.

Мало помогла нам даже замена премьер-министра Венизелоса Гунарисом, симпатизирующим нам. Сербы организовали сильную охрану болгарской границы. Вскоре выяснилось, что отдельные шпионы, находившиеся в Болгарии и дававшие нам сведения, торговали ими на все стороны.

Несмотря на все приманки, Болгария не перешла на сторону Антанты, охотно приняла наше предложение – руководить разведкой против России, прекратила деятельность шпиона Комарницкого, работавшего для русского посольства, и подготовила новый закон против шпионажа и государственной измены, а также закон о введении цензуры в военное время. В то же время Болгария ни в коем случае не была склонна драться против Сербии. Таким образом, нам нельзя было ожидать облегчения на сербском фронте.

Над Балканами нависла угроза высадки 100 000 англичан и французов в Дарданеллах, о чем в начале года доносил агент морской разведывательной службы из Марселя. Считалась также возможной высадка русского десанта в Варне или Бургасе, и такой план, по Данилову, тогда действительно существовал. [102] Наши консулы в Дедеагаче и Бургасе с напряженным вниманием следили за всеми событиями.

В отношении Сербии мы неожиданно обнаружили отличного помощника в лице «центрального справочного бюро Красного креста». Благодаря инициативе обер-лейтенанта Теодора Примавети и его офицеров это учреждение получило развитие, соответствовавшее быстро возраставшей корреспонденции военнопленных.

До 18 января 1915 г. был просмотрен первый миллион писем. К концу года такое же количество писем приходилось на одну неделю. В середине года в этом учреждении было занято 572 человека, из них 470 цензоров. Подбор людей был нелегким делом, так как недостаточно было только знание языков, а требовалось много времени, чтобы научиться разбирать нечетко написанные слова. Количество цензурных групп по языкам возросло с 14

до 23. Кроме того, одна цензурная группа просматривала книги и печатные материалы, получавшиеся пленными. Наконец, потребовалось организовать еще две группы. Корреспонденция, не подлежащая полному запрещению, а содержащая лишь отдельные недопустимые места, должна была исправляться специальной цензурной группой. Наоборот, исправленные цензурой противника места в корреспонденции, приходившей из-за страницы, нужно шло расшифровывать, для чего группа должна была изыскать соответствующие средства и методы.

Руководители русской и сербской групп убедились, что при систематическом использовании корреспонденции, можно было получить ценные данные военного характера.

Под видом корреспонденции пленным шли в адрес родственников также письма перебежчиков, поступивших на службу противника. Кроме материала для привлечения их после войны к судебной ответственности, эти письма перебежчиков давали возможность цензурной группе завязать с ними связи и получить немало ценных сведений посредством невинных карточек. Таким путем были получены сведения о составе и дислокации частей сербской армии. Только нумерация армий странным образом не сходилась.

Другим важным вопросом для командования, намеревавшегося в Карпатах все поставить на карту, было поведение Италии, которая все более настраивалась против своих бывших союзников. Итальянские правительственные охотно помешали статьи, посвященные неосвобожденным братьям южного Тироля. Особую деятельность проявлял ирредентистский социалистический депутат Триента – доктор Чезаре Баттисти, [103] печатавший свои статьи в газете «Мессаджеро». Журналистские успехи Баттисти не давали покоя и другим ирредентистам южного Тироля. Государственный суд Триента был вынужден дать распоряжение о производстве предварительного следствия в отношении 23 чел. Ввоз итальянских газет в Австрию был запрещен. Но их доставляли контрабандным путем. Только в одном Триесте до конца 1914 г. было рассмотрено 39 контрабандных дел. Фанатик-ирредентист – бургомистр Триеста, осужденный за государственную измену, писал в своем дневнике, что его доверенное лицо каждую ночь сбрасывало на пограничной станции Ала мешок с газетами, который при помощи железнодорожников доставлялся в Триест. Часть газет попадала в страну под видом оберточной бумаги.

Итальянское правительство не возражало против образования в Италии «Эмиграционной комиссии Триентина», привлекавшей наших дезертиров и направлявшей их в легион неосвобожденных. Подтверждались сведения о новом начальнике генштаба графе Кадорна, полностью ставшем на сторону Франции.

Несомненно, что до тех пор Италия не ввязывалась в войну только потому, что момент казался ей недостаточно выгодным для легкого достижения успеха, и что она еще была не готова к войне. Благодаря нейтралитету это отставание энергично наверстывалось. Для этой цели был отпущен 1 миллиард лир. В начале 1915 г. все донесения сходились на том, что в феврале или марте Италия достигнет полной боевой готовности. Это, конечно, было неприятным явлением в момент, когда предполагались еще большие и длительные бои в Карпатах.

Прежде всего, была усилена разведка против Италии. Два офицера, служившие длительное время в контрразведывательном бюро итальянской группы, были возвращены обратно в эту группу. Руководитель бюро, капитан Зобернит, в короткий срок развернул работу против Италии и Румынии. Отлично работал разведывательный пункт в Инсбруке. Разведывательный пункт в Граце получил обратно своего ценного начальника – капитана Николая Афана. Министерство иностранных дел отклонило требование прикомандировать одного офицера к составу консульства в Болонье, являвшейся важным железнодорожным узлом. В феврале министерство иностранных дел согласилось направить капитана Готтарда Шульгофа в качестве вице-консула в Лозанну, с задачей – установить особое наблюдение за французской Швейцарией.

Хорошо содействовали разведывательной службе консулы в Венеции, Неаполе и Милане. [104]

Происшедшее в январе 1915 г. большое землетрясение в средней Италии, облегчило наше положение и несколько охладило воинственный пыл итальянцев.

Между тем решение союзного командования вылилось в окончательную форму, и 15 января полк. Гранирович совместно с германскими разведывательными офицерами из штаба главкома восточного фронта и из армейской группы Войрша уже могли наметить мероприятия для маскировки переброски германского корпуса в Карпаты.

По моему предложению, в середине января 1915 г. в Банат был направлен один германский пехотный батальон с целью создать у сербов впечатление о появлении значительных германских сил. Само собой разумеется, этот транспорт должен был быть показан возможно большему количеству зрителей, причем можно было предположить, что шпионы сделают вывод о переброске других германских частей в этом направлении. В то же самое время военный атташе в Софии распространил сведения о прибытии в Банат квартирмейстеров трех германских корпусов. Дезинформация удалась полностью.

Еще в конце февраля сербы твердо считали, что в Банате имеется один германский корпус. Таким образом, во второй половине января 1915 г. 13-й и 19-й корпуса, в составе 5 дивизий, могли быть переброшены с сербского фронта в Карпаты. В начале февраля, когда в сербской армии получил большое распространение сыпной тиф, сделавший армию неспособной к наступлению, с сербского фронта был снят еще 8-й корпус в составе двух дивизий.

Почта и телеграф, обязанные содействовать маскировке переброски германских частей, не помогли в полной мере. У железнодорожных учреждений отсутствовала необходимая молчаливость, ввиду чего, в целях осторожности, среди железнодорожников распространялась дезинформация. Между прочим, раскрытие тайны не могло быть слишком нежелательным для главного командования, так как, заметив переброску, русские были вынуждены поспешно перебросить в Карпаты один корпус из 10-й армии, что значительно облегчило планировавшийся разгром этой армии в мазурском сражении.

По словам ген. Данилова, русское командование северо-западного фронта уже 20 января получило сведения о прибытии германских частей под Мункач. 23 января мы перехватили радиogramму полк. Пустовойтенко, генерал-квартирмейстера 11-й русской армии, следующего содержания: «Разведка убедительно указывает, что два-три баварских корпуса перебрасываются на карпатский фронт, частично в Буковину, [105] и на сербский фронт, все усилия войсковой разведки должны быть направлены на своевременное установление этих фактов».

Таким образом, прекращение посылки агентов нашим мункачским разведывательным пунктом, из боязни этим путем раскрыть русским нашу тайну, цели не достигло.

Неудивительно, что в этом Карпатском районе северо-восточной Венгрии русские были хорошо осведомлены. Там жили русины, хорошо обработанные русскими еще в мирное время. Укрытию шпионов благоприятствовали всюду проходимые и покрытые большими лесами горы. Находившиеся там до сих пор силы были недостаточны для действительного преграждения доступа русских агентов. Этому же содействовали патриархальные отношения в немногих более крупных населенных пунктах. В важном центре Унгвар не было обязательной регистрации лиц, и городской голова со своими шестью полицейскими имел так много другой работы, что не мог заниматься шпионами. Это был прямо шпионский рай.

Как только армейское главное командование перебросило в этот район, ко времени тяжелых боев против русской армии, органы контрразведки, перелом был создан. Вскоре последовали аресты один за другим. В частности, был задержан человек, выдававший себя за фельдфебеля, у которого была найдена пуговица {24}, разоблачившая в нем русского агента. Вызвал также подозрение наш собственный агент Кмитек, вернувшийся в веселом настроении на крестьянской подводе через русские линии. Предполагали найти в телеге шпионскую контрабанду, однако обыск телеги и самого агента остался безрезультатным. Но этого человека не выпускали из поля зрения. Когда он вторично отправился в качестве

нашего агента за город, он был арестован и обыскан, причем в воротнике рубахи были найдены цифры, которые, как вскоре выяснилось, обозначали номера частей, расположенных на перевале Ужок.

Наблюдение за агентом 3-й армии, кадетом польского легиона Ясиолковским выявило его как двойника. На обратном пути он избрал дорогу через Унгвар и сообщил, что он выполнил задачу – взорвал железнодорожный мост между Ярославом и Перемышлем и в доказательство принес вырезку из газеты, подтверждавшую сообщенные им данные. Уже самый способ его возвращения через русские линии вызвал подозрение. [106]

Кроме того, мы узнали, что мост не взорван. Русская разведывательная служба, по договоренности с агентом, поместила дезинформацию в газетах.

Работа контрразведки была затруднена слабой поддержкой и недоверием к ней венгерских учреждений. Даже железнодорожные чиновники, вместо содействия, оказывали пассивное сопротивление и прикрывались стереотипным: «не понимаю». Когда же чины контрразведки пригрозили арестам, то оказалось, что они сравнительно сносно понимают немецкий язык.

Карпатское сражение на Ужокском перевале, начавшееся 23 февраля 1915 г. и длившееся до апреля включительно, притягивало с обеих сторон все новые и новые силы. Радиоразведка и агенты раскрывали командованию калейдоскопически изменяющуюся картину наступления, контрударов и прибытия новых сил. Перемышль не мог быть освобожден от окружения русских и пал 22 марта. Освобождение осадной армии дало возможность русским произвести еще одну попытку прорвать фронт, но она была отражена нами при помощи свежих германских сил.

Одна русская радиограмма послужила причиной гибели русского агента. В ней какой-то С. Бок был назван агентом русского 18-го корпуса. Сигизмунд Бок, по кличке Статницкий, был разоблачен, когда он попал в наши руки в районе действий 7-й армии. Это была хорошая поимка.

Наша осведомленность о секретнейших планах русских не могла быть долго тайной для них. Разведывательная служба русских также проявляла большую активность. Повсюду они протягивали свои нити. Инструкция, найденная нами у одного шпиона в Константинополе, указывала на размеры русского шпионажа в Турции. Начальник русской охраны в Румынии, Спиридон Панас, завербовал румынского директора полиции в Дорохове – Иона Вамеса, который использовал преимущественно для шпионажа охраны, в качестве осведомителей, беженцев из Буковины, в том числе дочерей одного доктора из Черновиц. Председатель «польского национального комитета» Яворский доставил нам письмо военной секции польских легионов, в котором были данные о насыщенности агентами охраны захваченных нами областей русской Польши. В этом же письме рекомендовалось уволить со службы всех должностных лиц самоуправлений и принять меры против русофильской агитации. Для этой цели в феврале 1915 г. пришлось учредить еще два разведывательных пункта – в Петрокове и в Енджееве. Материалов о русской разведке накопилось внушительное количество. [107]

В марте 1915 г. мы размножили их и разослали своим разведывательным пунктам.

Несмотря на большие расходы и усилия русских, они не знали о нас столько, сколько звали мы и германцы о них. В этом они неоднократно должны были признаться. Нашу осведомленность русские объясняли предательством высших офицеров, близко стоявших к царю и к высшему армейскому командованию. Они не догадывались, что мы читали их шифры. В общей сложности нам пришлось раскрыть около 16 русских шифров. Когда русские догадались, что их радиограммы их предают, они подумали, что мы купили их шифры. Русское шпионоискательство принимало своеобразные формы. Лица, которые ими были арестованы и осуждены, как, например, жандармский полковник Мясоедов, Альтшуллер, Розенберг, председатель ревельской военной судостроительной верфи статс-секретарь Шпан, военный министр Сухомлинов и др., не имели связи ни с нашей, ни с германской разведывательной службой. {25}, Чем хуже было положение русских на фронте,

тем чаще и громче раздавался в армии крик: «предательство!». В первую очередь подозревались офицеры с немецкими фамилиями. Это зашло так далеко, что ставка вынуждена была 26 июля 1915 г. предпринять решительные меры против этого бессмысленного подозрения. Об этом мы узнали из приказа, попавшего в наши руки.

Глава 17. Прорыв у Горлицы

В борьбе, длившейся месяцами и с большими потерями, было достигнуто только отражение наступления противника. Так как немногие трусливые друзья и пока что многочисленные «нейтральные враги» все свое внимание сосредоточили на событиях в Карпатах и откладывали окончательные выводы, – общее напряженное политическое положение требовало, чтобы с началом хорошей погоды был достигнут большой и решительный успех.

В конце января 1915 г. итальянцы начали формировать третьеочередные части. Из разговоров офицеров оперативного бюро итальянского генштаба с болгарским военным атташе было известно, что в середине февраля итальянцы считали еще достаточным [108] бряцание оружием для того, чтобы сделать Австро-Венгрию более уступчивой в отношении итальянских требований. В то же самое время снова усилилась военная агитация среди населения. Мы узнали, что товарное движение на железных дорогах Италии предполагалось сократить на 1/3 с 1 марта и еще на 1/3 – с 10 марта. Это ясно указывало на предстоящую мобилизацию. В Фиуме и Зара итальянский консул требовал возвращения на родину итальянских подданных.

Несмотря на строгий контроль передвижения, наша разведка в Италии работала неплохо. В нашем распоряжении очутилась новая итальянская мобилизационная инструкция. Задержка в армии резервистов рождения 1891 г. и призыв резервистов рождения 1890 и 1889 годов очень облегчили мобилизацию. Кроме того, предусматривалась «скрытая мобилизация». Из этой инструкции я позаимствовал сведения о развертывании 14 корпусов, в том числе двух новых, затем о развертывании 10 второочередных дивизий, не входивших в состав корпусов, и о 4 армиях. Кроме того, наш военный атташе в Риме, на основании данных о назначении 3 новых командиров корпусов, пришел к заключению о формировании 3 новых корпусов и предполагал еще одну 5-ю армию, предназначенную для высадки в Албании или Черногории. Во время войны мы долго искали 15-й корпус, пока не обнаружили и не убедились, что мобилизационная инструкция была подлинной.

С 26 марта качали поступать сообщения за сообщениями, указывавшие на открытую мобилизацию и передвижения войск. В действительности же дело шло о подготовке к ускорению скрытой мобилизации, начавшейся в середине мая. Италия прилагала усилия к тому, чтобы за нею последовали Румыния и Болгария. Настроение в Румынии взвинчивалось преимущественно людьми из Буковины и Семигорья, которые, в качестве дезертиров или по другим причинам, еще в довоенное время или же непосредственно после объявления войны перебежали границу. Вначале румыны не были рады им. Частично они поступали на службу в полицию или же занимались шпионажем в пользу русских. Кроме того, на собраниях и в прессе они рассказывали сказки о притеснениях и грубом обращении с румынами в Австрии. Пропаганда охватила также и Семигорье, где в особенности духовенство и учительство обрабатывали молодых солдат, призывая их не применять оружия против русских и при первой возможности сдаваться в плен или же путем самоизувечия уклоняться от военной службы. Было установлено не менее 102 таких предательских случаев агитации, [109] из коих 1/5 припадала на долю духовенства. Темешварская контрразведка, к сожалению, только в 1916 г. обнаружила, что один румынский приходский священник в Борло создал себе хороший добавочный доход путем оказания помощи дезертирам в Румынию.

4 000 евреев, бежавших в Румынию из Буковины при вторжении русских в последнюю, являлись неприятным бременем для румын. Поэтому румынское правительство поспешило отправить их в Австрию.

Кроме того, имелась румынская ирредента, работавшая теми же средствами, под той же маской и при неофициальной поддержке румын против Австрии. Так же работали итальянская и сербская организации. Румынская «Лига культуры» внешне интересовалась только вопросами защиты и пропаганды румынского языка якобы без преследования какой-либо политической цели. В действительности же работа ее была направлена к разрушению Австро-Венгрии, как это делали итальянское общество «Данте Алигиери» и сербская «Народна Одбрана».

«Семигорский легион», основанный ген. Стойка в 1913 г., был похож на итальянские ирредентистские добровольные формирования.

По господствовавшим в Румынии настроениям казалось, что ее присоединение к Италии обеспечено, если только румын не отпугнет внезапный достигнутый нами большой успех над русскими.

Болгария твердо придерживалась прежней ориентации. Ее решительные заявления о соблюдении нейтралитета произвели в Риме такое впечатление, что 12 апреля австрийский посол заявлял, что болгары отбили у итальянцев желание присоединиться к Антанте. Мы не разделяли этого оптимизма, так как в то же время консул из Венеции сообщил, что там уже открыто происходят военные приготовления.

В середине апреля начали шевелиться также сербы, которые, по нашим подсчетам, могли бросить на чашу весов еще 200 тысяч пехоты и имели на 224 орудия больше, чем в момент объявления войны. Разумеется, они выделили части в Македонию, чтобы прекратить диверсии на Салоникской ж.-д. линии. Для той же цели была продвинута греческая дивизия к Дейрану. Однако некоторые признаки указывали, что эти части предполагалось присоединить к намечавшемуся весной штурму Антанты против центральных держав-

Документы, найденные 17 апреля 1915 г. на потопленной английской подводной лодке, указывали на близкое осуществление [110] давно ожидавшейся высадки англичан и французов в Дарданеллах. Эта высадка и была предпринята 25 апреля.

С начала апреля начал стягиваться 5-й кавалерийский корпус под Одессой. Слухи о формировании в Москве новой русской армии не подтвердились агентом, посланным в Москву, – полковником Штрауб.

Повсеместно угрожавшую опасность должен был сковать удар, который оба командования решили нанести русским в Западной Галиции. Обстоятельства до сих пор благоприятствовали этой цели. Русские сильно пострадали в карпатских боях и не имели артиллерийских боеприпасов. Намечавшийся удар должен был вывести наши армии в тыл карпатского фронта и в первую очередь в тыл тех частей русских, которые выдвинулись вперед. Германцы сконцентрировали для этой цели 8 пехотных дивизий, которые совместно с 6-м австрийским корпусом должны были составить 11-ю армию, предназначенную для прорыва под командованием Макензена.

Еще в декабре 1914 г. разведывательное бюро организовало подвижной разведывательный пункт в Ново-Санджаке, ввиду важности этого района. В течение зимы значительное число наших агентов было направлено центром и соседними разведпунктами армий в тыл русского фронта до Красно-Дембица.

Мы установили, что 3-я русская армия, против которой должен был направиться удар 11-й и 4-й армий в направлении Тарнова, состояла из 14 пехотных и 5 кавалерийских дивизий, причем не менее 5 бригад пехоты состояло из ополченцев. В конце апреля 1915 г. было получено около 20 тыс. пополнения. Однако, вследствие переброски частей на другие направления, силы эти считались русскими недостаточными, о чем мы узнали из русских радиogramм и от своих осведомителей. В данный момент внимание русских было направлено на восточный фланг карпатского фронта, где армейская группа Пфланцера причиняла нам много забот. В Галицию южнее Перемышля был переброшен 3-й кавказский корпус {26}, снятый из 12-й армии на севере. Как точно работала наша разведывательная служба, явствует из того, что 8 апреля мы уже знали об этой переброске, которая, по словам Данилова, была назначена на 6 апреля.

[111] 25 апреля, в качестве представителя разведывательного бюро главного командования, я отправился в штаб ген. Макензена, где в эти напряженные дни принял руководство разведывательным пунктом. Весьма важными для нас были два вопроса: знали ли русские что-нибудь о наших намерениях, и подвозили ли они подкрепления на угрожаемый фронт? Для получения ответа на эти вопросы были использованы все средства. Кроме того, к этому времени заканчивалась подготовка агентов последнего выпуска школы разведывательного бюро главного командования. Мы слишком были заняты, чтобы обременять себя еще этим кропотливым делом», которым в совершенстве овладели хорошо сработавшиеся разведывательные пункты. К тому же присутствие агентов в пункте стоянки штаба главного командования являлось нежелательным.

По показаниям пленных, захваченных 6-м корпусом 26 апреля, было установлено, что противник уже знал о «прибытии двух германских корпусов. Однако из этого противником не был сделан вывод о наших намерениях. Данилов пишет, что с середины февраля часто поступали сообщения о накапливании германских сил под Краковом. Это было неверно, ибо действительная концентрация германских частей проходила у Нового Сандеца, но этого русские не знали. Бонч-Бруевич упрекает разведывательную службу русских в неиспользовании зимы для организации агентурной разведки в районе Кракова и рассказывает, что еще 27 апреля командующий юго-западным фронтом – ген. Иванов – был в полном неведении об угрожающей опасности. Правда, в тот же день пленные, захваченные 3-й армией, сообщали о подготовке наступления и переброске германских подкреплений, но, по-видимому, русские не придали этому серьезного значения или же, по крайней мере, не считали наступление таким близким. Итальянская «Трибуна де Лозанн» указывала на полную неожиданность для русских наступления 2 мая и приписывала вину одному из русских генералов германского происхождения, который, якобы, утаил от командующего 3-й армии Радко-Дмитриева концентрацию 11-й германской армии. Несомненно, мероприятия по маскировке германских транспортов, заранее продуманные и согласованные с майором Николаи, оказали свое влияние. 19 апреля была прекращена в целях осторожности почтово-телеграфная связь, а также прекращена отправка заграничной почты в Будапешт. Конфискованная впоследствии у некоторых лиц венгерская корреспонденция показывала, как неосторожно работала там цензура. Если за границей распространялся [112] какой-либо даже необоснованный слух, он находил немедленное отражение на страницах венгерской печати, а это, в свою очередь, поднимало на ноги агентов противника.

После отступления русских я занял в Ясло квартиру в доме, который незадолго до этого был оставлен Радко-Дмитриевым. Несмотря на тщательный обыск всего дома, ничего интересного в военном отношении найдено не было. Я остался при командовании 11-й армии до тех пор, пока не убедился в хорошей совместной работе полицейского комиссара Хорвата с офицером германской разведывательной службы, капитаном генштаба Брауне, и 8 мая вернулся обратно в Тешен.

На поле боя и в обозах было захвачено большое количество русских военных документов. Интересно было одно из изданий ставки от 25 марта 1915 г. относительно больших упущений и недостатков, допущенных командованием и, в особенности, разведывательной службой. Достоинно внимания было указание на необходимость чрезвычайного засекречивания собственного положения и деятельности. Этот недостаток, по-видимому, имел место не только у русских.

Во время операций под Горлицей наша радиослужба опять торжествовала. В особенности много работала радиостанция майора Покорного, непосредственно следовавшая за 11-й армией. Она работала удачно, несмотря на то, что иногда ей мешала работа германских радиостанций.

12 мая, непосредственно перед началом первых боев перемышльского сражения, русские переменили шифры и позывные. Нас это волновало мало, так как мы были уверены в том, что раскроем их, что в действительности и произошло в течение короткого времени. Но у русских был большой беспорядок, в результате чего 15 мая они радио не пользовались, и

лишь 16 мая началась слабая радиоработа. К счастью, к этому времени как раз появилось много агентов, в свое время направленных в тыл русских. Было приятно видеть хорошую взаимно дополнявшую работу разных средств разведки. Одним из многих примеров может служить, обнаружение переброски 6-го русского корпуса из русской Польши в Галицию. Агенты сообщили об этом еще 24 мая. По радиопереговорам было установлено прибытие корпуса в Рогатин 5 и 6 июня. На следующий день войсковой разведкой у Миколаева – Жидачев была установлена одна дивизия.

10 июня железнодорожный разведывательный пункт в Ксапа сообщил, что 29-й корпус начал погрузку в Блони под Варшавой [113] и 2 июня прибыл в Миколаев. Сведения пленных, взятых 12 июня, дополнили картину тем, что 16-я пех. дивизия научала погрузку в Блони еще 26 мая.

Русские непрерывно подтягивали части с других фронтов и даже с Кавказа. Несмотря на то, что турки клялись, что 1-й кавказский корпус полностью находится на турецком фронте, наши агенты и русские радиоразговоры еще 27 мая установили переброску одной его дивизии в Галицию. {27}

Ошибка заключалась лишь в том, что вместо предполагавшейся нами 39-й была перебросена 20-я пех. дивизия.

Радио своевременно раскрыло не только, основные решения русского командования, как контрнаступление 9 мая против армейской группы Пфланцера, названной потом 7-й армией, 13 и результаты местного успеха. Корольков в своей книге «Неудавшиеся Канны июня 1915 г.» жалуется: «Хорошо работавшая разведка давала возможность германцам (австрийцам) быть осведомленными о положении русских. Они знали недостатки противника и учитывали преимущества своего положения».

По нашим подсчетам, из 5 миллионов обученных солдат, которые Россия имела в начале войны, 3 миллиона пошло на формирование частей полевой армии и военно-морского флота, 800 тысяч на ополчение. Таким образом, для пополнения убыли осталось 1 200 тысяч, и, кроме того, в конце февраля 1915 г. предстоял призыв новобранцев (470 тысяч) и ополченцев I разряда, не имевших льгот по образованию. 5 июня должно было поступить на фронт около 1 миллиона человек. Громадная Россия имела в своем распоряжении 9 миллионов военнообязанных, так что в конце первого года войны не могло быть и речи об иссякании ее военного могущества. Разведывательное бюро подвело итоги положения и сделало заключение, что Россия пока еще не склонна к сепаратному миру. Для этого требовался полный военный разгром, который не позволял бы больше рассчитывать на союзников.

К сожалению, путь к разгрому был далек. Наше положение ухудшилось еще тем, что на арене появился новый противник – Италия. Правда, наши успехи на русском фронте успокаивающе повлияли на Румынию, исключили угрозу высадки русского десанта на Балканах, воздействовали на значительное ограничение сербских оперативных планов и придали им менее опасное для центральных держав направление. [114]

Глава 18. Италия вступает в войну

Еще 27 апреля 1915 г. мы имели сведения о том, что в Лондоне было совещание английского министра иностранных дел Грея с послами Франции, России и Италии. Вся итальянская пресса, разумеется, утверждала, что это неправда, а английский посол в Риме заявил, что слухи о соглашении являются плодом фантазии. Однако наш военный атташе нам сообщил, что американский посол в Риме был уверен в наличии военных намерений Италии. Вскоре в греческой оппозиционной прессе и в «Новом времени» появились сведения о лондонском пакте и о больших уступках Италии на Адриатическом море, возбуждавших смущение в Сербии.

До 4 мая в разведывательное бюро от агентуры поступим многочисленные сведения, согласно которым в граничащих с Австро-Венгрией трех итальянских корпусных округах (4 ,

5, 6.), главным образом в Венеции, уже находилось больше половины пехотных частей, две трети кавалерии, почти вся горная артиллерия, около половины полевой артиллерии и сильная осадная артиллерия.

На следующий день Италия объявила о тройственном соглашении, секретный архив итальянского посольства в Вене бы упакован, и мы ждали немедленного наступления Италии. Наши агенты разъехались по своим мобилизационным назначениям. 9 мая наш военный атташе сообщил, что итальянцы будут в полной боевой готовности 23 мая. Однако наши успехи вызывали в Италии опасения – не слишком ли преждевременно они присоединились к Антанте. Вечером 13 мая министерство Саландра подало в отставку и казалось, что сторонники войны были облиты холодной водой. Эмиссары Антанты, которая, благодаря слабости России, нуждалась в большой свежей военной силе, лихорадочно работали деньгами и прочими средствами пропаганды. В Риме вспыхнули волнения, полетел д'Аннунцио, вернулся Саландра, что по статьям итальянского правительственного органа от 18 мая ничего другого, кроме войны, не означало.

Пока что мы в Тешене с часу на час ждали объявления войны Италией и обменивались с майором Николаи сведениями по этому поводу. Германцы, которые не должны были участвовать в войне с Италией, рассматривались нами как хороший источник сведений. В этот период итальянцы закрыли доступ к железнодорожным станциям, поездам и издали приказ о закрытии [115] окон пассажирских вагонов при следовании пассажирских поездов на определенных участках. Это было сделано со значительным запозданием, так как на этом направлении мы уже знали через своих агентов больше, чем нужно. На 19 мая было установлено сосредоточение 24 пехотных дивизий. Разведывательное бюро исчисляло общую численность итальянской армии в 1 100000 человек, из коих 280000 кадровых. Территориальная милиция исчислялась в 200 000 чел. В действительности же, по Амадео Тости («Итало-австрийская война»), в начале войны должны были быть призваны 1 500000 чел., из которых 900000 – в полевые войска. Оперативный план итальянцев, заключавшийся в наступлении двух армий через Изонцо, был нам известен еще до начала войны.

Можно было предполагать, что это наступление произойдет непосредственно после объявления войны и что своим превосходством сил оно оттеснит нашу слабую пограничную охрану, состоявшую преимущественно из ландштурменных, маршевых и добровольческих батальонов. Однако итальянцы неожиданно для нас ограничились лишь занятием узкой пограничной полосы, добровольно оставленной нашими частями, и в течение целого месяца бездействовали.

Ген. Капелло в своей книге «*Note di Guerra*» жалуется на неосторожность и неспособность итальянской разведывательной службы, оказавшейся совершенно неподготовленной. Имевшиеся небольшие действительно полезные силы были расплынены по многим вновь созданным органам разведки (при министерстве иностранных дел, премьер-министре, военном министерстве и верховном командовании). Ввиду этого разведка давала данные, позволявшие считать, что против итальянцев действовали 20 австрийских дивизий, т. е. не менее 220 батальонов. Некоторые говорили даже о 300 батальонах. Отсюда явилась осторожность. Кроме того, итальянцы встречали трудности при формировании обозов, о чем доносили наши агенты в начале июня.

Для итальянцев было позором, что при активном содействии соплеменников в разведке были достигнуты такие плачевные результаты. На это указывал и ген. Виарида в своей книге «*L'armata del Trentino*».

15 апреля нам удалось напасть в Триесте на слабую широко разветвленную банду предателей и итальянских шпионов и арестовать ее главаря, учителя Эрмано Мрачига. Но этот факт не может служить оправданием слабой деятельности итальянской разведывательной службы. Намек по этому вопросу [116] делает Альдо Валорн в своем труде «*La guerra italo-austriaca. 1915–1918*».

По его словам, ген. Кадорна получал от разведывательной службы мало сведений. Ген. Кадорна якобы держался того мнения, что разведка вообще бесполезна, ибо если она ему и

раскроет оперативный план противника, то все равно он, Кадорна, его изменить не сможет. Если это верно, то и не удивительно, что разведслужба под руководством ген. Кадорна, несмотря на наличие богатых средств, все время работала слабо, и главным, собственно, никогда не был информирован о положении и намерениях противника. Косвенно эти факты подтверждает сам Кадорна, ибо в его труде «La guerra della fronte italiana» работа разведывательной службы совершенно обойдена молчанием.

Всю вину Кадорна сваливает на опубликование Францией сведений о присоединении Италии к тройственному союзу и о лондонском пакте, прибегшей к этому средству после отставки Саландра с целью ускорить выступление Италии. В результате этого ставка на внезапность потерпела крушение.

Главные силы против Италии должна была выделить 5-я армия, действовавшая на сербском фронте. Чтобы не вызвать снятием почти всех полевых частей активных действий со стороны сербов, в Сербию была переброшена слабая германская дивизия, требовавшая пополнения. Германские каски должны были усиленно демонстрироваться на Саве и создать впечатление о наличии здесь больших германских сил. Благодаря этой демонстрации у сербов совершенно исчезло слабое желание, возникшее под давлением Антанты, начать наступление одновременно с итальянцами. Форсирование Дуная у Орсова, намеченное на 22 мая, было отложено, и в начале июня было начато наступление на Албанию. Черногорцы попытались наступать на Скутари. В случае их успеха мы лишились бы хорошего источника сведений, так как наше генеральное консульство должно было бы выехать.

В начале мая главное командование армий центральных держав решило нанести Сербии удар при содействии Болгарии и Турции. Успехом на Балканах мы хотели добиться второго преимущества в этом году. Полковник Лакса получил от болгарского военного министра заверение в том, что болгарская армия находится в боевой готовности. Однако, когда в середине мая болгарам было послано приглашение прислать своего представителя в германскую главную квартиру для обсуждения предстоящих операций, то Болгария, ввиду угрозы выступления Италии, сослалась на свой нейтралитет. У австрийского [117] главного командования в Тешене возникли мысли использовать натянутые отношения между Сербией и Италией и приступить к неофициальным переговорам с первой. Балканский союз под руководством Австро-Венгрии являлся целью, к которой необходимо было стремиться. Но министерство иностранных дел не пошло на это, вследствие венгерского стремления к гегемонии, да и не могло рассчитывать на успех, так как благодаря последнему сербскому наступлению наш престиж на Балканах значительно упал. Когда вступила в войну Италия, Греция была внешне целиком да стороне центральных держав. Однако это расположение было чисто платоническим. Боязнь Антанты была слишком велика, и поэтому Греция предусмотрительно отклонила наше предложение – построить радиостанцию на острове Корфу для подслушивания, что, несомненно, быстро позволяло бы нам раскрыть планы Италии.

С 20 апреля полковник генштаба Густав Пиффль, начальник разведывательного отдела, был откомандирован в Марбург для организации разведывательного отдела юго-западного фронта.

При новом командующем 5-й армией ген. Борович руководство разведывательным отделом в Лайбахе, а затем в Адельберге принял капитан Афан. Капитан Виктор Андрейка был назначен начальником выдвинутого вперед разведывательного пункта в Граце. Начальником разведывательного отдела армейской группы в Каринтии остался капитан инженерных войск Лаком. Разведывательный пункт в Инсбруке, затем в Боцене был подчинен командованию обороны Тироля.

Полное закрытие итальянской границы, разумеется, сильно затрудняло разведку. Остался открытым только кружной путь через Швейцарию. Поэтому в Фельдкирхе был организован разведывательный пункт. Морской разведывательный отдел послал капитана флота Рудольфа Майера в Цюрих. На основе опыта, приобретенного на севере, соответственно была организована и контрразведка.

Прекрасные услуги оказывал нам секретарь посольства обер-лейтенант Брош, оставшийся в Риме после отъезда посольства. Чтобы обеспечить оставление его в Риме, в помещении итальянского посольства в Вене был оставлен итальянский консул майор Джакомо Заннони и секретарь консульства Райнер. Первый вызвал подозрение своим любопытством в отношении южного вокзала. Остальные 20 000 итальянских подданных, находившиеся в Австро-Венгрии, разумеется, были [118] высланы. Из лиц, годных к военной службе и желавших остаться, было интернировано 12 000 чел.

В первую очередь наша разведывательная служба должна была осветить вопрос о назначении загадочной 5-й итальянской армии. Предназначена ли она для высадки в Далмации, Дарданеллах или для действий во Франции? Неясность была еще в отношении состава новых корпусов и использования новых формирований, из которых 40 батальонов уже было установлено в районах развертывания.

К 25 мая мы уже имели картину сосредоточения итальянских сил на нашей границе, которая лишь в несущественных деталях отличалась от действительности. Тогда еще казалось, что наступление итальянцев предполагается как будто бы через Изонцо. Медлительность итальянского командования и выдвижение легких передовых частей рассеяли мечты Кадорна о «внезапности». На следующее же утро после объявления войны сам он был застигнут врасплох налетом нашего флота на восточные берега Италии.

Прошел месяц без существенных событий. Для разведывательной службы это было полезное время, так как данные агентов дополнялись сведениями пленных и очень болтливых перебежчиков. Теперь уже мы точно знали состав четырех армий и армейской группы «зона Карниа», а также фамилии командующих. Не имелось лишь сведений о новых корпусах. Мы узнали непосредственно от лиц, окружавших ген. Кадорна, что итальянцы не предполагали перебрасывать свои части на другие театры военных действий, а также то, что итальянцы не предполагали производить высадки в Далмации.

Итальянцы хотели обеспечить Албанию, для чего имелась наготове одна дивизия для усиления отряда, посланного ранее в Дураццо и Валлону. Сведения, поступавшие из Румынии, о том, что в Италию должно прибыть 200 000 французов, вскоре оказались сказкой.

Загадка была разгадана установлением наличия 162 пехотных полков, что говорило о наличии не менее 40 линейных дивизий. Постепенно этот вопрос выяснился. Не было номеров пехотных полков от 92 до 110, и мы остановились на 35 дивизиях, как нами предполагалось вначале. Существенным было то, что у итальянцев состав дивизий и корпусов часто менялся.

Радиоподслушивание, организованное в конце мая капитаном Фигль, нашим лучшим специалистом по итальянским шифрам, подкрепленным телеграфным референтом и начальником полевой радиостанции [119] при командовании юго-западного фронта капитаном Ганрейхом, встречало вначале больше затруднения на итальянском фронте. Марбург, расположенный в зоне действий наиболее густой сети больших радиостанций суши и Адриатического и Средиземного морей, давал множество радиogramм, из которых необходимо было выуживать нужные. 5 июня окончательно удалось расшифровать 4 итальянские радиogramмы, перехваченные при переговорах большой рации Кольтано с Массауа. В середине июня к подслушиванию были привлечены все полевые и ручные радиостанции, находившиеся в распоряжении командования. 21 июня была принята первая шифрованная радиogramма итальянской полевой радиостанции. Накапливание зашифрованного материала шло крайне медленно, причем перехваченные радиogramмы были сильно искажены, что невероятно затрудняло дешифрование.

Наконец, 5 июля, когда первое сражение на Изонцо достигло наивысшего напряжения, радиослужбой 2-й армии была перехвачена радиogramма Кадорна, зашифрованная шифром итальянского генштаба «Чифрарио Россо», приобретенным мною еще до войны. Из депеши мы узнали об упреках ген. Фругони за недостаточную поддержку демонстрациями наступления 3-й армии. 10 июля шифр полевых раций был изменен. С большим трудом нам

удалось раскрыть новый шифр. В течение июня нами было дешифровано только 20, а в июле лишь 13 радиogramм, но постепенно мы начали свыкаться с итальянскими методами. До 12 августа было дешифровано 63 радиogramмы, и полностью раскрытый шифр был разослан штабам армий. Вскоре к нам попал «Справочник итальянской полевой радиосвязи», содержащий необходимые данные тактико-технического и организационного характера. Теперь наши темпы дешифрования быстро повысились. Ежедневно расшифровывалось до 50 радиogramм. Было организовано дешифрование в Адельсберге, Виллахе, Боцене при армейских штабах. Во всяком случае, итальянцы своих приказов по радио не давали, подобно тому, как это делали русские. Итальянцы пользовались радио больше для административных целей. Однако можно было узнать силу войскового соединения, место расположения и часто можно было делать выводы об оперативных замыслах. Так, например, передвижения кавалерийских дивизий достоверно указывали на начало и конец крупных действий и давали возможность догадываться о направлении предстоящего наступления. Замена через каждые шесть недель «Cifrario seivizio» (служебный шифр), а также частая смена позывных [120] затрудняли нашу работу. В начале октября 1915 г. итальянцы начали применять так называемое «Cifrario tascabile». Здесь нашло применение одно из моих изобретений мирного времени.

С августа 1915 г. мы имели в распоряжении разведслужбы новое средство разведки: аппараты подслушивания телефонных разговоров противника. Первые испытания по улавливанию попадающих в землю электрических токов производил обер-лейтенант Иллнер в Плеккенпасе. К концу года хорошие результаты побудили установить станции на фронте 10-й армии, на большом и малом Пале и Фрейкофеле.

Так же, как в России и, на Балканах, разведывательная служба против Италии была верным помощником командования и быстро снабжала (с)го точными сведениями о группировке частей и подготовке противника к наступлениям. Дезинформация, распространявшаяся перед третьим сражением на Изонцо итальянским послом в Берне и во французской Швейцарии, о том, что итальянцы решили этот фронт вообще оттянуть назад, – не смогла нас запутать благодаря нашей хорошей осведомленности. О предстоящем возобновлении наступления на Изонцо наш военный атташе в Берне сообщил 12-го, а военный атташе в Софии – 15 сентября. Они ошиблись лишь в определении точной даты наступления: вместо 18 октября они указали более ранний срок. До конца этого месяца Кадорна приложил много усилий для облегчения положения сербов, на которых мы опять начали сильно нажимать. Как это часто нами наблюдалось, неудачи на фронте вели за собой обвинения в шпионаже совершенно невиновных людей.

К концу года, после четвертого сражения на Изонцо, итальянцы стояли на том же месте, откуда они начали свое наступление. По подсчетам разведывательного бюро, они потеряли 520000 человек из 1 765 000 обученных и 1 414 000 необученных людей, способных носить оружие и состоявших в списках в мае 1915 г. Из них 1 680000 были мобилизованы в войска и морской флот. Таким образом, для покрытия убыли после четырех сражений осталось вместе с призывом 1916 г. 1 300 000 человек.

Здесь мы тоже пытались посредством пропаганды воздействовать на боевой дух противника, причем снова нашли применение уже испытанные баллоны. Воздушные нападения и диверсионные акты против жизненных объектов в итальянском тылу, как, например, против величайшей в Европе гидростанции вблизи устья р. По у Кодигоро, или против электростанций, [121] не дали особых результатов, несмотря на хорошо и с большим знанием дела разработанные 8-м отделением военного министерства указания по этому вопросу.

Нас удивило до некоторой степени то, что итальянцы не применяли диверсий против наших каменных сооружений на железных дорогах и шоссе, несмотря на то, что при их постройке большей частью работали итальянцы, хорошо знавшие обстановку.

Мы не могли недооценивать ирредентизм, открыто руководимый из Италии. До тех пор сведения о нем были слишком недостаточны, чему особенно не приходится удивляться, так

как наш посол в Риме в мирное время умышленно не ориентировался в вопросе ирредентистского движения, разумеется, для того, чтобы случайными замечаниями не расстраивать верного союзника. Однако мы уже знали, что городской голова Триеста был сильно скомпрометирован агитаторской деятельностью доктора Питакко, фактического руководителя городскими делами, сбежавшего совместно с 45 общественными представителями. Также сбежал городской голова Паренцо, доктор Туллио Сбиза. Городской голова Горицы Джорджио Бомбиг был интернирован вместе с семьей. Заседатель исполнительного комитета Паренцо, доктор Салата, которого народная молва давно считала шпионом, пользовался величайшим доверием наших властей. После объявления войны он пробрался под предлогом продовольственных дел <в Рим и, конечно, обратно не вернулся, а принял участие в организации и руководстве ирреденты против нас. К нему присоединился потом и городской голова г. Фиуме доктор Риккардо Занелла, который был мобилизован и попал в плен к русским, откуда в середине 1916 г. прибыл в Италию.

Весьма чувствительным делалось распространение ирредентизма в лагерях военнопленных в России, чему много доказательств давала военная цензура.

Совещание, созванное 28 ноября 1915 г. министром внутренних дел для выработки мероприятий, по изучению и подавлению ирредентизма, решило, что весь собранный материал должен доставляться в министерство внутренних дел и разведывательное бюро для того, чтобы вовремя выявить общую картину связей бюро итальянских переселенцев (эмигрантов), благотворительных обществ (Опера Бономелли), школьных союзов, имевшихся разветвлений их в Австро-Венгрии, а также осветить руководство ими из Италии и связь с итальянским правительством. Хороший пример показала торгово-промышленная палата Каринтии, решившая в будущем взять [122] торговлю лесом в собственные руки и вытеснить итальянских подданных.

Венгерский премьер-министр, разумеется, охотно согласился на обмен сведениями об ирредентизме. Однако он полагал, что значение его преувеличено, отрицал существование единого организованного руководства. В заключение следовал неизбежный намек: «Однако я вынужден... особенно в отношении информации, идущей из хорватских источников, рекомендовать величайшую осторожность...».

Главное командование считало, что закончившийся 5 ноября 1915 г. процесс, с вынесением смертного приговора шпиону и государственному предателю Мрачигу, послужит доказательством, которое повлияет на изменение взглядов графа Тисса (венгерский премьер-министр). По показаниям преступника, под руководством депутата рейхсрата доктора Питакко и при поддержке учителя Анжело Соки, в деталях был разработан план ослабления австро-венгерских сил и содействия переходу Триеста в руки итальянцев. Местом сбора ирредентистских шпионских организаций служило итальянское генеральное консульство в Триесте. Вместе с Питакко в Италию сбежал и доктор Арнольд Кучера, бывший австрийский агент, имевший связи с Мрачигом по линии снабжения поддельными паспортами. Оба они сделались информаторами итальянских газет, в которых писали невероятные вещи об ужасах австрийского господства.

Еще больше доказательств дал последующий период: поведение бургомистров в занятых итальянцами населенных пунктах – Градо, Монфальконе, Аквилея и Корменс; процесс против бургомистра Триеста Виктора Циппеля и руководителя тамошних ирредентов Антона Тамбози, председателя «Лега национале», обыски у епископа доктора Чэлестина Эндрихи, процесс против инспектора уездных школ в Роверето, откуда около 50 лиц бежало в Италию; необходимость переместить многочисленных государственных чиновников в южном Тироле и, наконец, обнаружение письма профессора Спицио Сигелли у доктора Педротти, написанного еще в 1912 г., которое устанавливало поддержку ирредентов со стороны итальянских подданных.

Результаты исследования контрразведка изложила в сочинении «Итальянская ирредента». Командование юго-западного фронта было озабочено вопросом – как удалить эту язву с государственного тела? В южном Тироле можно было обойтись без

переименования итальянских населенных пунктов. Последнее можно было осуществить после удачного исхода войны, [123] как это в действительности и сделали итальянцы в больших размерах с немецкими, названиями населенных пунктов, запутав все существовавшие до сих пор географические понятия.

Глава 19. Занятие русской Польши

Ко времени обратного взятия Львова я должен был, к сожалению, оставаться в Вене, где 21 июля 1915 г. в суде ландверной дивизии начался процесс первой серии русин. В эту серию лиц, скомпрометированных брошюрой «Галиция будущего» и своевременно не успевших бежать в Россию, входили: депутат рейхсрата Марков, судебный советник Кириллович, русский писатель Дмитрий Янчевецкий, адвокаты Кирилл Черлунчакевич и Риттер, крестьянин Дьяков и слесарь Мулькиевич. После двухмесячного процесса всем обвиняемым был вынесен смертный приговор, замененный тюремным заключением. Янчевецкий уже в следующем году был обменен на увезенных русскими заместителя президента магистрата города Львова и подозреваемую в шпионаже г-жу Михалину Кирлин.

По делу второй серии привлеченных к ответственности русин (среди них несколько священников, адвокатов и пр.) суд в феврале 1917 т. вынес 16 смертных приговоров, которые, однако, не были приведены в исполнение.

К тому времени, когда я вернулся с марковского процесса в Тешен, давно уже были заняты Варшава, Брест-Литовск, – одним словом, захвачена вся Польша. Армейское главное командование готовилось использовать созданный Полесьем большой разрыв русского фронта для освобождения занятой еще русскими части Галиции и продолжать наступление до крепости Ровно. Радиослужба, авиация и агентура образцово вели общую работу и дали командованию полную ориентировку в группировках сил противника и в направлении их отхода. 23 августа были дешифрованы 52 радиogramмы противника.

За наступающими войсками в направлении Брест-Литовска следовал майор Покорный со своей радиоразведкой. В этом направлении связь с действующей севернее Полесья группой Макензена поддерживал наш 12-й корпус. Остальные австро-венгерские корпуса направлялись на наш северный фланг. [124]

Сообщения о введении русскими нового шифра делали нецелесообразным перемещение радиослужбы до его раскрытия. Таким образом, аппарат радиослужбы прибыл во Львов лишь 11 сентября, с тем, чтобы выдвинуться и расположиться в Бродах. Сейчас же после занятия Ковеля разведывательное бюро выделило группу агентов для разведывания разрыва русского фронта.

Русские отеснялись с одной позиции на другую тяжелыми боями, преимущественно охватом северного фланга. Когда южный фланг был отеснен до Серета, русская ставка решила быстро перейти в контрнаступление этим флангом. Но на русских еще раз воздействовал наш северный охват, угрожавший Ровно. Русские решили спасти положение и использовать свой 33-й корпус из резерва для непосредственной поддержки своего правого фланга. К последнему перебрасывались войска также из северного Полесья. Наше радиоподслушивание своевременно дало сведения о переброске 33-го корпуса, и можно было предполагать, что 13 сентября он перейдет в наступление. 33-й корпус нанес удар в наш левый фланг, и русские опять продвинулись до Стыри, но быстро отошли назад, когда обнаружилось наступление германской армии из-за Полесья во фланг русским. Русские решили увлечь за собой преследующего противника на свои прежние позиции с тем, чтобы потом ударить ему во фланг группой, подготовленной для этой цели в Полесье. Этот план разрушила наша радиослужба, разоблачившая русские намерения.

Начались трудные часы для нашего южного фланга, который необходимо было подкрепить одним из корпусов, предназначенных для Сербии. Другим корпусом подкреплялся северный фланг. В результате часть Восточной Галиции осталась в руках противника. Обе стороны перешли к позиционной войне по всему фронту.

Аэрофотографирование установило неприятельские укрепления, которые были нанесены разведывательными пунктами совместно с военно-топографическими отделениями на генеральную карту-

Зимнее затишье давало себя чувствовать также и в разведслужбе. К счастью, разрыв русского фронта в Полесье давал возможность агентам проникать в тыл русского фронта и доставлять оттуда сведения. Русские также пользовались этим обстоятельством, и нужно было быть настороже, чтобы препятствовать небольшим отрядам нападать на этапы и разрушать коммуникации. В середине декабря 1915 г. русским действительно удалось поджечь электрическую станцию, расположенную в 20 км в тылу германского фронта. [125]

Хотя русская армия понесла ряд беспримерно тяжелых поражений, разведывательное бюро пришло к выводу, что основы царской армии были потрясены значительно меньше, чем этого можно было ожидать. К тому же русский солдат был слишком одарен хладнокровием, а железная строгость сделала остальное. Все же без длительного восстановления сил русская армия не была способна к серьезному наступлению. Мы знали, что положение внутри России резко ухудшилось, что в ней уже шли разговоры не о завоевательных планах, а о том, как воспрепятствовать дальнейшему продвижению противника в Россию. За войну до победного конца стояли только спекулянты, наживавшиеся на поставках для армии.

Неприятным спутником наших успехов были все более настойчиво выпиравшие польский и украинский вопросы. В ноябре 1914 г. мы раскрыли «Восточно-галицийскую секцию польских легионеров». Депутаты рейхсрата; профессор Заморский, граф Скарбек, Циенский, Биега и Виерчак были арестованы по обвинению в государственном предательстве и умышленном разложении легионов. Этой группе, за исключением Заморского, удалось бежать через Швейцарию в Россию. Заморский же был призван в конце 1915 г. в армию и отправлен на фронт против Италии. Он перебежал к итальянцам и, как нам стало известно в ноябре 1916 г. из перехваченного донесения командования 3-й итальянской армии, он передал противнику сведения о нашем военном и внутривосточном положении. После занятия нами Варшавы «Центральный национальный комитет» поспешил опубликовать воззвание, острое которого было направлено против наших государственных органов и в котором требовалось восстановление польского государства. Стремление к независимости занимало большое место во всех дискуссиях, несмотря на то, что военные власти, по возможности, подавляли эти проявления. У самих поляков в этом вопросе единодушия не было. Например, сторонники «великой Польши» – Дмовский и Грабский – продолжали бороться за русскую ориентацию. Все эти споры вызвали раскол польских политических партий; образовалось множество разных групп, присвоивших себе всевозможные сокращенные обозначения. Разобраться в одних этих обозначениях было для контрразведки нелегким делом. В конце 1915 и в начале 1916 г. начались работы по объединению всех партий и групп, по крайней мере, в Галиции и в оккупированных австро-венгерцами областях русской Польши.

Обо всем этом главное командование информировалось с разных сторон: разведывательными пунктами военных округов в Кракове и Перемышле, [126] разведывательным пунктом во Львове, разведывательным отделом военного губернаторства в Люблине, разведывательным пунктом 11-го корпуса, представителем гласного командования при германском генерал-губернаторстве в Варшаве. Мы также регулярно получали прекрасные доклады советника посольства в Варшаве барона Андриана. Источником ценных сведений была цензура в Фельдкирхе, организованная в конце августа 1915 г. и контролировавшая наиболее интересную почтовую корреспонденцию и курьерскую связь из Швейцарии. Руководителем этого цензурного пункта был старательный капитан Геннинг, раскрывавший все новые и новые уловки лиц, старавшихся контрабандным путем передать запрещенные сведения за границу (например, донесения тайнописью, написанные под почтовой маркой, иголочными уколами в отдельные буквы какой-либо газеты или письма, напечатанного на машинке, и пр.). Кроме того, военный атташе в Берне сообщал о

событиях в Швейцарии, имевших отношение к Польше. Венская полицейская дирекция информировала о положении внутри страны.

Деятельность польского национального комитета вскоре приняла характер заговора. Капитан Геннинг раскрыл, что комитет доставляет свои письма через границу контрабандным путем. Подозрительные явления наблюдал также референт разведывательного бюро по польским легионам капитан Рудольф Митцка.

В середине декабря 1915 г. мы узнали, что в Варшаве и в других пунктах существуют районные офицерские и унтер-офицерские школы бригады Пилсудского, имевшие оружие и предметы снабжения. Сепаратистские стремления этой бригады привели к отрицательным результатам. В начале апреля 1916 г. окружное командование Петрокова напало на след тайного политического союза, ставившего своей целью независимость Польши. Его главой якобы был Пилсудский. Кроме того, в начале 1916 г. в Варшаве и в провинции существовала тайная военная организация, предположительно из 1 600 человек, которая постепенно росла и с которой, казалось, была связана усердная военная подготовка союза «соколов».

Отношение населения занятой нами Волыни никоим образом не говорило о том, что оно ожидает освобождения от нас. Основная масса украинцев не признавала нас. Подлинные русские и многочисленные чешские колонисты были открыто враждебно настроены. Были, правда, и такие русские украинцы, которые мечтали об освобождении и присоединении к центральным державам, но это были единицы, не имевшие никакого [127] влияния на общую массу, и мы их могли использовать только в нашей разведывательной службе в качестве агентов против России. Среди пленных украинской национальности их пропаганда не могла добиться успеха. Эти пленные интересовались социалистическими идеалами, но ми в коей мере не национальными.

Все это заставляло нас принимать целый ряд контрразведывательных мер против государственно враждебных действий. Таким образом, большой военный успех означал увеличение бремени для разведывательного аппарата.

Глава 20. Развал Сербии и Черногории

Летом 1915 г. всеобщее внимание привлекали к себе тщетные атаки Антанты в Дарданеллах. Быстро отлетели все большие надежды, возлагавшиеся на это предприятие. Не остались без влияния и слухи о предстоявшем в скором времени большом наступлении центральных держав против Сербии, 5 июля 1915 г. черногорский принц Петр, командовавший ловченской группой, заявил о желании вести переговоры с бывшим военным атташе в Цетинье майором Губка. С разрешения главного командования переговоры начались 11 июня. Принц начал с протеста против воздушных нападений, – тема, которую можно было разрешить наиболее простым путем. У Губка создалось впечатление, что по существу переговоры должны были преследовать другую цель. Слухи о вступлении в войну Румынии и Болгарии на стороне Антанты снова повлияли на усиление военного пыла Черногории.

По словам сербского посла в Софии Чолак-Антича, в Сербии опять поднялось воинственное настроение, так как центральные державы вместо того, чтобы попытаться привлечь на свою сторону премьер-министра Пашича, для чего имелась благоприятная почва, угрожали притянуть Сербию к уголовной ответственности.

В начале августа Сербия попала в тяжелое положение ввиду предстоявшего в ближайшем будущем вступления в войну Болгарии. Она начала усиливать войска на границе с Болгарией. Скупщина решила отдать Македонию Болгарии за участие последней в войне против центральных держав. Тем временем нами было решено нанести удар Сербии. Наша разведывательная служба развернула усиленную деятельность для выяснения [128] готовности Сербии и 1 сентября доставила сведения о том, что общее наступление центральных держав ожидается в направлении Орсова. Нашими агентами точно были установлены военные приготовления и переброска сил на болгарскую границу, хотя эти

сведения и опровергались сербским бюро прессы. Для подготовки нашего наступления в Рушук были посланы отдельные офицеры и добровольцы, изъявившие желание участвовать в диверсионных актах против русских транспортов с военными материалами для Сербии. 11 сентября, находясь на судах с минами, они приблизились к проходившему транспорту, но тины в нужный момент отказали в действии. Второй попытке у Лома помешали болгары.

Результаты наступления на Ровно заставили нас изменить план действий против Сербии. Это имело то преимущество, что, сгруппировав уже около одной армии в северо-восточном углу страны, Сербия начала сомневаться в достоверности получаемой ею информации. Промедление было неприятно, ибо 16 сентября были получены сведения о том, что Антанта собирается прекратить наступление в Дарданеллах и предполагает находившиеся там силы перебросить в Салоники для поддержки сербов. Это сообщение подтверждалось тем, что находившийся там французский консул дал задание составить планы гавани и окрестностей и начал переговоры с железнодорожными властями. Против этого говорило то, что советник американского посольства в Константинополе, бывший английским агентом, часто рассказывал о предстоящих перебросках сил Антанты, к чему необходимо было отнестись, как к умышленно распространяемой дезинформации. Отдельные наши осведомители сообщали о поездке французского генерала д'Амад через Салоники в Сербию. Разведывательная служба должна была напрягать все силы, чтобы на ходу получать сведения и держать командование в курсе поведения Греции и Румынии, возможных совместных действий сил Антанты в Сербии, а также перебросок частей на этом фронте. Благодаря своему положению и хорошим средствам связи, София была важным центром разведывательной службы. Полковник, обходившийся до сих пор единственным помощником, капитаном Штокланна, получил теперь поддержку в лице посланных из генштаба Кюцля и Локара, а также обер-лейтенанта Янотта.

О Греции мы знали, что она не будет оказывать сопротивления высадке сил Антанты в Салониках и в общем останется нейтральной. Интересно было обнаружение хищений греческих правительственных телеграмм в Афинах. Главный обвиняемый по этому делу – Петроцоулос признался, что его деятельность [129] началась по предложению англичан со дня выхода в отставку Венизелоса и прекратилась с возвращением последнего к власти. Таким образом, Венизелос сам обеспечивал англичан информацией.

После нанесенного русским поражения Румыния не проявляла желания вступить в войну и неожиданно стала менее строгой в отношении транзита наших военных материалов и товаров через ее территорию, хотя все еще чинила немало препятствий ввозу в Австрию продовольствия и других необходимых предметов. Уход английских частей от Анафорта и Седдубаха, а также сведения о высадке в Салониках побудили начальника штаба главного командования поднять вопрос перед немцами об использовании всех находившихся в восточной части Средиземного моря подводных лодок против транспортов, о разрушении салоникинской железной дороги при помощи болгар и о совместных действиях с освободившимися у Дарданелл турецкими силами на левом фланге болгар. Энвер-паша с этим согласился.

Неудача дарданельского наступления значительно облегчила болгарам решение активно вмешаться в войну. 14 сентября началась предварительная подготовка к мобилизации, последовавшей 23 сентября 1915 г. После этого началась мобилизация греческой армии для обеспечения нейтралитета и для усиления частей на восточной и северной границах.

Во второй половине сентября за нижним течением Савы и Дуная началось сосредоточение сил фельдмаршала Макензена в составе 3-й армии под командованием ген. Кэвесса и 11-й армии под командованием ген. Гальвица. Маскировка этого сосредоточения явилась серьезной задачей для контрразведки. Несомненно, прекращение почтовой и телеграфной связи со 2 по 30 сентября было обременительным для хозяйственных кругов, но очень действительным мероприятием, обеспечивавшим военные интересы. Телеграфная цензурная комиссия задержала за это время 1 300 телеграмм, имевших отношение к

перемещению частей, главным образом, с вызовом на станции друзей и родственников. Сила этого мероприятия несколько ослаблялась тем, что введение и срок его действия были объявлены официально.

Несоблюдение Германией тех же правил создало возможность обхода. 16 сентября в Дрездене состоялось совещание представителей соответствующих учреждений, под председательством майора Николаи, решившее принять нужные меры. [130]

Соблюдение тайны затруднялось еще ненадежностью большей части населения в районе сосредоточения. Неудача австрийцев в последней сербской кампании невероятно воодушевила соплеменников сербов в Австро-Венгрии. В Боснии и Герцеговине еще весною замечалось объединение сербских элементов с политическими целями.

К этим трудностям контрразведки прибавилась еще неосторожность при пользовании телефоном. Так, один из офицеров в разговоре по междугородной линии совершенно беспечно спрашивал о частях, переброшенных на Балканы из 5-й армии, расположенной в Изонцо. Одни из прокуроров 13 сентября весьма спокойно телефонировал в Темешвар: «Здесь, где разыграется большое наступление... и теперь уже известно, что прибывают для высадки 16 000–18 000 человек». О том, что мелкие венгерские провинциальные газеты не соблюдали тайны, было известно. Нужно было иметь открытыми глаза и уши во всех направлениях. Маскировка сосредоточения, несмотря на трудные условия, удалась хорошо, и каша разведывательная служба дала хорошие результаты.

В эти дни на очередь стал серьезный вопрос о высадке частей Антанты в Салониках. Наш генеральный консул в Салониках сообщил нам о предстоящей высадке 40 000 англо-французов. Его сообщения дополнялись сведениями военных атташе в Афинах, имевших хорошие отношения с греческим генштабом. Кроме того, военный атташе в Мадриде сообщил о морских транспортах, появившихся у Гибралтара. Генеральный консул в Салониках имел агента даже в штабе английского генерала Гамильтона. Кроме того, было завербовано шесть агентов для непосредственного наблюдения за частями Антанты. Союзники вскоре воспретили передачу телеграмм. Консул вышел из положения тем, что посылал сведения курьерами до Ксанти, на греко-болгарской границе, откуда местный консул передавал их дальше по телеграфу. Мы прикомандировали к консулу капитана Стефана Павлача для организации нелегального разведывательного пункта в Салониках. Насколько это было целесообразно, выявилось в конце декабря, когда Антанта арестовала в Салониках всех представителей центральных держав.

14 октября 1915 г. болгары присоединились к победному движению Макензена. Румыны, естественно, воздержались. Разведывательное бюро главного командования, прежде всего, интересовалось вопросом о том, что предполагает предпринять Россия для поддержки Сербии. Русский ультиматум Болгарии от 4 октября цели не достиг. Россия могла ударить через Румынию [131] в спину Болгарии или же высадить сети войска в Болгарии. Наконец, Россия могла предпринять наступление на Черновицы, чтобы увлечь на свою сторону Румынию. В начале октября наша будапештская резидентура сообщила о скоплениях частей в южной Бессарабии. Вскоре из Бухареста сообщили о скоплении частей в Крыму. 24 октября ковенский разведывательный пункт сообщил о переброске четырех дивизий в Одессу. Также сообщалось о наличии четырех дивизий в районе Измаил – Рени. Все это указывало на десантные планы и на преднамеренное давление на Румынию. В этой напряженной обстановке 27 октября я созвал всех разведывательных офицеров на совещание во Львове для выработки единства действий.

В действительности до конца ноября у русских было намерение высадить десант в Болгарии, для чего 7-я армия была усилена 3 корпусами (Клембовский, «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.»). В начале ноября наша радиослужба обнаружила в Одессе штаб 7-й армии и дунайский отряд в Рени. Румынский министр иностранных дел доверительно сообщил нашему военному атташе, что до сих пор русские еще не требовали пропуска своих войск через территорию Румынии. Румынское правительство даже требовало отвода русских частей из Рени. Но в то же самое время мы узнали, что румыны не будут препятствовать

русским частям в использовании дунайского пути.

Между тем с 20 октября салоницкие части Антанты начали наступление с целью спасения сербов. Но судьба последних уже была решена весьма быстро. 9 ноября нельзя было больше сомневаться в полном разгроме Сербии. Все у сербов так перепуталось, что нельзя было установить силы и группировку частей. Наша разведка начала сдавать. Хотя разведывательный отдел 3-й армии и раскрыл сербский шифр, но сербских радиogramм было перехвачено мало. Разведывательный пункт в Мостаре имел достаточно агентов в Албании, куда отходили сербы. Однако они не ждали возможности достаточно быстро доставлять собранные сведения. Парусники, которые должны были этим заниматься, предъявляли неслыханные требования. Восстание в Албании мешало агентам проникать туда из Греции. Таким образом, единственным источником сведений остались только пленные, в общем мало что знавшие, и частично авиация.

Яркую характеристику развала сербской армии дал наш военный атташе в Софии, узнавший о следующей телеграмме [132] одного из черногорских престолонаследников, принца Данило, из Лозанны своему доверенному лицу в Софии:

«Можете ли вы выяснить, какие планы имеют в виду центральные державы в отношении будущего Сербии и Черногории? Аннексия Австро-Венгрии Черногории всегда будет служить причиной к беспокойству. Напротив, Вена могла быть уверенной в большой выгоде Дунайской монархии, если при посредстве ее была бы создана более сильная Черногория, которая в отношении монархии осталась бы обязанной и в нужный момент могла бы служить противовесом в отношении возможного чрезмерного усиления Болгарии... Черногория должна получить часть Сербии, Спиццу, Будуа, а также северную Албанию. За это Черногория могла бы препятствовать отступлению сербов через Черногорию в Албанию и предотвратить высадку частей Антанты в Черногории и на вышеизложенных основах вступить в договорные отношения с Монархиями».

В начале декабря большая часть Сербии была очищена от сербских частей. В Албании спаслось и было переброшено на Корфу 50 000 чел. из бывшей сербской армии. Уже 25 ноября германские войска получили приказ оставить этот фронт. Несмотря на возражения ген. Конрада, продолжение операций против Салоник было прекращено в марте 1916 г. Это было одной из наиболее тяжелых ошибок за все время войны.

Многие из ваших солдат, попавших в плен, спрятались при отступлении сербов и собирались принцем Виндишгретцом.

По сообщению капитана Кюнцля, болгарская разведка против Салоник совершенно прекратила работу. Надежались только на германцев. Наша разведывательная служба насчитывала в Салониках до 3 ноября 1915 г. 80000 человек и 370 орудий. Греческий генштаб насчитывал только 69 000 человек к 140 орудий.

При этих обстоятельствах высадка русских войск в Болгарию создала бы для нас весьма тяжелое положение. С целью помощи угрожаемой теперь Черногории, русские решили перебросить пополненную 7-ю армию на восточно-галицийский фронт и соответственно переместить 9-ю и 11-ю армии. Об этом мы узнали из русских радиogramм и от своей агентуры. Появились и другие признаки подготовки крупной операции против Восточной Галиции. 4-я русская армия передала по радио (шифром) выводы о положении на русском фронте.

2 декабря штаб русского юго-западного фронта приказал прекратить работу передающих радиостанций. С этим приказанием он несколько опоздал. Была прекращена также отправка [133] частной телеграфной корреспонденции из России в Швецию. Однако агентура и пленные дали нам возможность установить усиление русского южного фронта двумя корпусами и отсутствие перемен на фронте по линии Стрыпа. 20 декабря вечером русскими была возобновлена радиосвязь и введен в действие новый, 13-й по счету, шифр. Этот шифр нами был уже давно раскрыт, так как рации армий других русских фронтов

пользовались этим шифром еще с 14 декабря. Положение было и оставалось для нас совершенно ясным в течение всех новогодних боев, предпринятых русскими.

Черногория не была спасена. Как всегда, плохо информированные разведывательной службой черногорцы ожидали нападения не в том месте, где это нужно было, и в начале января 1916 г. занятием Ловчена были опять застигнуты врасплох. 19-й австрийский корпус вторгнулся в Албанию, занял Скутари, выгнал итальянцев из Дураццо и выдвинул передовые части к Воюза. К сожалению, сербы, уцелевшие до сих пор от пленения и эпидемий, и на сей раз ускользнули.

Деление захваченных областей между Австро-Венгрией и Болгарией происходило не без недовольства со стороны последней. Наш генштаб даже обсуждал вопрос о прекращении доставки военных материалов в Болгарию. Все это вызвало недовольство короля Фердинанда в отношении нашего военного атташе полк. Лакса. Наш посол, граф Тарновский, вынужден был выслушать от Фердинанда, что своими угрозами полк. Лакса обидел болгарского командующего армией, армию и страну. В мае 1916 г. Лакса был смещен полк. Новак, руководителем бюро контрразведки. Офицер связи при болгарской армии, капитан Кюнцль, тоже не понравился болгарам неудачной литературной деятельностью.

Для управления завоеванными областями в Белграде и Цетинье были созданы генерал-губернаторства. Руководство разведывательным отделом, организованным в Белграде, принял майор генштаба Вильгельм Стипетич, руководивший разведывательной службой во время операции Макензена. Руководство разведывательным отделом в Цетинье было возложено на капитана Андрейка. Проверка оставшегося сербского населения, среди которого было много солдат, скрывавшихся в гражданской одежде, выявление наших перебежчиков, в том числе, к сожалению, и офицеров, поступивших на сербскую службу, собрание и сохранение захваченных сербских документов, паспортное и цензурное дело – создали много работы. Вскоре от болгарского руководителя разведывательной службы, майора Таскова, было получено сообщение о том, что сербский [134] майор Тернокопович и воевода Бабунский разрабатывают планы организации партизанских банд для разрушения на греко-болгарской границе железных дорог и депо, чтобы препятствовать движению из Салоник через Болгарию.

Салоники продолжали оставаться очагом ненависти на Балканах.

Глава 21. Газетные объявления и контрабанда на службе шпионажа

В апреле 1915 г. был создан австрийский центральный орган контрразведки по образцу дирекции венской полиции; начала издаваться собственная контрразведывательная газета, публиковавшая сведения о разыскиваемых шпионах, предостережения относительно шпионов-мошенников и лиц сомнительного происхождения и прочую информацию о собственной и иностранной разведке. Было выпущено также составленное разведывательными бюро штаба главного командования пособие «Разведчик», предназначенное для унтер-офицеров и солдат. В этом пособии освещалась деятельность шпионов и вытекающая из нее опасность для армии. Повсюду распространялись плакаты «Предостережение от шпионов», с целью втянуть население в борьбу со шпионажем. Возросшая опытность разведчиков противника привела к падению количества осужденных за шпионаж, несмотря на увеличение количества противников. В течение первых пяти месяцев 1914 г. было осуждено 197 человек, а к 1918 г. эта цифра упала до 12 человек.

Многие шпионы были арестованы во время нашего продвижения на русском фронте. Львов в этом отношении дал богатую добычу. Сейчас же после занятия Львова русскими сюда прибыл известный там подполк. Яцевич, за ним прибыли жандармские коменданты из Радзивиллова и Волочиска и были созданы три резидентуры. Безработица принудила многих превратиться в шпионов или служить в русской полиции. Преступники, освобожденные русскими из тюрем, оказались благодарными своим освободителям. Многие ушли с русскими и, само собой разумеется, прежде всего «главные агенты»: Иуда Вейнбаум, Генрих

Пистол, Ионас Гальберштадт и доктор Хаим Вольфрам. Остался только один – Фадеус Гульковский с некоторым числом мелких шпионов. Он был нами осужден. [135]

Сознавая, что поймать всех шпионов невозможно, мы стремились, по возможности, затруднить их деятельность. В августе 1915 г. армейский район был разделен на более узкие и глубокие военные зоны, въезд в которые разрешался гражданским лицам в исключительных случаях.

Опасность представляли газетные объявления. Кто мог бы предположить что-либо особенное в объявлении: «Швейцарец, 35 лет, отлично знает бухгалтерию и ведение переписки, долго работал на руководящих должностях в Вене, имеет отличные рекомендации». Случайно мы обнаружили, что этим объявлением итальянской разведывательной службе сообщалось следующее: «35-я пехотная дивизия из Вены направилась в направлении Италии».

Чехи, находившиеся в Швейцарии, использовали метеорологические сводки и объявления о свадьбах для того, чтобы через газеты посылать сведения на родину. Как нам потом сообщили, из итальянского консульства в Цюрихе ежедневно посылался запечатанный пакет в итальянское посольство в Берне. В этом пакете находились аккуратно вырезанные объявления из австрийских и германских газет. Особенно хорошо, по-видимому, были использованы газеты: «Нейе Фрейе Прессе» и «Рейхспост» за период с декабря 1916 г. по май 1917 г. По заявлению одного из шпионов, известный шпион Шарль Дюма был очень опечален, когда прекратилась возможность использовать газетные объявления.

Мы подняли вопрос о том, чтобы изъять объявления из газет, посылавшихся за границу. Германия отнеслась к этому отрицательно, и наше предложение не было проведено в жизнь. Если бы было проведено это наше предложение, осведомленность Франции сильно бы пострадала. В начале 1918 г. Италия вообще запретила посылку за границу печатных материалов с объявлениями. Это тоже мало помогло, ибо тогда шпионы использовали для передачи сведений невинные статьи, фельетоны и заметки в газетах. Разумеется, для этого необходимо было иметь предварительное соглашение с редакцией газеты.

В середине сентября 1918 г. мы добились обсуждения вопроса о газетных объявлениях и уговорили издателей, в интересах страны, начать с 20 октября 1918 г посылку газет за границу без объявлений. Но этому воспротивился венгерский премьер-министр. Тогда началась борьба, в которой мы победили, но срок был отодвинут на 1 ноября 1918 г. Таким образом, даже эта долгая война оказалась слишком короткой для того, чтобы провести в жизнь эти мероприятия. [136] Кроме того, существовало очень много контрабандных путей для передачи сведений тем, кто умел использовать всякие возможности. Даже посольство Ватикана в Вене допускало пересылку частных писем в своей дипломатической почте, не понимая, что под этой кажущейся частной корреспонденцией скрывается шпионская переписка. Случайно задержанные нами письма одного высокопоставленного духовного лица привели к открытию, на которое было обращено особое внимание посольства.

Неразгаданными остались непонятные слова и знаки, кем-то надписывавшиеся на вагонах воинских поездов. То, что они встречались как раз на воинских поездах, давало основание предполагать, что они имели какую-то связь со шпионажем. Может быть, они сообщали попутным наблюдателям о том, откуда идет транспорт и из кого он состоит.

Полицейская дирекция Вены имела необычайно много работы. До конца 1915 г. ее органами были произведены обыски у 1 479 лиц, находившихся под политическим подозрением, и произведены аресты 1 069 человек, подозревавшихся в отстой для государства деятельности, из них 185 – в шпионаже. Много работы давало распространение бессмысленных слухов. Не менее работы было в связи с предполагавшимися покушениями на руководящих деятелей центральных держав. Военные атташе нейтральных держав, находившиеся в Вене, и больше враждебные, чем дружественные, естественно, должны были быть под особым наблюдением.

Венгерская пограничная полиция, о которой граф Тисса отзывался, как о неудачной организации, взяла в течение первого года войны под подозрение с шпионаже 2 000 человек;

из них 1 506 было арестовано, 65 -интернировано и 20 выслано. Намеченные глазные пункты контрразведки в Темешваре и Германштадте еще не были созданы, несмотря на то, что этого требовала все возраставшая активность русской разведки из Румынии. В мае 1915 г. полк. Гранилович поехал в Будапешт к графу Тисса, чтобы обсудить это дело. Только 31 июля была получена нота-ответ, в которой премьер-министр указывал, что для контрразведки пригодна только будапештская городская полиция и что местные коммунальные учреждения для этой цели не пригодны. Во всяком случае, он не верил в большие размеры шпионажа. Он писал о наличии шпионобоязни и шпиономании военных разведывательных пунктов. При наличии таких взглядов неудивительно было, что хотя эти два контрразведывательных пункта и были созданы (в Темешваре и Германштадте), они остались без достаточного руководства и без [137] средств. При годовом отпуске 500 крон на агентурные расходы контрразведывательный пункт в Германштадте ничего существенного дать не мог. Хорвато-словенский банк прямо-таки препятствовал работе контрразведывательного пункта в Аграме, созданного в июне 1914 г. и получавшего в год 52 000 крон на агентурные расходы.

Таким образом, контрразведывательным пунктам по ту сторону Лепты во многих случаях ничего другого не оставалось, как рассчитывать только на свои силы; самовольные действия их довольно часто вызывали удивление, и штаб главного командования неоднократно требовал от них прекратить всякую деятельность в области политики.

Напротив, полицейский пункт, расположенный в районе военных действий в Мэриш-Острау, оказывал очень хорошие услуги разведывательному бюро главного командования.

Глава 22. Начало движения за мир

В конце 1915 г. и в начале 1916 г. центральные державы стояли в зените успеха. Иным было настроение внутри Австро-Венгрии. Готовились к непродолжительной войне, а конца ее еще не было видно. Росли и ширились настроения за мир.

Сами по себе эти стремления, конечно, были похвальными и гуманными. Опасность заключалась лишь в том, что противник истолковывал мирные стремления как признак слабости и этим поднимал у себя боевой дух. Еще более сомнительными были явления, сопутствовавшие этому. В сентябре 1915 г. в Берне состоялась международная социалистическая конференция, которая, по нашим сведениям, поставила целью восстание пролетариата против войны и организацию его для классовой борьбы. Ее манифесты и прокламации были по внешнему виду обычной социал-демократической литературой и появлялись в окопах. На борьбу с этим и было направлено внимание контрразведки.

После вступления в войну Италии руководители нашей разведки – майор Лонек в Триесте и капитан Андрейка в Граце и Крайне – связались с элементами, годными для целей диверсионной [138] разведки и контрразведки. Были созданы разведывательные пункты в Кэчахе для Южной Каринтии и в Иннихене для Восточного Тироля. Прилив агентов был большой. Среди них было много словен, в особенности там, где вербовка производилась при содействии жандармерии вице-председателем палаты депутатов, командовавшим крайнским легионом, – капитаном Погачником. В диверсионной разведке изъявили желание работать в Крайне 1 620 чел., в прибрежном районе – 160 и для производства диверсий в тылу итальянского фронта – 359 чел. Кроме того, осенью 1915 г. еще нашлось 2506 чел. в Каринтии, 248 чел. в Крайне и 75 в прибрежье, которые были согласны вести малую шину в тылу итальянцев в случае вторжения последних на территорию монархии. Разведывательное бюро главного командования должно было помочь оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, хранившимися при жандармских постах.

В Богемии также не было недостатка в выражении лояльности, когда была ликвидирована опасность продвижения русской армии и когда большая победа под Горлицей далеко отбросила русских на восток. Несомненно, что масса чехов поддерживала

еще Австрию. Об этом говорил тот факт, что до конца 1914 г. полицейским штрафам было подвергнуто только 950 чел., т. е. пришлось по одному штрафу на каждые 7 000 жителей. Из них 704 чел. были оштрафованы за проступки военного характера. Однако в то же время мы были вынуждены закрыть 46 газет и распустить 32 общества.

Кроме того, нельзя было упускать из виду, что подземные силы продолжали действовать против Австро-Венгрии. Прежде всего, это было заметно по разлагающему влиянию на новые пополнения. Попав в фронтовые части, эти пополнения создавали скрытую угрозу перехода на сторону противника целых частей при менее удачном выборе командиров или при требовании от войск усилий, быть может, не всегда необходимых. Такие случаи имели место, и они создавали величайшие затруднения своим соседям. Во время карпатских боев имел место особенно яркий пример, приведший в июне 1915 г. к расформированию 28-го пражского полка и 36-го полка у Синявы. [139]

Глава 23. Развитие службы подслушивания «Пенкала»

В конце 1915 г., когда ген. Конрад напрасно ожидал возобновления наступления на Салоники и безуспешно предлагал германцам совместное наступление против Италии, ген. Фалькенгайн готовился к сокрушительному прорыву французского фронта под Верденом, ожидая, очевидно, от него повторения успеха Горлицкого прорыва. Тогда в начале 1916 г. австрийское главное командование приступило к подготовке мощного удара из Тироля против Италии, не ставя об этом в известность своих союзников.

Для осуществления своего замысла австрийское командование перебросило войска, освободившиеся на Балканах, вместе со штабом 3-й армии и оттянуло шесть с половиной дивизий с русского фронта.

Во время боевого затишья наша агентурная разведка усердно работала на всех фронтах. На итальянском фронте постепенно развивалось подслушивание телефонных разговоров, значительно усовершенствованное старшим лейтенантом Поппер. Оно было введено также на русском театре войны. К сожалению, лишь осенью 1917 г. мы узнали, что итальянцы уже в начале 1916 г. располагали большим количеством станций подслушивания. В течение одного полугодия, на участке Виппах – Ромбон, они подслушали около 5 200 таких разговоров, что причинило нам значительный вред. К этой работе ими было привлечено большое количество дезертиров и перебежчиков, знавших наши языки. В октябре 1916 г. к противнику перебежал начальник станции подслушивания Равнилец, детально ознакомивший противника с нашей организацией подслушивания.

Подслушивание, прежде всего, давало данные тактического (войскового) порядка, но, кроме того, оно давало высшему командованию ценные сведения и облегчало проверку данных других средств разведки. Это было тем важнее, что противник умышленно направлял к нам перебежчиков для дезинформации. Нередко последние обладали такой ловкостью и смелостью, что возвращались обратно в свое расположение. [140]

Во время русского наступления в марте 1916 г. подслушивание оказало большую помощь германским войскам, подслушивавшим приказы о наступлении. Вплоть до 3 августа 1916 г. русские даже и не подозревали о существовании подобного нового изобретения. Как мы узнали из радиодепеши ген. Алексеева, русские сочли захваченную у нас станцию подслушивания за германские подземные телефонные аппараты. Однако пять дней спустя, русский перебежчик рассказал, что один из наших дезертиров уже объяснил русским технику и методы подслушивания, и с середины 1916 г. они стали применять сами эти методы.

Радиоразведка обогатилась новым способом засечки (пеленгирования) неприятельских радиостанций при помощи наблюдения с нескольких точек. Впервые новый метод был испытан на русском фронте при участии трех пеленгаторных станций, расположенных в Броды, Коломыя и Черновицы. Первый опыт 18 февраля 1916 г. еще страдал от неопытности телеграфистов и начальников станций, вследствие чего при засечке уже нам известных

станций ошибки доходили до 10 км. Все же при этом были обнаружены четыре новых, неизвестных нам до тех пор, радиостанции. Вскоре этот метод начал давать отличные результаты. В марте 1916 г. радиослужба на русском фронте получила стройную организацию, причем каждой станции подслушивания был нарезан определенный участок неприятельского фронта. Главным руководителем был назначен кап. Болдескул, занявший место майора Покорного, который после 18-месячной высокопродуктивной работы по радиоразведке перешел в строй. Капитану Болдескул было подчинено 6 станций или групп: в Барановичи, Ковель, Берестечко, Броды, Бржезаны и Коломыя.

Впрочем, как мы узнали из русских радиogramм, вскоре они тоже стали применять «радиокомпасные станции», имевшие такие же задачи, как и наши радиопеленгаторные станции. Мы совершенно прекратили передачу по радио; германцы же от нее не отказались, хотя и знали о возможности засечки и установили наличие в Николаеве специальной школы радиоподслушивания.

Из сведений, полученных агентурой, и просмотром переписки военнопленных мы узнали о значительных новых формированиях Италии в зимний период. К середине февраля 1916 г. был уже обнаружен 21 пех. полк с новыми номерами, превышавшими 200, причем № 230 позволял нам предполагать наличие, по меньшей мере, 30 новых полков. Кроме того, было установлено два или три берсальерских полка [141] и 16 батальонов альпийских стрелков. Таким образом, к весне мы должны были ожидать усиления противника на 2–3 корпуса. Фактически, согласно Тости («La guerra italo-austriaca»), к середине апреля была сформировано: 4 корпуса в составе 3 дивизий (34 пехотных и 4 берсальерских полка, 16 батальонов альпийских стрелков и 71 батальон территориальной милиции).

Как выяснилось из подслушанных телефонных разговоров, батальоны на Изонцо насчитывали всего по 300–400 чел., но в начале марта должно было прибыть пополнение. Агентура и пленные единодушно сообщали о готовившемся в марте наступлении на Изонцо, для которого уже были переброшены три бригады с тирольского фронта.

Нашему командованию это было только на руку. Чем больше втянулись бы итальянцы в бой на Изонцо, тем успешнее был бы удар наших сил, сосредоточивавшихся к 24 марта в Тироле.

Для того чтобы ввести противника в заблуждение относительно этой концентрации, ряду радиостанций от восточного фланга Каринтии до середины этого фронта было поручено работать шифром, специально для того разработанным кап. Фигль. Этот шифр итальянцы, несомненно, должны были раскрыть, но все же ни он, ни содержание депеш не должны были вызвать подозрение в дезинформации. Эти шифрованные радиogramмы систематически оповещали противника о концентрации наших сил на этом фронте.

Забавно было, что одновременно русские пытались таким же способом замаскировать увод двух корпусов 4-й армии. С ребяческой наивностью они заранее объявили об этом шифрованной депешей и, во избежание недоразумений, «предпослали ей предостережение примерно следующего содержания: «Не пугайтесь, это только хитрость». Как ни в чем не бывало, они продолжали давать до 30 шифрованных радиogramм В: день. Все – это нас очень успокаивало, позволяя думать, что русские еще не «мели понятия о прекрасной работе нашей дешифровальной службы».

Дешифровальщики военного округа Боцен, штаба 11-й армии в Тироле и 10-й армии в Каринтии действительно работали исключительно успешно. Свыше 30 итальянских радиостанций находились под непрерывным наблюдением примерно такого же количества наших станций. Каждая перехваченная радиogramма использовалась нами в кратчайший срок.

22 февраля итальянцы ввели новую весьма остроумную систему позывных для радиостанций. Над ней нам пришлось долго ломать голову, но все же к 7 марта она была раскрыта [142] и сообщена нашим радиостанциям. 30 марта 1916 г. итальянское главное командование запретило дальнейшее применение «Cifragio rosso» в радиопередаче, ввиду подтвердившихся подозрений о частичном знании этого шифра противником. На самом же

деле си был известен целиком и полностью.

С некоторой тревогой мы ожидали нового шифра, объявленного 1 апреля вместе с новыми позывными. Однако к вечеру того же дня он был уже раскрыт. Система новых позывных также была вскоре раскрыта.

Известный интерес для нас представляла радиосвязь между итальянской главной квартирой в Удине и отдельным корпусом в Валлоне, хотя ею сравнительно мало пользовались благодаря исправности подводного кабеля между Корфу и Италией. Тем не менее, преодолев первоначальные затруднения, наши мощные станции Сараево, Петервардейн, Мостар, Каттаро и Скутари добыли ряд важных сведений, передача которых продолжалась по шифру «Cifragio rosso». Кроме того, станции Скутари было передано все, относившееся к шифрам итальянского флота. В кратчайший срок она использовала эти материалы и оказала поддержку морской станции из Пола. В самой Албании итальянцы пользовались шифром «Менгарини», ключ которого был мною приобретен еще в мирное время. Это сослужило хорошую службу нашей радиостанции в Скутари и германскому дешифровальному отделу в Ускубе.

Глава 24. Диверсии

Во время подготовки большой наступательной операции наша авиация произвела значительное число бомбардировок, а наша агентура выполнила диверсионные акты, имея главным объектом гидроэлектростанции, игравшие особо крупную роль в Италии в связи с недостатком угля. В виде реванша итальянцы произвели воздушную бомбардировку Лайбаха.

В дальнейшем нападения, направленные к расстройству работы гидроэлектростанций, усилились, благодаря новому германскому изобретению в области подрывного дела. Достаточно было сбросить в водопроводный канал подводные трубки в форме палочек, как последние под определенным давлением воды взрывались и, разрушая водопроводные трубы, надолго выводили станцию из строя. Взрывы, произведенные одновременно [143] в разных пунктах, могли нанести очень крупный ущерб. Разведотдел юго-западного фронта решил сочетать эти нападения с разрушением мостов через Пиаве, что должно было затруднить переброску войск с Изонцо на тирольский фронт. К осуществлению этих нападений были привлечены добровольцы из солдат и наиболее надежные агенты. К несчастью, их инструктировали всех вместе, т. е. допустили ту же ошибку, что и полк. Батюшин в Варшаве.

Лица, отобранные для подрывных актов, были направлены через Швейцарию, причем они были сгруппированы по двое. В Лозанне один из них, итальянский дезертир Стампи, давно уже работавший у нас агентом против Италии, неожиданно заявил своему спутнику, что у него нет охоты заниматься этим делом, и сдал свой чемодан с подрывными средствами на хранение на вокзале. Спутник его вполне резонно сообразил, что Стампи выдал весь план итальянскому консулу в Лозанне, и вернулся назад, не выполнив задачи. Однако было уже поздно предупредить остальных.

Другая пара состояла из талантливого разведчика Ларезе, блестяще выполнившего ранее ряд труднейших заданий, и некоего Маддалена, к которому Ларезе питал большое доверие. Маддалена на территории Швейцарии сохранял вид воодушевленного сторонника, с радостью извещая об удавшемся разрушении динамитного завода в Ченжио и предостерегая Ларезе от Стампи, когда узнал о предательстве последнего.

У Ларезе произошла задержка с паспортом, и Маддалена выехал в Италию раньше. Оттуда он вскоре вернулся и сообщил о произведенных им повреждениях двух мостов через Пиаве. Итальянские газеты это подтвердили, действуя согласно указаниям итальянского генштаба, с которым Маддалена успел договориться относительно захвата агентов-подрывников. Дабы ослабить осторожность Ларезе, он очень пренебрежительно отозвался об итальянской охране. Очевидно, он был шпионом-двойником, сумевшим ловко

нас обмануть. В начале мая Ларезе и Маддалена выехали в Италию, причем Ларезе отправился в Турки для диверсионного нападения на расположенный там крупнейший военный завод Италии. Произведя, по своему обыкновению, тщательную подготовку, он уже собирался опустить мину в воду, но в этот момент был арестован и предан военному суду в Лишне. Его участь разделили генуэзец Данте Пегаадано и триестинец Ренато Гатти, участвовавшие в разрушении динамитного завода Ченжио и в поджоге Генуэзского порта. Одновременно судился и Джузеппе Нумон, против которого не было никаких улик. С изумительным [144] спокойствием Ларезе заявил председателю военного суда подполк. Де-Чезаре:

«Вы осудите меня на смерть, и это будет справедливо, но для меня это ничего не значит».

Прокурор Майорано дал при этом не особенно лестную оценку итальянской контрразведке:

«В Италии следует отметить два периода борьбы со шпионажем. В начале войны по всему Адриатическому побережью прошла волна массовых доносов и подозрений. Особенно преследовались священники и монахи. Достаточно было зажечь свет в каком-нибудь монастыре, чтобы его сочли за сигнализацию противнику. Был начат целый ряд процессов против монахов, но все они закончились признанием полной их невиновности. После этого периода величайшей недоверчивости шали в другую крайность. Лишь благодаря счастливому случаю (правильнее, благодаря Маддалене. – Авт.), нашим властям попала в руки сеть организованного шпионажа».

Ларезе был расстрелян; другие подсудимые были присуждены к вечной каторге. Итальянские газеты, уделявшие много места сенсационному процессу, не могли отрицать героического спокойствия, которое Ларезе сохранил до последней минуты жизни. Примененные им мины они называли «чудом техники», но, разумеется, пользовались случаем упрекнуть Австрию в варварстве за нападение на заводы.

Как бы то ни было, из-за неосторожности нашей разведывательной службы мы, потеряли в лице Ларезе одного из своих способнейших работников.

Глава 25. Пятое сражение на Изонцо в марте 1916 г.

13 марта 1916 г. началось долгожданное пятое сражение на Изонцо. Снова оно не дало итальянцам успеха. Тем не менее, наше наступление было значительно задержано. Мы рассчитывали на мягкую зиму, упуская из виду, что при такой зиме в Тироле наибольший снегопад обычно бывает в конце зимы. Действительно, негостеприимные торы, через которые должны были наступать 3-я и 11-я армии, оставались до середины мая непроходимыми.

Таким образом, почти два месяца обе армии находились в южном Тироле, где вместе с ними расположился и штаб юго-западного фронта. Все это нельзя было скрыть от населения. [145]

В глубоком тылу неизбежно должны были заметить эшелоны, направлявшиеся в Тироль. Кроме того, несмотря на заградительный кордон у перевала Бреннер, из южного Тироля ежедневно отправлялись больные, которые должны были освободить места в лазаретах для приема ожидавшихся раненых. В связи с этим распространялись слухи о предстоящем большом наступлении. Даже день, первоначально намеченный для начала наступления, – 1 апреля, был известен.

Если при наличии всего указанного итальянская агентурная разведка все-таки не дала своему командованию нужных данных, то это говорит не в ее пользу. Кадорна, по его

словам, лишь 22 марта получил первые сведения о концентрации войск в Трентано. Он, однако, не верил в возможность наступления крупными силами через торы. Возможно, что его скептицизм основывался отчасти на том, что в течение долгого времени на этом участке ничего не происходило. Это ведь ввело в заблуждение и общественное мнение Австро-Венгрии. Среди населения существовало мнение, что командование решило отменить план вследствие измены офицеров и произвести длительную перегруппировку. Командование вынуждено было энергично противодействовать распространению слухов, в котором участвовали сами офицеры, применяя к сплетникам суровые наказания.

Кадорна также был введен в заблуждение тем, что разведывательные поиски итальянцев у Рива и Сугана обнаружили лишь те части, которые там стояли раньше. Но все же итальянцы перебросили некоторые свои части с Изонцо в 1-ю армию, против которой был направлен наш главный удар. На тирольский фронт прибыли также отдельные бригады из вновь сформированных полков.

По словам ген. Капелло, в начале апреля от дезертиров поступили первые конкретные сведения о готовящемся наступлении. В конце этого месяца один из дезертиров, выдававший себя за инженера, сообщил точные данные о расположении войск и подчеркнул, что подготовка к наступлению ведется в гораздо большем масштабе, чем в прошлом году против Сербии. Ввиду важности этих сведений, его направили в итальянскую главную квартиру, где он был основательно допрошен в разведывательном отделе. Однако он произвел на итальянцев впечатление авантюриста, ввиду чего его сообщению не поверили, хотя оно сходилось с другими сведениями.

Таким образом, наступление оказалось для итальянцев совершенно неожиданным. Помимо сильных полевых укреплений, австрийской армии нужно было преодолеть и долговременные укрепления. [146] Наша разведка мирного времени имела о них точные сведения, благодаря чему можно было надлежащим образом использовать против них артиллерию крупных калибров. Между прочим, та кропотливая работа, которая была выполнена нашими реконструкторами, не имевшими еще тогда достаточного представления о сокрушительном могуществе крупнокалиберной артиллерии, оказалась излишней. Оборонительные сооружения как с близких, так и с дальних расстояний одинаково легко сокрушались грубой мощностью тяжелых орудий.

Вскоре мы установили подтягивание итальянцами подкреплений по железным дорогам, автомобилями и походным порядком. В ночь с 19 на 20 мая наша радиостанция Боцен перехватила зашифрованную радиограмму противника, содержащую приказ о большом контрнаступлении при помощи подтянутых резервов. К 3 часам 20 мая дешифровка была полностью закончена, а спустя час уже были отданы распоряжения о ликвидации контрудара противника.

В тот же день наша радиослужба оборудовала новые радиостанции в районе Падуа. Одновременно итальянцы произвели смену шифра и позывных. Обнаруженная 5 июня в том же районе радиостанция штаба новой 5-й армии подтвердила предположение о готовившемся итальянском контрнаступлении крупными силами. 8 июня эта гипотеза превратилась в уверенность, когда в 1-й армии неожиданно был введен новый шифр, ключ которого с этого момента стал меняться ежедневно. Кроме того, итальянские летчики стали пользоваться особым шифром. Это затруднило работу наших дешифровальщиков, но не сбило их с толку.

Равным образом в эти дни блестяще работали и другие средства разведки. Теперь, имея в трудах Кадорна и Тоста точные данные о численности, мы видим, что тогда, в хаосе боев и ери непрерывном потоке подтягивавшихся резервов, слаженная работа всех средств разведки давала в каждый период операции такие сведения о составе противостоявших сил противника, которые точно соответствовали действительности, отклоняясь всего на 1–2 батальона. Равным образом, нами быстро был определен и состав новой 5-й армии: 8-й, 22-й, 26-й корпуса.

Тем временем на русском фронте был положен конец нашему успешному

наступлению. Пришлось спешно перебрасывать туда подкрепления в тот самый момент, когда на тирольском фронте непомерно возросло превосходство сил итальянцев. Пришлось решиться на оставление части захваченной территории, чтобы отразить натиск противника на сокращенном [147] и более выгодном рубеже. Таким образом, широко задуманная операция после эффектного начала выдохлась, не дав серьезных результатов.

Начатая германцами 6. февраля 1916 г. операция под Верденом могла бы дать успех, если бы разведывательная служба не обанкротилась в ту ночь, когда прорыв действительно открыл брешь. После этого верденская операция превратилась в затяжную кровавую борьбу, безрезультатность которой к тому времени была уже очевидна.

Глава 26. Катастрофическое лето 1916 г.

С начала апреля 1916 г. стали поступать повторные сообщения о намечавшемся русском наступлении в Буковине и в Галиции. В середине месяца появилось очень много перебежчиков, подтверждавших сведения о предстоящем наступлении. 13 мая агентурная разведка с полной определенностью уведомила командование 4-й армии, что и на ее фронте, на участке Картшловка – Корыто, следовало ожидать наступления 8-го и 11-го русских корпусов. В связи с этим 4-й армии была подчинена 13-я ландверная дивизия. 20 мая поступило предостережение о том же от военного атташе в Бухаресте. Ген. Авереску в кругу своих друзей заявил, что, по сообщению румынского военного атташе в Петербурге, «русские в ближайшее время начнут большое наступление, которое должно показать, что германцы напрасно считают их неспособными к наступлению». К этому времени и наша 7-я армия подготовилась к атаке, хотя имела примерно «против семи русских дивизий только шесть дивизий, расположенных южнее Днестра».

Наша агентурная разведка дала группировку сил противника на русском фронте, которая в части, интересовавшей прежде всего австро-венгерские войска, вполне соответствовала действительности, как это впоследствии подтвердили: труды русских авторов (Литвинова, Зайончковского, Клембовского, Васильева и Черкасова). Замечены были небольшие переброски войск в целях подготовки наступления, но прибытия новых соединений для образования мощной ударной группы установлено не было. Это объяснялось тем, что новый главнокомандующий юго-западным фронтом ген. Брусилов хотел атаковать всеми наличными силами на всем протяжении фронта. К концу месяца уже не оставалось никаких сомнений в наступательных [148] замыслах противника на фронте Олыка – Тарнополь и южнее Днестра, начало атаки ожидалось с часу на час.

Таким образом, и в этом отношении разведывательная служба полностью выполнила свой долг. На этот раз следовало похвалить и русскую разведывательную службу. 9-я русская армия, используя кители пленных перебежчиков и, в частности, кадета ландштурма Душана Иозшовича, хорошо выяснила нашу систему укреплений. 7-я армия также была превосходно информирована, как видно было из захваченного донесения начальника штаба ген. Головина. Особенно она рассчитывала на «меньшую стойкость 36-й пех. дивизии, состоявшей преимущественно из славян».

Наше командование довольно уверенно ожидало наступления. За долгий период затишья позиции были сильно укреплены; это должно было компенсировать увод лучших частей на тирольский фронт. Тяжелая артиллерия тоже была снята с русского фронта, но часть ее уже возвращалась назад. Однако наши войска были ошеломлены новым фактором, не бывшим в достаточной мере учтенным нашей разведывательной службой. Русская артиллерия, сама по себе стоявшая на высоком уровне, получила от западных союзников большое количество тяжелых орудий новейшей конструкции и инструкторский персонал, хорошо знакомый со всеми тонкостями массового применения артиллерии. {28} Ни наши войска, ни укрепления не были подготовлены к этой неожиданности. Вместе с тем глазное командование недоценило вначале значения прорыва у Олыка, считая прорыв у Сапанова (близ Кременец) более опасным. Туда и были направлены резервы. Начатое 4 июня

брусиловское наступление увенчалось совершенно неожиданно крутым успехом южнее Днестра. Наша северная армия понесла сильное поражение и вынуждена была уступить противнику значительную часть захваченной территории. К счастью, дальше к северу русские не имели такого успеха, хотя ставка именно там и рассчитывала на решающий результат. Виновником неудачи сочли ген. Эверта, которого, в связи с его немецкой фамилией, обвиняли даже в измене.

Для использования неожиданного успеха брусиловского наступления нужно было стягивать войска с других участков, а это требовало времени. В свою очередь, центральные державы использовали это время для спешного подтягивания подкреплений. Последние, однако, не могли быть планомерно использованы, так как ими: пришлось затыкать то один, то другой прорыв. [149]

Во время этой маневренной войны русские радиостанции вновь стали очень разговорчивы. Мы ежедневно дешифровали до 70 радиограмм с оперативными приказами, сводками, о перемещениях начальников и т. п. Новые правила радиопередачи и новый шифр, объявленные 16 июня, вызывали недовольство русских штабов вследствие их сложности. Ввиду этого ряд штабов продолжал пользоваться старым шифром и правилами, что в огромной степени облегчало раскрытие нового шифра. Штаб гвардейской группы, включенной в состав 8-й армии, объявил в нешифрованной радиограмме ключ нового шифра. За этим последовал взрыв возмущения в штабе 8-й армии и введение штабом юго-западного фронта нового шифра. Однако, к нашему удовольствию, старым шифром было объявлено, что вторичной перешифровки не требуется.

Агентура работала также успешно. В июне, в виде опыта, мы отправили ряд агентов в тыл русского фронта. Для передачи нам сведений они пользовались почтовыми карточками наших военнопленных в России, помеченными особыми условными знаками. Карточки отправлялись на родину, через почту военнопленных. Для конспирации они пользовались кодом, ключ которого был составлен в виде карманного календаря и мог прятаться совершенно незаметно. Этим путем мы часто получали своевременные сведения о перебросках и усилении фронта. Другие агенты по-прежнему работали через Швецию и пользовались условными адресами. Часть работы военного атташе полк. Штрауб, не знавшего русского языка, взял на себя прикомандированный к нему кап. Алоис Павель. Последний вскоре заменил Штрауба, который ввиду его упорного настояния был переведен на строевую должность.

После процесса Крамаржа было удовлетворено и мое стремление пойти в строй, правда, на короткий срок. В начале июля мне было поручено командование на участке Тонале, где линия фронта местами проходила на высоте до 3 400 м над уровнем моря. Мне удалось неожиданное нападение на Сан-Бартоломео с потерей лишь одного человека от неосторожного обращения с ручной гранатой. Личным опросом пленных я выяснил положение у противника, долгое время остававшееся для нас неизвестным.

Но в то время, как я заработал здесь орден за боевые заслуги, наша разведслужба потерпела крупную неудачу. Еще в середине июля военный атташе в Берне неоднократно сообщал о переброске войск с тирольского фронта на Изонцо, но наша разведывательная служба и не подозревала о фактических размерах этих перебросок, на самом деле достигавших [150] 300 000 человек, 57 000 лошадей и 9 800 повозок. В этот период уделялось слишком много внимания русскому фронту. Итальянцам же помогло еще то обстоятельство, что 31 июня 1916 г. два итальянца из Зары – прапорщик Симон Толья и кадет Якоб Сальви – и чех Рудольф Чарек с двумя рядовыми 23-го ландверного полка перешли на сторону противника и явились в штаб итальянского 6-го корпуса. Их показания были настолько точными, что о них перед наступлением были широко осведомлены войска противника. Об этом мы узнали потом из документов, найденных у одного пленного офицера.

Несомненно, эта измена очень помогла ген. Кадорна овладеть г. Горица в шестом сражении на Изонцо, начавшемся 6 августа. Дело в том, что Кадорна считал этот город,

защищенный наскоро, сильно укрепленным. Это было крупной ошибкой итальянской разведывательной службы. Еще хуже было то, что она не знала о существовании за Горицей второй линии обороны, на которой итальянская пехота, конница и самокатчики вынуждены были приостановить «наступление. В общей обстановке итальянский успех не имел крупного значения, но благодаря падению долго оспаривавшейся Горицы он поднял престиж итальянцев.

Наша разведывательная служба понесла тяжелую потерю: майор генштаба фон Афан, участвовавший без ведома разведывательного бюро главной квартиры в бою у Подгора в качестве батальонного командира, попал в плен. В связи с ухудшением его здоровья в плену, было предложено обменять его на одного из итальянских офицеров. Однако противник, знавший его как выдающегося разведчика, долго не хотел выпускать его из своих лап. Этот факт показал, что> никогда не следует посылать офицеров разведывательной службы в строй против того противника, разведыванием которого они занимались. В противном случае они рискуют быть отданными под суд за соучастие в шпионаже.

В связи с неудачами на русском фронте и потерей Горицы австро-венгерский фронт против России пришлось в значительной мере укрепить германскими войсками. Поэтому со 2 августа 1916 г. большая часть этого фронта была подчинена германскому командованию. Новое начальство было склонно к реорганизациям. «Людендорф намерен реорганизовать все, вплоть до последнего австрийского обоза», – говорили в Тешене. Одна лишь агентурная разведка осталась без изменений. Германцы даже просили продолжать обслуживать их нашей отлично работавшей разведкой. [151]

Глава 27. Вступление в войну Румынии

В минувший период войны агентурная разведка против Румынии, которой руководил в разведывательном бюро капитан Чибур, действовала успешно. С начала 1916 г. имелась резидентура в Бухаресте с отделениями в Яссах и Галаце и с отдельными офицерами-разведчиками вдоль р. Прут в северной части Румынии. Поддерживалась тесная связь с болгарской и германской разведывательной службами. Благодаря этому, от нашего внимания не укрылись ввоз вооружения, переброски весной войск к границам, усиление пехоты путем формирования четвертых батальонов и организации запасных батальонов, а также усиление артиллерии путем использования крепостных скорострельных орудий.

В феврале 1916 г. русский военный атташе в Румынии полк. Семенов был заменен б. военным атташе в Софии полк. Татариновым. Последний сумел под видом дон-жуана, картежника и кутилы, не интересующегося военными вопросами, совершенно незаметно договориться с румынами об условиях их выступления на стороне Антанты. Однако мы располагали абсолютно надежным источником, который вас вскоре информировал об этих переговорах.

Еще в 1915 г. великорумынское движение вновь оживилось, благодаря организации бывшим военным министром Филипеску и сторонником вмешательства в войну демократом Таке-Ионеску «федеративной унии» и «гвардии для охраны национального достоинства». Таким образом, румынское правительство получило в свои руки средство, способное в нужный момент вызвать в населении военный энтузиазм.

Все же премьер-министру Братиану было нелегко принять решение. Румынии предстояло вести войну на два фронта: против Австро-Венгрии и против Болгарии. Завоевательные планы ее были направлены против монархии Габсбургов, куда, следовательно, и пришлось бы направить главные силы. Антанта же больше интересовалась Болгарией, стремясь облегчить наступление салоницкой армии.

Кроме того, Братиану не мог не помнить, что Болгария имела счеты с Румынией еще с войны 1913 г. и что она постарается воспользоваться случаем возвратит себе отторгнутые тогда области.

В конце 1916 г. главное командование получило из особого источника сведения о том,

что после успеха Брусилова Антанта стала настаивать на присоединении Румынии. Дипломатия [152] Антанты давала понять, что этот момент как раз наступил: «теперь или никогда». Сам Братиану надеялся на близкое окончание войны и боялся опоздать к дележу добычи. Однако Россия не была в восторге от перспективы присоединения Румынии и после одержанных побед рассчитывала обойтись без ее помощи. Лишь после того, как на русском фронте установилось равновесие сил, и наступательный порыв русских явно выдохся, Россия стала дружелюбнее относиться к присоединению Румынии. Как вскоре выяснилось, эти колебания русских оказались для них роковыми. Удобный момент был уже упущен.

В начале июля премьер-министр, он же военный министр, осмотрел укрепленные районы вдоль трансильванской границы. Это не укрылось от нашей разведывательной службы. В середине месяца наш разведотдел в Брашове сообщил, что со 2 августа прекращены все отпуска и ожидается всеобщая мобилизация в целях внезапного нападения. 17 июля это подтвердил один румынский офицер, состоявший у нас на жаловании. По его словам, наступление должно было начаться около 27 августа. Главное командование сочло тогда необходимым перебросить в Трансильванию одну пехотную и одну кавалерийскую дивизии.

24 июля пришло сообщение, что Румыния не выступит ранее 1 августа, неизвестно по какому стилю – старому или новому. Однако четыре дня спустя австрийский посланник граф Чернин телеграфировал из Бухареста, что вопрос о войне или мире будет решаться лишь 21 августа. Германия не придавала большой веры всем этим сообщениям, и лишь по настоянию нашего главного командования 29 июля в Плессе состоялось совещание начальников обоих генштабов с представителем Болгарии для разработки плана операций на случай войны с Румынией. По соглашению с командующим Макензеном и болгарским генштабом, общее руководство разведывательной службой на румынском фронте было возложено на нашего военного атташе в Софии, а в Трансильвании было поручено разведотделу в Брашове.

2 августа 1916 г. теш военный атташе в Бухаресте телеграфировал, что Братиану заявил графу Чернину о его намерении сохранить нейтралитет. Начальник оперативного отдела нашей главной квартиры, лучше информированной нашей разведывательной службой, не мог удержаться от отметки на депеше: «Паяц».

Количество сообщений продолжало возрастать. Из особого источника мы узнали о возражениях штабов Антанты против [153] применения на болгарском фронте резервных дивизий и смешанных бригад со слабой артиллерией. Это давало основание полагать, что главные силы Румынии будут направлены против Австро-Венгрии. 13 августа мы узнали о приезде в Бухарест французского посланника в России, с целью подписания договора о союзе и для ускорения выступления Румынии. В середине августа полк. Родену, ведавший заграничными военными закупками и подписавший, по сведениям из особого источника, в Париже военную конвенцию, вернулся в Румынию с назначением на должность командира бригады.

Главное командование отдало в середине августа распоряжение о сосредоточении 1-й армии, наспех сколоченной из различных заново сформированных частей. Ее разведотдел был организован в начале августа кап. Вильд в Клаузенбурге.

С необыкновенной торжественностью праздновали румыны 18 августа – день рождения императора Франца-Иосифа. Этим они могли поколебать уверенность у дипломатов, но не у нашего главного командования, которое знало, что накануне было подписано военное соглашение с Антантой. Румынский маскарад продолжался и дальше. 27 августа в 4 ч. 25 м. глазное командование получило телеграмму нашего военного атташе, извещающую о неожиданном созыве королем Фердинандом королевского совета. Вслед за тем пришла телеграмма графа Чернина о том, что король Фердинанд выразил на аудиенции надежду сохранить нейтралитет. Вечером того же дня Братиану это подтвердил, заявив, что он хочет, может и будет сохранять нейтралитет и что королевский совет докажет правоту его утверждения. Между тем многословное объявление войны уже было отправлено: 27 августа в 20 ч. 45 м. оно было передано румынским посланником австро-венгерскому министерству

иностранных дел. Спустя четверть часа румынские войска уже перешли границу Трансильвании.

Благодаря отличной информации разведывательной службы, это вовсе не было неожиданностью для нашего главного командования. Причиной того, что мы почти без боя отдали новому противнику часть страны, была напряженная обстановка на других театрах войны, не позволявшая достаточно быстро снять оттуда войска. Кроме того, низкая пропускная способность трансильванских железных дорог не давала возможности быстро перебрасывать войска к месту назначения.

Уступка противнику венгерской территории вызвала сильное волнение в Будапеште. Еще более ухудшил обстановку наплыв беженцев, к которому Венгрия была совершенно не подготовлена, [154] так как граф Тисса, не веря в близкое наступление Румынии, не принял никаких мер. О поведении румынских войск в оккупированных областях свидетельствует следующий захваченный нами приказ 13-й пех. бригады:

«Как раз в деревне Алавалу, где сейчас находятся наши войска, начинается часть территории, заселенная почти сплошь румынами. Поэтому необходимо полностью прекратить грабежи, дабы действительно стать подлинными освободителями наших угнетенных братьев».

После полного закрытия границ нашей разведывательной службе потребовалось известное время, чтобы примениться к новым условиям. Наши консульства и резидентуры вынуждены были покинуть Румынию, оставшиеся же там органы могли пересылать информацию лишь окружным путем. Капитан Болдескул был заблаговременно командирован в Софию для организации радиоразведки, но, разумеется, для достижения нужных результатов требовалось время. Вследствие слабости наших пограничных частей, число захваченных пленных было незначительно. Разведывательные пункты, расположенные близко к границе, вынуждены были спешно эвакуироваться.

Относительно состава румынской армии в конце июня мы были хорошо информированы:

Батальоны	Эскадроны	Батарей	
На нашей границе	107	11	56
Против Болгарии.	76	10	50
В тылу	105	67	149
Всего	288	88	255

Менее точно мы были осведомлены о новых формированиях: по нашим данным они увеличивали состав пехоты до 350–360 батальонов, конницы – до 112 эскадронов. К этому нужно было еще прибавить формирование третьей очереди, примерно в составе 80 000 штыков и 35 батарей; сверх того, имелось шесть тяжелых артиллерийских полков с 126 орудиями.

Общая численность румынской армии перед самым началом войны состояла, по агентурным сведениям, из 345 батальонов, 136 эскадронов и 332 батарей. Фактически же, по данным Киритеску, было сформировано 377 батальонов. Мы знали о формировании 16 дивизий, но, имея сведения об организации еще других дивизий, мы считали всего в составе румынской армии около 20 дивизий. Фактически их было 23, но шесть из них были не готовы к выступлению. [155]

На наше счастье, румыны льстили себя надеждой, что, как и в 1913 г., им достаточно будет совершить марш без серьезных боев и этим оказать решающее влияние на исход войны. О требованиях военной обстановки они тогда очень мало беспокоились. Правда, как мы позднее узнали из переписки, захваченной в доме ген. Ярка в Бузеу, в критике не было недостатка. Эти документы освещали весьма неприглядную картину спора между Ярком и ген. Авереску, возникшего в связи с нападками Ярка на румынское командование. Против этих нападков, выступил лейтенант, Корвин Петреску, но затем, соблазненный деньгами, он

перешел на сторону ген. Ярка и стал утверждать, что автором оскорбительного для ген. Ярка памфлета является ген. Авереску. Желая выжать еще больше денег, он предложил купить у него брошюру, которую якобы написал Авереску и в которой поносилось семейство Братиану. Брат ген. Ярка купил эту брошюру, рассчитывая нанести смертельный удар Авереску. Тем не менее, Авереску остался в милости и получил командование армией. Боевого успеха, впрочем, он не имел.

Румынский план войны базировался на стремлении захватить как можно больше территории, чтобы при заключении мира требовать ее присоединения к Румынии. Высокий горный хребет трансильванских Альп вынуждал румын двигаться отдельными колоннами, не имевшими между собой взаимной боевой связи. Естественно поэтому, что румынское командование опасалось при выходе на равнину нападения превосходных сил противника. Оно хотело действовать с максимальной осторожностью, но это не гармонировало с официальными взглядами на предстоящее «свежее и бодрое» наступление.

Стремительное продвижение румын одновременно через все перевалы горной цепи быстро закончилось. По имеющимся данным, австрийцы имели 40 батальонов, всего около 34 000 штыков и 23 батареи; румынские же силы насчитывали 172 батальона состава военного времени. К 2 сентября число румынских батальонов возросло до 200. На болгарской границе и в Добрудже были сосредоточены 3-я армия и русские войска, а также «сербская добровольческая дивизия», заново сформированная в России.

Болгария не дала себя соблазнить предложенной ей Македонией и возвращением ей областей, отнятых в 1913 г., и 1 сентября 1916 г. объявила Румынии войну. Уже 3 сентября 3-я болгарская армия, совместно с германскими войсками, вторглась в Добруджу. Это ошеломило румын и внесло замешательство в их перевески. В связи с этим с 6 сентября [156] румынское наступление стало замедляться. Между тем к нашей 1-й армии постепенно прибывали пополнения, а в южной части Трансильвании стала сосредоточиваться 9-я германская армия. От нашей агентуры начали поступать многочисленные и важные сообщения. Авиация обнаруживала лагерь противника. Были захвачены пленные, в том числе один из высших чинов румынской армии. Постепенно стал выясняться состав трех армий, наступавших против Трансильвании.

Медленное продвижение румын не отвечало их надеждам – оказать решающее влияние на исход войны на восточном фронте. Успехи болгар в Добрудже также нарушили их расчеты. Поддержка, оказывавшаяся болгарам со стороны соплеменников, была настолько значительна, что командование 17-го русского корпуса решило ликвидировать все коренное население южнее Мангалии. Об этом мы узнали из перехваченной радиogramмы 3-й кавалерийской дивизии. По инициативе разведывательного бюро, над расположением сербской дивизии были разбросаны, при помощи воздушных шаров, прокламации на хорватском, сербском и чешском языках.

Вначале дешифровка румынских радиogramм была сопряжена с большими трудностями, но вскоре эта работа полностью себя оправдала, ибо румыны, как и русские в период расцвета нашей радиоразведки, передавали по радио оперативные приказы. Благодаря этому, мы получили полную картину обстановки на болгарском фронте. Нами был перехвачен детальный оперативный приказ о контр наступлении 14 сентября добруджской армии, усиленной войсками из Трансильвании. Уже 16 сентября разведывательное бюро смогло передать в штаб 1-й армии в Колошвар (Клаузенбург) первые дешифрованные радиogramмы, относившиеся к румынским войскам в Трансильвании,

Для радиоразведки наступили лучшие времена. В Софии был организован радиоразведывательный центр во главе с кап. Явша, помощником которого был назначен кап. Маросан, имевший уже большие заслуги в деле дешифровки. В этот центр поступали перехваченные сообщения не только от болгарских станций подслушивания, но и с трансильванского фронта вплоть до Мармарош – Сигета. После дешифровки они передавались главному командованию и в армейскую группу Макензена, объединившую 1-ю и 9-ю армии. Хотя румыны строжайше запрещали нешифрованную радиопередачу, зато с

шифрованными радиogramмами обращались настолько неосторожно, что нам пришлось для разгрузки Софии дать дешифровальщика штабу 1-й армии. [157]

В начале войны с Румынией русские прилагали все усилия к тому, чтобы своим наступлением содействовать ожидавшемуся успеху. Благодаря подслушиванию группы кап. Болдескула, получившей затем название «Австро-Норд» (группа кап. Янша стала называться «Австро-Зюд»), наступательные намерения русских всегда своевременно выявлялись. Когда, по окончании сосредоточения 9-й армии, над Румынией исполнился приговор судьбы, русским пришлось нести кровавые жертвы, чтобы облегчить участь союзника. Их удар из Рахово через Дунай, предпринятый 6 октября для обеспечения оперативной свободы хотя бы на болгарском фронте, окончился неудачей. Выдающуюся роль при этом сыграла наша дунайская флотилия.

К середине октября 1916 г – Трансильвания была почти полностью очищена от противника. Перед разведывательной службой встала задача выяснить состав румынских войск, удерживавших отдельные перевалы, и определить русские силы, брошенные на подкрепление северного и южного флангов румынской армии. Вторая задача не составляла труда для нашей радиоразведки, выявившей увод войск с русского северного и западного фронтов зачастую на целый месяц раньше, чем данное соединение прибывало на румынский фронт. Кроме того, агентура непрерывно следила за перебросками войск по всему фронту, от Риги до Черного моря. Правда, к этим сообщениям приходилось относиться с большой осторожностью. Слухи часто были преувеличенными, медленность перевозок приводила к ошибочным заключениям.

«В Румынию» – стало у русских крылатым словом; повсюду открыто проявлялись ненависть и презрение к слабому союзнику.

Труднее было определить состав румынских войск. Затруднения вызывались не переменами шифра, а беспорядочным смешением румынских войск и произвольными формированиями новых полков из четвертых батальонов, причем им нередко присваивали номера расформированных тем временем полков. В силу обстоятельств отдельные группы сводились в бригады, а те придавались каким попало дивизиям.

24 сентября принесло нашим дешифровальщикам немало страха. Вследствие утери 6-м русским кав. корпусом шифров военного министерства и радиосвязи, радиogramма добруджской армии запрещала передачу оперативных приказов по радио. Кроме того, в силу вошло новое транспонирующее число. Одновременно и румынские сухопутные радиостанции прекратили передачу; и продолжала действовать лишь радиосвязь между морским ведомством [158] и дунайской флотилией и связь главной квартиры с добруджской армией. 6 ноября радиогруппа дунайской русской армии перестала пользоваться «шифром службы связи № 14» ввиду того, что он якобы стал известен противнику.

Тем временем была закончена подготовка к наступлению западного фланга 9-й германской армии в Валахии. 10 ноября начался знаменитый победоносный поход. 25 ноября, к великому изумлению румын, дунайская армия ген. Макензена, состоявшая из австро-венгерских, германских, болгарских и турецких частей, перешла Дунай у Систово. Еще раз румыны пытались, ради спасения Бухареста, перейти в наступление. Одновременно русские армии в Карпатах должны были атаковать противника, а салоникская армия – угрожать болгарам. Однако радио вновь стало болтливым. Кроме того, 1 декабря был захвачен штабной офицер 8-й румынской дивизии с приказом, в котором говорилось о предстоящем контрнаступлении. 6 декабря, после небольших первоначальных успехов румын, Бухарест был все же взят. Из двадцати трех румынских дивизий оставалось лишь восемнадцать, из которых четырнадцать представляли собою только жалкие остатки.

17 декабря радиопередача на русском юго-западном и на русско-румынском фронтах снова полностью прекратилась, так как радиостанция 1-й терской казачьей дивизии попала в плен. Радиосвязь стала оживляться лишь с 21 декабря, причем стал применяться шифр, введенный 14 декабря, но при другом способе транспонирования. Очевидно, русские шифровальщики не хотели ломать себе голову. Неожиданно нам пришлось встретиться и с

французскими шифрованными радиogramмами, появившимися в связи с прибытием для реорганизации румынской армии французской военной миссии во главе с ген. Бертелло.

После арьергардных боев русские и румыны отошли за нижнее течение Серета и Прута. Румынская армия потеряла 140 000 чел. пленными и 60000 убитыми и искалеченными; 180 000 чел. больных и раненых находилось в госпиталях. На фронте оставалось лишь 70 000 штыков. Из 1 300 орудий было потеряно 520; румынская авиация обанкротилась, на ее место должны были прибыть 100 французских самолетов.

В это время лучшими источниками сведений являлись пленные и перебежчики. Работа агентуры затихла. По-видимому, много агентов попало в руки противника, другие не в состоянии были поддерживать связь.

После овладения страной контрразведка, в начале войны сильно занятая розысками и интернированием политически [159] ненадежных румын, должна была выявить помощников, состоявших на службе румынской «сигуранцы» и русских. После взятия Бухареста, куда сразу был направлен разведывательный офицер, началась большая работа по просмотру оставшихся архивов. Австрофильские политические деятели – Карп, Маргиломан и Майореску – остались в городе. Несмотря на их дружественное отношение, за ними все же нужно было смотреть.

Таким образом, война с Румынией превратилась, по существу, лишь в переходящий эпизод. Хотя часть войск центральных держав и была отвлечена на новый фронт, зато здесь мы одержали первый решающий успех после неблагоприятных событий 1916 г. Тяжелые потери России в атаках для поддержки румын и особенно во время так называемого «зимнего сражения в Карпатах» значительно ухудшили оперативное положение русской армии.

Глава 28. Отправка агентов через нейтральные страны

Начиная с ноября 1916 г., отправка агентов через нейтральные страны, на основе приобретенного опыта, была сосредоточена в немногих руках. Лишь за разведотделом армейской группы эрцгерцога Евгения и за разведцентром в Фельдкирхе осталось право самостоятельной отправки агентов через Швейцарию. Остальные высшие штабы хотя и должны были сами вербовать агентов, но обязаны были направлять их в разведывательное бюро штаба главного командования с перечнем желательных заданий. Последнее само производило отpravку по согласованию с военным атташе соответствующей страны.

Независимо от этого, низовые разведывательные организации должны были самостоятельно вести тактическую агентурную разведку через линию фронта. По моим сведениям, это практиковалось в широком масштабе только против Албании и в 1918 г. – против России. В мирное время, на маневрах и учениях, это средство разведки почти не упоминалось. Кроме того, даже штабы высших соединений относились к агентурной разведке с недоверием до тех пор, пока другие средства разведки обеспечивали достаточный приток сведений. Обычно, получив приказ о наступлении, выполнение которого требовало выяснения целого ряда вопросов, в тыл противника посылали в самом спешном порядке первого попавшегося. И если [160] агент, посланный таким образом, быть может, сам по себе непригодный для этой работы или из-за отсутствия достаточной подготовки не давал нужных сведений, то часто на этом строили общий вывод о пользе разведки.

Румыны не в состоянии были облегчить наступление салоницкой армии; последняя в свою очередь не могла облегчить участь румын. Уже в конце января 1916 г. ген. Саррайль, после окончательной эвакуации Дарданелл, прибытия подкреплений из Италии и пробившихся на юг частей сербской армии, располагал свыше 200 000 человек и 1 000 орудий. Весной прибыло еще около 75 000 сербов с Корфу и 6 августа одна итальянская дивизия.

Как сообщил нам дезертировавший офицер французской разведки, французы тратили много денег на агентурную разведку, руководившуюся майором Корне и Люсьен, но

результаты были невелики. Стать на ноги ей помогли лишь германские дезертиры, перебежавшие в марте.

После отправки наших войск в Тироль агентурная разведка против Салоник перешла в ведение германцев и болгар. Последние в мирное время работали с большим успехом против Сербии. Большое число болгарских офицеров осело в городах и вдоль границы под видом коммерсантов и чиновников. Однако во время войны ощущался недостаток в правильной организации, и не было желания давать достаточные денежные средства. Тем не менее, при штабе каждой армии имелся отдел агентурной разведки. Главное командование организовало свой разведотдел в Ксанти, где работали также германский лейтенант Вальтер Шмидт и турецкий лейтенант Фуад.

Контрразведку номинально возглавлял начальник тайной полиции Георгиев со своим помощником Бошняковым, но фактически ею руководил германский ротмистр Грифель, а на театре войны – начальник германской полевой полиции Гартенштейн.

Наряду с германскими агентами, против Салоник были попользованы также переодетые солдаты болгаро-македонской дивизии.

Нашей разведке, руководимой разведотделом 19-го корпуса в Скутари, приходилось иметь дело, главным образом, с греками и итальянцами на территории Албании. Из Ксанти вел наблюдение майор Павлас, тщательно обследовавший район Кавалла, наш военный атташе в Афинах получал отличную информацию от греческого генштаба, в том числе даже донесения греческого военного коменданта в Салониках. Но материалы нашего военного атташе приходили к нам с большим опозданием. К нашему счастью, вице-консулу в Салониках, [161] кап. Гофленер, удалось избежать ареста и перебраться в Монастырь в штаб 1-й болгарской армии. Он немедленно организовал агентурную разведку и объездил северо-западную пограничную полосу Греции, о которой мы раньше имели очень скудные сведения. Однако в это время все дороги в этом районе были закрыты по распоряжению греческого майора Лиаскас, видимо, завербованного руководителем французской разведки во Флорине армянином Кодаль. Некоторое время Гофленеру приходилось отправлять своих агентов через Резна – Корча. Вскоре военный атташе в Афинах добился снятия этого самочинного правителя, после чего Златовский, секретарь Гофленера, перебрался во Флорину. Начиная с февраля 1916 г., против Валлоны работал разведцентр в Эльбазане, под руководством ст. лейт. Цитковского, бывшего консула в Монастыре. Его помощником был прапорщик Свемере, свободно владевший девятью балканскими языками. Кроме того, агентурной разведке оказывали помощь албанские партизанские отряды барона Нопша, кап. Геслера и кап. Гилярди. Впрочем, албанцам нельзя было очень доверять: так, например, в ноябре 1916 г. партизанский отряд Гермени целиком перешел на сторону противника. Кроме того, находившийся в Артирокастро итальянский агент Хакки-бей, один из виднейших сторонников Эссад-паши, перехватывал наших агентов и курьеров, отправлявшихся вице-консулом в Янине – фон Горнбостель.

В начале марта 1916 г. французы заняли железную дорогу Салоники – Флорина, захватили в плен Златовского и соединились с сербами у Корча, в связи с этим был организован еще один разведывательный пункт в Подградец (к югу от озера Охрида).

Повсюду говорилось о том, что после окончательного сосредоточения сербов начнется наступление на Монастырь, чтобы захватить хотя бы маленькую часть Сербии. Болгары опередили это намерение, захватив 18 августа 1916 г. Флорину и ворвавшись во Фракию. В этот момент в войну вступила Румыния, и маршал Макензен перешел с подкреплениями на румынский фронт. Тем не менее, у Салоник осталось достаточно сил для удержания позиций, которые к этому времени были хорошо оборудованы. Кроме того, болгары, благодаря получению огнеприпасов, оружия и технических средств из Германии и Австро-Венгрии, были значительно сильнее в техническом отношении, чем к началу войны. К сожалению, интендантство и средства подвоза работали скверно. К этому еще присоединялось [162] стремление населения поскорее обогатиться при помощи войны.

В середине сентября 1916 г. салоникская армия перешла в наступление и выгнала

болгар из Флорины. Этим создалась также угроза западному флангу 19-го австрийского корпуса в Албании. Кап. Гофленеру было поручено распространить деятельность его агентуры и на Салоники.

Тем временем Антанта проявляла усиленную заботу об обеспечении тыла салоникинской армии. Еще в июле началась под ее нажимом демобилизация греческой армии. Войска из северной Греции должны были полностью перейти в район Пелопоннеса, но это, по мере возможности, оттягивалось, так как греки опасались за Эпир, албанскую часть которого итальянцы уже оккупировали. В Салониках появился Венизелос, который после революции на Крите и других греческих островах образовал временное правительство, овладев стоявшими там греческими военными судами, и начал формировать армию для поддержки Антанты. Стоявший в Янине 5-й корпус пытался, при участии наших разведорганов, организовать вытеснение итальянцев из северного Эпира. По мнению наших разведорганов, достаточно было двух полков для того, чтобы создать опору для партизанских отрядов, организованных греческим генштабом. Франция и Англия не предприняли бы активных мер для борьбы с восстанием эпиротов против Италии. К сожалению, наш 19-й корпус не располагал двумя полками, необходимыми для этой авантюры.

Во второй половине ноября 1916 г. дипломатические представители центральных держав и их союзников вынуждены были покинуть Афины по энергичному требованию Антанты.

В это же время ген. Саррайль решил попытаться вновь перейти в наступление. Турецкие и болгарские подкрепления прибыли слишком поздно. Монастырь был взят противником. Наш разведывательный центр должен был переехать в Прилеп. Однако этим успехом и закончилась эта операция, мало способствовавшая облегчению положения румын. Большой разрыв между западным флангом салоникинской армии у озера Охрида и итальянскими укреплениями под Валлоной открыл широкие возможности нашим агентам, отправлявшимся разведорганами в Прилепе, Лине, Эльбазане, Борате и Фиери, проникать в тыл македонского фронта вплоть до Салоник и далее в глубь Греции, а также в сторону Валлоны и Эпира. Нашей агентуре оказывали поддержку верные нам греческие офицеры. В итоге на этом театре войны агентура оставалась нашим лучшим средством разведки. [163]

Большую пользу приносили также хорватские солдаты, попавшие из русского плена через Архангельск и Францию в югославские части салоникинской армии, откуда всячески стремились перебежать к нам.

Большие усилия к облегчению положения румын прилагал Кадорна, тщетно стремившийся овладеть Триестом во время седьмого, восьмого и девятого сражений на Изонцо. Эти атаки, закончившиеся 2 ноября 1916 г., никогда не застигали нас врасплох. Благодаря радио и показаниям пленных и перебежчиков, мы своевременно узнавали о прибытии новых войск на фронт Изонцо. Дешифровальщикам приходилось напрягать все свои способности. Трудности заключались не в смене шифров. Даже новый ключ, введенный 20 августа 1916 г., был раскрыт после 83-часовой работы. Однако итальянцы пользовались одновременно не только несколькими ключами, но вводили особые шифры в отдельных дивизиях, бригадах и даже полках. Смена позывных радиостанций была нам даже на руку, так как при этом выявлялись станции, уже давно прекратившие передачу. Таким образом, можно было проторить наш учет. Благодаря снеговому метелям, наступившим в Тироле раньше нормального срока, итальянцы вынуждены были усиленно пользоваться радиосвязью из-за частых перерывов проволочной связи. Нашим «Пенкала» это обстоятельство давало обильный материал.

По-видимому, Кадорна намеревался внести и свою лепту в контрнаступление русских и румын. Это выдала радиограмма от 21 ноября 1916 г., а также переброска тяжелой артиллерии с тирольского фронта на Изонцо. Однако после понесенных тяжелых потерь у итальянцев уже не хватало сил. Кроме того, немало работы им доставляли события внутри страны.

Из захваченных документов было видно, что революционно-анархическая пропаганда

вызывала необходимость суровых мер подавления. Судебный процесс в Риме против ряда социалистов, обвинявшихся в пацифистской и антипатриотической пропаганде, закончился осуждением Итало Тоскано на 6 лет тюрьмы, трех других обвиняемых – на 5 лет.

Ген. Кадорна столь же мало помог Румынии, как и раньше Сербии и Черногории. [164]

Глава 29. Внутреннее положение Австро-Венгрии

Чем дальше длилась война, тем больше главному командованию приходилось уделять внимания внутреннему положению страны. Доклады высших военных органов, материалы венского контрразведывательного центра, наблюдения политической группы разведывательного бюро и донесения специальных секретных наблюдателей – все это давало обильный материал для оценки внутривойсковой обстановки.

Нельзя было не признать, что плохая организация продовольственного снабжения в Австрии стала заглушать волю к войне даже у абсолютно надежных слоев населения. В немецкой части Богемии, в моравско-силезском угольном бассейне, в Штирии, Нижней Австрии и Вене дело дошло до демонстраций. Успокоительные заверения и ссылки на объективные условия приносили мало пользы, если вовремя не подвозилось продовольствие.

Замечательно было то, что социал-демократия стояла в стороне от этих выступлений. 1 мая 1916 г. вождь социал-демократии Пернершторфер восхвалял императора Вильгельма II как миролюбивого монарха и подчеркивал заинтересованность рабочего класса в доведении войны до победного конца. Домес в июле выступил на собрании австрийского союза металлистов с лозунгом «держаться до конца».

Такое отношение к войне со стороны социал-демократии тем более примечательно, что за границей уже зарождалось движение международной солидарности рабочего класса. «Голландская фракция», настроенная явно враждебно к центральным державам, постановила на мартовском конгрессе 1916 г. в Гааге вести антимилитаристскую пропаганду в воюющих странах, распространять слухи о мире в центральных державах и вести подготовку всеобщей стачки в нейтральных странах, стремившихся вступить в войну. На конгрессе присутствовали германские французские, русские и румынские социал-демократы и анархисты; из Австрии был лишь один социал-демократ – Поль.

Прокламации, появившиеся в разных пунктах Германии и Австрии в начале 1916 г., призывали население к выступлениям против войны. Были также конфискованы открытки антивоенного характера. [165]

Обращало на себя внимание чрезмерно большое количество немецких, польских и венгерских евреев, дезертировавших в Голландию, в связи с чем весной 1916 г. нами был назначен в качестве военного атташе в Гаагу подполк. Ишковский. По полученным им сведениям, дезертирство было организовано Англией при помощи сионистских организаций. Вне всякого сомнения, глава сионистов в Шевенингене, Генрих Грюнцвейн, поддерживал тесную связь с сионистами в Кракове и Львове.

Настоящим бедствием стали военнопленные, бежавшие из лагерей. К концу апреля 1916 г. их насчитывалось уже 12 440 человек. Правда, лишь немногим из них, вроде ген. Корнилова, удавалось пробраться на родину, но остальные держали наши органы охраны в постоянном страхе перед возможностью диверсионных нападений. Как показала действительность, эти опасения были преувеличены. Взрыв на военном заводе Энцесфельд 18 мая 1916 г. был вызван чрезмерным нагревом котла. Другие несчастные случаи также были вызваны несоблюдением на производстве технических правил предосторожности. Лишь взрыв арсенала в Цетинье, который должен был служить сигналом к восстанию, мог быть приписан черногорцам.

Взрыв арсенала служил условным сигналом для одновременного общего нападения на оккупационные войска. Во главе заговора, раскрытого своевременно, стоял бывший сербский военный министр ген. Радомир Везович. Когда генерал-губернатор натравил к нему одного офицера для передачи требования – в 24 часа покинуть страну, Везович,

совместно с двумя своими братьями, предательски убил офицера, а сам бежал в горы. В качестве заложников были взяты его отец и брат, причем было объявлено, что они будут повешены, если Везович в течение пяти дней не явится на суд. Везович продолжал скрываться. Вследствие этого его брат был отдан в руки палача, престарелый отец был помилован. Лишь после объявления амнистии весной 1918 г. генерал явился и тотчас же выразил готовность принять участие в борьбе с повстанцами. Капитуляцию этого человека, ставшего героем, генерал-губернатор оценил как моральное поражение его самого и его приверженцев, в силу чего приказал интернировать его в Пегстале и даже назначил ему месячное содержание в 1 000 крон.

Известную опасность представляли также пленные, возвратившиеся из России в порядке обмена. Антигосударственная пропаганда, организованная в русских лагерях для военнопленных, могла оказать неблагоприятное влияние и на возвращавшихся. Кроме того, нужно было для будущего выявить изменников [166] и зачинщиков, оставшихся в России. В связи с этим нужно было организовать своего рода политический карантин, посредством которого следовало отделить лояльные элементы от антигосударственных и путем опроса получить уличающие данные о деятельности изменников в плену. Поэтому в середине сентября, на совещании в военном министерстве, было решено при 10-м отделе (дела о военнопленных) организовать совместно со службой цензуры учет политически ненадежных лиц. Кроме того, в Заснице (Германия), куда прибывали из Швеции возвращавшиеся пленные, был организован контрольный пункт.

Со стороны государственных органов и общественных организаций стали часто поступать протесты против массового интернирования политически подозрительных лиц. Постепенно и сама контрразведка стала спокойнее смотреть на вещи. Провинциальным правительствам было поручено проверить интернированных и причины их интернирования. Признанные невиновными были освобождены. В Талердорфе (близ Граца) в середине 1916 г. из находившихся 14000 галичан и буковинцев было освобождено около 11 300 человек. Оставшиеся были преимущественно русины. Как впоследствии выяснилось, при этом поступили чересчур либерально. Перемышльскому военному округу было немало хлопот с возвратившимися, среди которых оказалось очень много русофилов. В Сирмию, после спешной проверки интернированных в лагерях, вернулось столь большое количество антигосударственных элементов, что военному командованию пришлось вновь прибегнуть к их интернированию.

Одним из последствий поражения на русском фронте явилось новое обострение польского вопроса. Социалист Июдко Наркевич предложил нашему главному командованию использовать тайную польскую военную организацию, которая, по оценке полк. Паич, насчитывала до 300000 человек. В условиях того времени нельзя было недооценивать такой силы. При неправильном использовании она представляла большую опасность. Вопрос заключается лишь в том, на каких условиях было возможно достигнуть ее использования. Между Германией и Австро-Венгрией по этому поводу не было единодушия. После недавних неудач на австро-венгерском фронте Германия вовсе не склонна была соглашаться на австро-польское соглашение. Кроме того, к этому времени ухудшились отношения с бригадиром Пилсудским вследствие отказа предоставить ему командование всеми польскими легионами. Причиной отказа были многочисленные протесты со стороны враждебных Пилсудскому польских групп, в особенности правых партий. [167] В результате в июле 1916 г. он подал заявление об уходе. Согласие на это было ему дано лишь 26 сентября 1916 г.

Тем временем было решено создать вместо легиона польский вспомогательный корпус. В результате длительных переговоров с полк. Сикорским, ярым сторонником австро-польского соглашения, было намечено сформировать польский корпус в составе 4 бригад, с собственными полковыми знаменами и польской формой обмундирования. Однако перед этим необходима была декларация центральных держав относительно будущего Польши. В связи с сопротивлением Германии оставалось одно решение: объявить Польшу

самостоятельным государством, а Галиции обещать широкую автономию, оставляя ее польской провинцией Австрии. Поднялась целая буря негодования против «нового раздела Польши». Депутат Дашинский резко напал на командование восточного фронта, по вине которого стал необходим этот гнилой компромисс. Главное командование, знавшее обо всем этом от своих секретных осведомителей, должно было приложить все усилия к дальнейшему согласованию польского вопроса между Австрией и Германией. Вдобавок в это время опасность на востоке была уже ликвидирована, и не было больше острой необходимости в польской армии, которая еще находилась, в сущности, в области воображения. Между тем создание самостоятельного польского королевства, при необходимости дальнейшего выкачивания экономических средств из населения, было сопряжено с нежелательными осложнениями. Однако дело уже было начато, и 5 ноября 1916 г. центральными державами был опубликован манифест. Как установила наша агентура, первое впечатление было против ожидания хорошим.

Однако это длилось недолго. Антанта, в страхе перед призраком польской армии, квалифицировала манифест как нарушение международного права. Ее пресса изливала яд и желчь, убеждая поляков, что все это делается лишь ради вербовки новых солдат. Русофилы – прежде всего Дмовский – протестовали. С пламенным протестом выступили Сейда, граф Замоиский, Падеревский. Социалисты тоже возмущались оккупационными властями – «вешателями Польши», продавшими польскую независимость. Полк. Сикорский, вздумавший возобновить вербовку, подвергся сильным нападкам. Его называли продажным изменником, торгующим кровью польского народа. Польская военная организация призывала вступать в ее ряды, но вооружение своих членов откладывала до начала наступления против России. [168]

В Польше появились агенты Антанты, агитировавшие против формирования армии. Наше посольство в Копенгагене, противодействовавшее шпионажу русского полковника Потоцкого и военного атташе Бескровного, установило, что из Дании распространялась пропаганда, стремившаяся вызвать недовольство в польском легионе и среди наших и германских войск в Польше и Литве. Вербовка в польский корпус потерпела полную неудачу. Поляки во вновь созданном королевстве были недовольны тем, что оккупационные власти по-прежнему изымали у них продовольствие и прочие предметы первой необходимости. Поляки в Галиции, оставшись отделенными от Польши, ворчали. Наконец, украинцы потеряли надежду освободиться из-под власти поляков. Следствием всего этого было глубокое недовольство и возбуждение в стране, тяжело пострадавшей от эвакуации русскими трудоспособного населения и от злоупотреблений галицийских властей. Таким образом, ловкий, на первый взгляд, политический шахматный ход оказался неудачным во всех отношениях.

Единственный практический успех, достигнутый разведывательной службой, заключался в том, что (распространение манифеста на русском фронте с помощью воздушных шаров значительно увеличило приток перебежчиков-поляков. Вскоре это побудило русских использовать своих поляков на кавказском фронте.

Масса документов, захваченных в Сербии, вскрыла (ненормальную обстановку, царившую в наших приграничных областях. После первоначального беглого просмотра этих документов комиссией полк. Керхнаве, я, в целях получения общего обзора, организовал в конце 1916 г. систематическое их изучение различными органами. По документам министра Пашича можно было проследить все этапы широко задуманной политики по усилению Сербии. Выявлены были связи со славянами в Австро-Венгрии и даже с венграми. После аннексии Боснии и Герцеговины общая политическая линия Сербии заключалась в скрытом вооружении и в проведении ловкого маневра, который должен был взвалить вину за войну на Австро-Венгрию.

Перед войной сеть сербского шпионажа, при содействии чехов и сербов, покрывала всю Австро-Венгрию. По кассовой книге сербского военного министерства за 1914 г. значилась уплата 53 агентам в Боснии и Герцеговине, 31 агенту в Хорватии-Словении, 5–6 – в

Венгрии и в Софии – шпиону-двойнику инженеру Краль, который передавал сербам задания нашего военного атташе. Еще более интересные данные обнаружили кассовые книги в отношении расходования секретного [169] фонда сербского премьер-министра. По ним было установлено, что борющиеся за рубежом против Австрии политические деятели, как-то: Гинкович, Зупило, Бакотич, проф. Рейс, Грегорин, Иво, Войнович и д-р Гаврила, получали весьма солидные субсидии. Так, например, с 29 мая по 3 июля 1915 г. Зупило получил 12 000 динаров. Ряд наших агентов оказался двойниками. Среди них Таушанович, продавший сербам наш шифр, полученный от разведпункта в Панчове. Затем «международный шпион» и мошенник Кужель, пытавшийся выдать сербскому посланнику в Афинах наших агентов в Салониках. Наконец, албанец Байрам Кур, дольше всех других игравший роли шпиона-двойника. Мы узнали также, что один чиновник сербского происхождения, руководивший во время балканской войны нашей радиостанцией, организованной на границе Боснии для перехватывания сербских депеш, выдал этот секрет сербской организации «Народна Одбрана».

Ряд документов сильно компрометировал династию Карагеоргиевичей. В частности, было найдено обвинительное заключение военного суда от 1879 г., в котором Петр Карагеоргиевич, Лукич из Милосевача и портной Милан Шелякович обвинялись в нелегальном приезде в Сербию в целях убийства правящего монарха. Еще хуже было письмо С. Лукашевича Пашичу с копией письма королю, датированного 1905 годом. В этом письме Лукашевич угрожал королю, что если не будут удовлетворены его справедливые денежные требования, он «разоблачит чудовищные факты: убийство по приказу Петра короля Александра Обреновича, подготовку вторжения сербов в Черногорию при помощи обмана пограничной стражи подложными документами; получение комиссионных при заказах на орудия, намерения Петра отравить черногорскую княжну Ксению, если она выйдет замуж за короля Александра Обреновича, и т. п. Как видно из сербской бухгалтерии, упорный Лукашевич действительно получил свои деньги.

При наличии подобных нравов неудивительно, что сербы, бежавшие в Женеву, обвиняли друг друга в расхищении казенных денег.

Сербские разведывательные органы своевременно уничтожили свои документы. Лишь в Лознице эта мера предосторожности не была принята. Благодаря этому, весной 1916 г. в Баньялука начался грандиозный судебный процесс 156, а зимой в военном суде в Сараеве – процесс 39 подсудимых. Начальник разведки капитан Коста Тодорович, в сентябре 1914 г. покончивший с собою, чтобы не попасть в плен, тщательно вел дневник и список агентов. Благодаря этому и при [170] помощи других документов военным экспертам удалось вскрыть всю историю сербской разведки и связь ее с организациями «Словенски Юг» и «Народна Одбрана». Большинство подсудимых – 119 человек – было признано виновными. Среди важнейших обвиняемых, приговоренных к смертной казни, замененной тюрьмой при Помилвании, находилось 6 священников и 4 учителя.

В Далмации, где в общем славяне держались более лояльно, неожиданно появились агитаторы, призывавшие солдат к дезертирству. Станным образом из отпуска стали часто не возвращаться даже отличные солдаты. Несмотря на все усилия, корень зла обнаружить не удалось.

Словенцы из ненависти к Италии выполняли свой долг, но ясно было, что они лишь отложили до конца войны свои надежды на объединение с хорватами. В связи с противодействием Венгрии, все более распространялась мысль, особенно среди интеллигенции и молодежи, достигнуть объединения вне рамок Австро-Венгрии. Местные власти Крайны должны были сами признать, что школы в Лайбахе воспитывали молодежь скорее в духе государственной измены, чем в духе лояльности. За рубежом антиавстрийская пропаганда сербов делала тревожные успехи. В Америке проживало примерно 700 000 сербов, большинство которых относилось враждебно к Австро-Венгрии, и этого факта нельзя было недооценивать. Эти настроения увливали агитационные поездки д-ра Поточняк и Милана Марьянович. Правда, среди различных организаций не было единства. В Европе

Массарик стремился к объединению партий, которые были едины лишь во враждебном отношении к Австро-Венгрии. Итальянцы начали менять свое отношение к словакам, учитывая, что враждебность словенского населения чрезвычайно затрудняет осуществление их завоевательных планов. Министр Бисолатти заявил в интервью, опубликованном газетой «Матен», о предстоящем союзе с югославянами.

С 1916 г. в Богемии пошло на убыль движение в пользу чешской независимости. С одной стороны, вожди движения были обезврежены, с другой – повлияла неспособность русских развить свои успехи на фронте. Кроме того, населению было не до политики из-за продовольственных трудностей.

В южном Тироле, после бегства или интернирования ирредентистской интеллигенции, одержал верх дух лояльности. В частности, он нашел выражение в июле, когда местной стражей были захвачены изменники Чезаре Баттисти и Фабио Фильци. Когда оба пленника совершили свое «прибытие в город», [171] жители Триента толпами высыпали на улицу. Конвой должен был приложить все усилия, чтобы спасти изменников от самосуда. Все же он не мог заставить население прекратить оплевывание изменников, которым оно, по итальянскому обычаю, выражало свои чувства.

В отношении лояльности итальянцев, попавших в русский плен, их соотечественники также были сильно разочарованы. Еще 6 октября 1914 г. русский посол в Риме Крупенский предлагал переправить от 10 до 20 тысяч пленных итальянцев. Этот план начали при помощи всевозможных хитростей приводить в исполнение еще до вступления Италии в войну, но большинство пленных с возмущением отвергло предложение. Так, например, в лагере, где находились 2 500 итальянцев, лишь один дал свое согласие. Позднее, в связи с обострением нужды среди пленных и с потерей надежды вернуться на родину, нашлось 4 300 из 25 000 пленных итальянцев, которые были признаны надежными и через Архангельск отправлены в Италию. Из них только 300 человек добровольно пошли на фронт. Италия не могла скрыть своего разочарования, и по адресу руководителя этого дела полк. Бассиньяно было направлено немало упреков. Примерно 2 000 человек, из общего числа пленных итальянцев, достигшего ИК этому времени 40 000 человек, были собраны во время русской революции в лагерях у Кирсанова, но и они предпочли пробиваться через Сибирь. Пленные, попадавшие в Италию, естественно, хотели поддерживать связь со своими семьями, не открывая, однако, своего неблагоприятного поведения. Для этой цели их почту стали отправлять по конспиративному адресу в Петербург «Uffizio centrale dei prigionieri». Но так как итальянская почта ставила на этих письмах свой штемпель, то эта хитрость была нами раскрыта сразу.

Бросая общий взгляд на последние месяцы 1916 г., следует признать, что с общегосударственной точки зрения недостаток продовольствия вызвал ряд неблагоприятных последствий, но контрразведка, благодаря своей хорошей организации, успешно выполняла свои задачи.

Судебные работники, разбиравшие дела по шпионажу и государственной измене, наспециализировались в этом деле. Кроме того, как им, так и работникам разведки, существенную помощь приносила книга офицера генштаба капитана д-ра Зоберинг, майора Ишковского и капитана Нордегга «Служба борьбы со шпионажем».

Работу контрразведки облегчало то обстоятельство, что австрийский парламент с начала войны был распущен. Деятельность [172] венгерского парламента, вследствие более патриотического состава депутатов, была менее опасной, хотя и здесь произносилось немало необдуманных речей, давших богатый материал для неприятельской пропаганды.

Происшедшее 21 октября убийство премьер-министра графа Штюрк свидетельствовало о наличии в социал-демократической партии радикального крыла, не подчинявшегося старому испытанному руководству Виктора Адлера, Пернершторфера и Шумейера. Убийца, сын Виктора Адлера, выдвинул в качестве мотива преступления отрицательное отношение графа Штюрка к созыву парламента. Далее, в начале ноября, общегосударственная конференция немецкой социал-демократической партии Австрии вынесла резолюцию о немедленном созыве парламента и выдвинула пожелание о скорейшем окончании войны.

Две недели спустя, 21 ноября 1916 г., скончался престарелый император Франц-Иосиф.

Глава 30. Император Карл. Вступление в войну Америки

Цензурный отдел центрального справочного бюро Красного креста все чаще встречал в переписке высказывания, свидетельствующие о жажде мира. В прессе эти стремления не отражались, так как цензура не пропускала подобного рода статей, могущих быть использованными противником как признак нашей усталости и малодушия. Та же участь постигала произведения пацифистов, работавших за границей. Пацифисты, в особенности из нашего собственного лагеря, сильно вредили делу мира, распространяя сведения о том, что центральные державы находятся накануне полного истощения и вынуждены заключить мир любой ценой. Естественно, что наша контрразведка внимательно следила за их деятельностью.

В декабре 1916 г. разведка распространила в расположении противника листовки с приказом императора Карла по армии и флоту о мирном предложении Австрии, Болгарии и Турции и затем повсюду проследила, какое впечатление произведет этот приказ в неприятельских странах. У русских наши воздушные шары с листовками часто встречали восторженный прием. [173]

Впрочем, братание с нашими солдатами было ликвидировано русским командованием при помощи телесных наказаний. Пленные, в особенности из русских гвардейских частей, расценивали мирное предложение как признак нашей слабости. Приказ царя по армии и флоту, перехваченный нами при помощи радио, призывал, в ответ на предложение мира, вытеснить противника с территории России и даже воскрешал давно уже погребенные старые цели войны – Константинополь и проливы.

В Италии наше предложение и выступление американского президента Вильсона усилили позиции сторонников мира типа Джиолитти. Кроме того, среди населения вызвал большое недовольство призыв родившихся в 1874–1875 гг. Все же агитация милитаристов получила перевес.

Внутри самой Австро-Венгрии мирное предложение, естественно, было встречено с энтузиазмом и усилило симпатии к Карлу. По его желанию, цензура была ослаблена. Политические статьи, допустимые с точки зрения внешней политики, пропускались без цензуры. 28 декабря 1916 г. на собрании социал-демократического союза «Форвертс» Виктор Адлер впервые мог выступить открыто с речью о мире.

Послание президента Вильсона, встреченное центральными державами очень холодно, было искусно использовано государственными деятелями Антанты. В ее ответной ноте от 12 ноября 1917 г. цели войны были умело облечены в форму, соответствующую идеалам президента.

Карл, взяв на себя главное командование, приказал перевести главную квартиру из Тешена в Баден, около Вены, так как другие государственные дела требовали его пребывания вблизи столицы. Я заблаговременно выехал туда в декабре, чтобы подготовить меры охраны. В связи с близостью столицы и текучестью населения Бадена – этого мирового курорта – организация необходимой охраны была нелегкой задачей. Тем не менее, благодаря содействию местных властей, она была удовлетворительно поставлена к моменту прибытия главного командования в январе 1914 г. Хотя первоначальное «пассивное сопротивление» населения и отдельных представителей муниципалитета было быстро ликвидировано, все же мы часто вспоминали о несравненно более любезном отношении жителей Тешена.

В связи с назначением императором Карлом ряда новых советников и высших чиновников, в составе главного командования также произошли большие перемены. То, что престолонаследника держали в стороне от повседневной работы главного командования, [174] было ошибкой. Составляли исключение лишь мои частые доклады по вопросам разведывательной службы, вызывавшие с его стороны большой интерес.

На фронтах наступило затишье. Однако Россия, Румыния и Италия энергично

вооружались. Выяснение данных о новых формированиях стояло в центре внимания разведывательной службы. Производился тщательный опрос каждого пленного на фронте и в лагере, переписка военнопленных просматривалась очень внимательно и давала весьма существенные данные.

В середине февраля мы установили у русских 116 новых батальонов; в дальнейшем это количество возросло до 320. Одновременно было выявлено формирование новых дивизий, число которых к концу мая достигало 72.

Румыния реорганизовала, с помощью французов, свою армию, состав которой к концу марта 1917 г. включал, по нашим сведениям, 15 пех. дивизий, две кавалерийские и одну пограничную бригады.

Итальянцы в январе 1917 г. придали каждому пехотному полку по одному маршевому батальону, большая часть новобранцев этого батальона заменялась старослужащими трех других батальонов, благодаря чему получался боеспособный четвертый батальон. Сводя вместе эти батальоны, итальянцы формировали новые пехотные берсальерские полки; старые полки получали взамен новые маршевые батальоны. Кроме того, каждой пехотной бригаде был придан один батальон, получивший № 9. Наконец в составе каждого батальона одна пехотная рота была заменена пулеметной ротой. Выделенные пехотные роты сводились по шести в маршевые батальоны, последние – в маршевые полки и бригады. Учитывая эти формирования, следовало ожидать, что к началу предстоящей кампании Италия будет располагать 112 тех. бригадами, 21 полком берсальеров, 18 батальонами самокатчиков и 233 ротами альпийских стрелков.

Хотя часть этих данных стала нам известна лишь к июню 1917 г., еще в первые месяцы этого года мы знали об оживленной работе противников по организации новых частей. Это свидетельствовало о подготовке в начале весны мощного натиска на востоке, на юге и против Германии – на западе. Германия же решила перейти к обороне, рассчитывая на успех своей беспощадной подводной войны, начавшейся с 1 февраля 1917 г. Дипломатические отношения США и Германии были 3 февраля прерваны, а 6 апреля 1917 г. последовало объявление войны. [175]

Когда германский посол граф Бернсторф возвращался на пароходе «Фридрих III» в Европу, к нему чешским агитатором и разведчиком Воска была подослана для целей шпионажа Млада Яроушек. Впоследствии она попала в руки нашей контрразведки и была разоблачена как опасная шпионка и агитатор.

В день объявления войны Австро-Венгрия прервала дипломатические отношения с США. Болгария не последовала этому примеру, благодаря чему американский посланник в Софии мог по-прежнему поддерживать шпионаж Антанты. Турция также колебалась. По мнению турецкого министра иностранных дел, в Константинополе было очень много шпионов и помимо американского посольства. Все же, по настоянию Германии, 17 апреля дипломатические отношения Турции с США были прерваны.

Сербы, проживавшие в Америке, поспешили через свой «национальный совет» предложить свои услуги американскому военному министру Бэкеру. Разведывательное бюро еще ранее поручило военному прокурору Копржива составить обзор «антиавстрийского движения среди сербов в Северной Америке». Эта брошюра пользовалась успехом, особенно среди гражданских органов.

Наши специалисты, считая невозможным достать необходимое количество судов для перевозки и снабжения американских войск, значительно недооценивали возможные размеры американских подкреплений.

В начале февраля 1917 г. французский ген. Нивель посетил 3-ю итальянскую армию на фронте Изонцо. Наша разведка вскоре вылепила, что ему было поручено уговорить итальянцев обороняться и отправить как можно больше войск во Францию с тем, чтобы они приняли участие в намеченном на весну решительном ударе. Против этого возражали король. Кадорна и министр Бисоллатти. Более того, они просили о помощи Антанты в случае большого наступления австро-венгерских и германских войск против Италии. Французы на

это не соглашались. В результате был найден компромисс: итальянцы должны были еще раз попытаться счастья на Изонцо, для чего Франция и Англия должны были снабдить их тяжелой артиллерией. Благодаря нашей хорошей осведомленности, мы не придавали значения поступавшим в конце февраля из Германии многочисленным сообщениям о крупных перебросках итальянских войск во Францию. Вскоре наши агенты и другие источники подтвердили, что эти ложные сведения распространялись умышленно. [176]

Попытки французов получить подкрепления показывали, что они были не очень уверены в успехе предстоящих операций. Император Карл предполагал поэтому, что они не очень будут противиться заключению мира, и воспользовался случаем, вступить через своего зятя, принца Сикста Пармского, в непосредственные предварительные переговоры с Францией. Мне было поручено снабдить ротмистра Эрдеди документами, необходимыми для выезда в Швейцарию. При этом, однако, я не имел даже представления, что речь шла о передаче корреспонденции принцу Сиксту.

Во время этого мирного посредничества, не имевшего, впрочем, успеха, произошло событие большой важности: в России вспыхнула революция.

Глава 31. Коммерческий и промышленный шпионаж и диверсия

Из-за ошибочных представлений о длительности войны не было и мысли о той важной роли, которую должна была играть в этой гигантской борьбе промышленность. Лишь необходимость привлечь в широчайшем масштабе промышленность к пополнению израсходованных запасов, далее – необходимость реализовать вновь появившиеся боевые средства, расширить имевшиеся заводы, построить новые и перевести огромное количество предприятий с мирного производства на военное постепенно выявили, что промышленность является одним из важнейших элементов военного дела.

Аналогичным образом видоизменилась и роль торговли. Значение ее возрастало по мере того, как усиливалась блокада со стороны Антанты, расходовались запасы импортных материалов, уменьшались продовольственные ресурсы, вследствие ослабления сельского хозяйства, потери, складов при отходе и недостаточно экономного расходования продовольствия в начале войны. Австро-Венгрия, и в мирное время ввозившая из-за границы часть необходимого ей продовольствия, оказалась в тяжелом положении. Быстро падавший импорт повлиял также на текстильную и швейную промышленность.

Слишком поздно перешли к централизованному распределению имевшихся запасов и ресурсов и к дифференциации потребностей по степени их важности. [177]

Противники центральных держав, поставщиком которых являлся, невзирая на подводную войну, весь мир, находились в несравненно лучших условиях. Они, естественно, были весьма заинтересованы в том, чтобы установить состояние нашей промышленности и тем самым выяснить предел нашей выносливости. Вместе с тем они стремились выяснить те скрытые пути, которыми пользовалась наша торговля для получения минимального количества крайне необходимых нам предметов из нейтральных стран. Выяснив эти пути, Антанта намеревалась использовать все свое мощное влияние, чтобы их ликвидировать, и этим приблизить свою цель – взять нас измором. В связи с этим, естественно, что против центральных держав был направлен промышленный и торговый шпионаж, в то время как последние ограничивались лишь выявлением технических новинок неприятельской военной промышленности.

Наша контрразведка, едва справлявшаяся с другими задачами, не уделяла большого внимания торговому и промышленному шпионажу. Она по привычке считала, что для охраны скрытности военного производства достаточно обойтись теми мерами, которые применялись в мирное время, и не могла охватить широко развившуюся военную промышленность.

Это усугублялось еще доверчивостью торгово-промышленных кругов. Так, например, экспортный отдел венской торговой палаты опубликовал в начале войны в «Венской газете»,

что у него имелись адреса заслуживавших доверия посредников в нейтральных странах. Благодаря этому, агенты экономического шпионажа получили возможность передавать через посредников сведения своим руководителям в неприятельские государства. Коммерсанты неумышленно содействовали шпионажу, помещая в своей переписке с нейтральными странами те данные, которые легко могли быть использованы неприятельской разведкой. Так, например, техническое бюро Юлиус Овергоф в Вене выпустило впоследствии конфискованный список отзывов, среди которых фигурировали почти исключительно заводы, работавшие на оборону, в том числе и новые, возникшие во время войны, о существовании которых противник не должен был знать. Этот список был направлен в Цюрих, т. е. в Швейцарию, кишевшую шпионами обеих сторон. {29}

Наличие на предприятиях нелояльных элементов значительно облегчало разведывательную работу противников. Чтобы обойти цензуру, они пользовались секретными связями с нейтральными странами. [178]

Фактически этот шпионаж укрылся от нашей бдительности и на его след напали лишь наши разведывательные органы в Швейцарии. Там заметили особый интерес, проявлявшийся противниками к различным суррогатам, введенным в центральных державах. В частности, выяснилось, что неприятельская промышленная разведка уделяла исключительное внимание производству синтетического каучука.

С нашей стороны интерес к неприятельской военной, промышленности стал проявляться лишь после того, как разведывательное бюро главной квартиры организовало «внутреннюю разведывательную службу». Выяснилось, что систематическая разработка соответствующих данных иностранной прессы и агентурных материалов давала большие результаты, чем предполагали. Несмотря на войну, экономические связи с границей, в частности через нейтральные страны, продолжали существовать, и этим путем можно было получить много ценного.

В качестве примера можно указать на то, что начальник отдела внутренней разведки Прейслер выявил пребывание в качестве представителя фирмы в Париже ответственного сотрудника одной крупной австрийской фирмы, нейтрального подданного. От этого лица нельзя было ни ожидать, ни требовать разведывательной работы. Однако главу фирмы удалось убедить вызвать этого представителя в Вену якобы для переговоров о поставках. Прейслер присутствовал при переговорах в качестве скромно сидевшего в углу секретаря. Беседа велась по заранее составленной программе и дала массу ценного материала о состоянии французской авиапромышленности.

Наряду с экономической разведкой, наши противники пытались проводить диверсионные акты. В широком масштабе они практиковались Францией против Германии. Руководство находилось во французском военном министерстве. Энергичное участие принимал ген. Букабейль в Гааге, где аналогичную работу вел и русский атташе полк. Майер, {30} затем советник посольства в Берне кап. Рашайль и английская организация в Роттердаме и Копенгагене во главе с Тинслей. В Амстердаме находилась диверсионная организация, прикрывавшаяся анархизмом и антимилитаризмом.

Для диверсий открывалось широкое поле деятельности в условиях трудности снабжения: нарушение производства путем [179] порчи машин и трубопроводов, поджоги заводов и складов, взрывы и повреждения железнодорожных станций и паровозов, распространение эпизоотии. Короче говоря, объектов для диверсий было много, но предварительным условием их успеха всегда является точная осведомленность об объектах, вследствие чего бдительность по отношению к шпионам служит хорошим средством защиты от диверсий.

Еще в первые дни войны нам удалось избежать диверсионных актов путем интернирования и изоляции всех подозрительных лиц. Этим же мероприятиям, по моему мнению, мы обязаны тому, что на протяжении всей войны нашим, противникам, несмотря на тщательную организацию, не удалось осуществить ни одного крупного диверсионного акта. При бдительности контрразведки отправка агентов для диверсий в Австрию была нелегкой

задачей. Военнопленным, которые повсюду использовались как рабочая сила, нужно было сперва доставить с их родины. Средства для диверсий, а между тем наши цензурные органы внимательно следили за доставкой писем и посылок. Они просматривали даже внутреннее содержание колбасы, пирожного, сыров, следя, нет ли там спрятанных ножей, подрывных шнуров, трубок с едкими жидкостями и т. п. Равным образом цензурный отдел центрального бюро Красного креста регулярно вскрывал каждый случай включения в переписку секретных указаний о производстве диверсий.

Главное командование, военное министерство и министерство внутренних дел издали распоряжение о предупреждении диверсионных актов. На стенах были расклеены обращения, призывавшие всех сообщать о замеченных признаках подготовки покушений. Отпугивающе действовали объявленные суровые наказания, по которым обвиняемые в диверсионных актах, как военнотружущие, так и гражданские лица, предавались военному суду. При отсутствии смягчающих обстоятельств мерой наказания была смертная казнь через повешение.

Диверсионная деятельность была для нас ощутительна лишь в тылу нашего русского фронта. Русский полковник Терехов организовал в Минске, Риге, Киеве, Смоленске и других городах специальные школы подрывного дела. Однако его агенты не имели удачи. Значительная часть их была захвачена и казнена, в том числе отряд поручика Исакова. {31} Русские диверсионные центры [180] в Румынии не проявляли особой энергии и вскоре были ликвидированы нашим наступлением.

Летом 1918 г. в Рагузе был арестован человек, спущенный на землю с итальянского самолета. По его показаниям, Италия была намерена, пользуясь воздушным транспортом, наводнить Австрию шпионами и диверсионными агентами. Нельзя было недооценивать эту опасность в условиях враждебного отношения славянского населения. Мною было выпущено всеобщее предостережение, переданное гражданским органам. Действительно, в оккупированной венецианской области, где итальянцы и без того оставили при отходе много агентов, неоднократно были обнаружены шпионы, высаженные с самолетов. Однако наводнить ими Австрию не удалось.

В итоге можно признать, что контрразведка вполне справилась со своей важной задачей – борьбой против диверсионных актов.

Глава 32. Дальнейшее развертывание разведывательной и контрразведывательной службы.

Разведывательное дело продолжало непрерывно развиваться, хотя некоторые работники нового главного командования пытались вносить в проверенную организацию разведывательной службы не всегда удачные нововведения. Так, например, еще в начале 1917 г. вопросы организации польского легиона были переданы из разведывательного в оперативное бюро. Впрочем, полк. Гранилович, после печального опыта с легионами, мог этот шаг только приветствовать.

Уже упоминавшееся создание «центра внутренней разведки» при разведывательном бюро отвечало давно назревшей необходимости. На него было возложено использование всех экономических и научных связей между Австро-Венгрией и заграницей, а также использование газетных материалов, неопубликованных из боязни конфискации. Ему же была поручена борьба с экономическим шпионажем противников. Постепенно этот центр организовал сеть офицеров внутренней разведки в пунктах расположения штабов, которым они оказывали существенную помощь.

Тактическая разведывательная служба значительно усилилась, благодаря созданию артиллерийских измерительных отрядов. В связи с увеличением численности артиллерии, и разнообразием [181] типов и калибров в феврале 1917 г. в каждой артиллерийской бригаде была введена должность «артиллерийского разведывательного офицера».

Министерство иностранных дел с большим опозданием пришло к мысли о

необходимости целеустремленной и систематической пропаганды в нейтральных и союзных государствах и в марте 1917 г. организовало «центр пропаганды». В этом направлении кое-что делалось и раньше разведывательным бюро и управлением военной печати. Последнему теперь было поручено руководство военной пропагандой за границей, а также борьба с неприятельской пропагандой, направленной против наших вооруженных сил.

Опыт показал, что при опросе обычными способами пленные никогда не дают столько полезных сведений, сколько они разглашают «при беседе между собой без посторонних слушателей. В связи с этим, по приказу 10-й армии, на карантинных пунктах, где взятые пленные проходили 5-дневный санитарный карантин, были установлены приборы для подслушивания. Они дали настолько хорошие результаты, что были затем введены повсюду.

В начале 1917 г. полк. Гранилович получил командование бригадой, после 25 лет пребывания во главе разведывательного бюро главной квартиры. После этого я был назначен опять начальником разведывательного бюро и временно начальником разведывательного управления генштаба. К этому времени первое насчитывало 30, второе – 70 офицеров.

Я поставил себе задачей правильно освещать важность и заслуги незаметной, но упорной работы разведывательной службы. Существенную поддержку я нашел в одобрении верховного вождя, который 30 мая 1917 г. обратился к офицерам разведывательной службы с соответствующим приказом.

Я придерживался старого проверенного метода – укреплять совместную работу путем личного контакта с низовыми разведывательными органами. Часто я созывал разведывательных офицеров фронта, а также представителей командования и руководителей цензуры. Кроме того, 12 и 13 сентября 1917 г. мною было организовано совещание военных атташе, так как по моим личным наблюдениям об их работе и компетенции существовали совершенно различные мнения. Собрались все атташе, за исключением военного атташе в Мадриде, не имевшего никакой возможности прибыть. В совещании приняли также участие начальник разведывательного управления морских сил фон Рисбек и ряд референтов главного командования и военного министерства. Благодаря этому, на совещании удалось [182] наметить общую линию работы на длительный период времени.

Проявляя большое внимание к радиоподслушиванию, я охотно согласился с предложением майора Фигль о более четкой организации этого дела на Балканах и против Италии. Была создана единая организация «Австро-Вест». Радиопеленгаторные станции, существовавшие до сих пор лишь в виде опыта, получили определенную организацию и должны были путем ежедневных измерений проверять дислокацию итальянских радиостанций. На юго-западном фронте, наряду с немногими отдельными станциями, были созданы следующие группы по 4 станции в каждой:

а) «Пенала Боцен» – в составе четырех таких групп (Финоккио, Обербоцен, Тоблах, Крейцберг).

б) «Пенкала Виллах» – в составе восьми отдельных станций.

в) «Пенкала Адельсберг» – из двух групп (Адельсберг, Буйе).

Ген. Борович приказал особо хорошо обеспечить «Пенкала», так как итальянцы имели на фронте Изонцо большое число радиостанций – по меньшей мере, 80, из них около 30 мощных. Каждой группе или отдельной станции была отведена определенная зона подслушивания с таким расчетом, чтобы за каждой неприятельской станцией наблюдало 2–3 станции. Дешифровку производила «Пенкала» юго-западного фронта; лишь при перемене позывных или шифра депеши поступали в Баден. Радиостанции в Албании принимали, помимо итальянских и сербских радиogramм, зашифрованных самыми простыми шифрами, также французские радиogramмы. Из трех французских шифров немцы раскрыли два, мы – один.

Стремясь достигнуть максимальной четкости и наглядности в деле учета важнейших данных по иностранным армиям и государствам, я задумал использовать опыт информационных бюро больших газет. Редакции охотно пошли мне навстречу, но их системы не всегда были пригодны, так как они были хороши лишь для тех, кто сам их

разрабатывал и пользовался ими в течение ряда лет.

Уже в 1915 г. венское полицейское управление организовало, в связи с недостатком сыщиков, курсы военно-полицейских агентов. Однако и они не могли удовлетворить потребности. Прием на службу полицейских агентов был разрешен лишь с санкции разведывательного бюро главной квартиры.

Влиятельные органы настаивали на полном отделении разведки от контрразведки на фронте, что было следствием полного [183] непонимания этой работы. На мой взгляд, единственная опасность заключалась лишь в том, что контрразведка временами отесняла разведку на задний план. Для противодействия этому я строго следил за тем, чтобы обе эти функции выполнялись в рамках единой разведывательной организации отдельными специальными органами.

Чрезвычайно велика была потребность в переводчиках, так как число станций телефонного подслушивания достигло 190; кроме этого, пропаганда на русском фронте, опрос военнопленных и работа в концентрационных лагерях требовали очень много людей, знавших языки.

В апреле 1918 г. на одном только итальянском фронте работало в качестве переводчиков 220 офицеров и 1 000 солдат. Были организованы специальные курсы военных переводчиков и сформированы группы переводчиков из соответствующих лиц. Само собою разумеется, они должны были быть политически вполне благонадежными, так как в противном случае они могли бы принести много вреда при выполнении деликатных поручений. Подбор кадра переводчиков оказался неудачным лишь в единичных случаях. Так, осенью 1917 г. два переводчика унтер-офицера, чехи, дезертировали к русским со станции подслушивания телефонных переговоров и сообщили русским о нашей организации службы подслушивания.

Все же я считал необходимым объединить подготовку и учет переводчиков в одном центре. В мае 1918 г., по моему распоряжению, в Вене была организована постоянная школа военных переводчиков.

Для облегчения агентурной разведки после окончания войны мною было намечено издание пособий для агентов по определенным районам сопредельных стран – своего рода путеводителей для агентуры. В качестве образца такого путеводителя могло служить руководство по русской Польше, весьма удачно составленное подполк. Зденко Гоффрихтер. Исход войны нарушил эти планы.

В середине 1917 г. низовые разведывательные органы были усилены назначением одного офицера в каждый батальон специально для руководства разведкой и наблюдением за противником. При смене частей несколько наблюдателей унтер-офицеров и солдат оставались на прежнем участке, чтобы ознакомить вновь прибывшие части с условиями наблюдения. В дополнение к этому в конце года были созданы пехотные наблюдательные группы: по четыре группы в каждой пехотной дивизии, три Группы в кавалерийской дивизии и одна группа в корпусе. Они были снабжены стереотрубами и телефонами и [184] должны были, независимо от артиллерийского наблюдения, следить за полем боя и немедленно сообщать высшему начальству о важных замеченных переменах. Им оказывали в этом помощь сигнальщики, малые радиостанции, станция телеграфа через землю, почтовые голуби, бегуны и собаки связи.

Таким образом, к последнему году войны разведывательная служба получила такой размах, о котором в начале войны нельзя было и мечтать. Общее представление дает организационная схема разведывательной службы к весне 1918 г (стр. 185).

К этому времени личный состав разведывательного бюро главной квартиры состоял из 50 сотрудников; разведуправление генштаба – из 100 сотрудников. Кроме того, в отделе паспортов было 20 ив школе военных переводчиков – 10 офицеров. Я давал решительный отпор стремлениям заменить на разведывательной службе мужчин женщинами. Лишь летом 1918 г. я сделал одно исключение для паспортного отдела, приняв на службу квалифицированную, серьезную, исключительно работоспособную сотрудницу.

В начале апреля 1917 г. император Карл выразил желание освободить всех интернированных уроженцев царства польского и австрийских подданных. Разумеется, это было исполнено, но все мы были убеждены, что от этих опасных лиц не следует ожидать благодарности. Над ними, следовательно, нужно было установить полицейский надзор, между тем как служба охраны и так была перетружена.

Стремление императора Карла к скорейшему заключению мира еще усилились после крайне пессимистического доклада министра иностранных дел 12 апреля 1917 г. Этот доклад стал известен также и Антанте, что во всяком случае не способствовало ослаблению воинственности ее политических руководителей.

Спустя месяц, мне пришлось докладывать графу Чернину об одном весьма неприятном деле. В октябре 1914 г., когда он был посланником в Бухаресте, у него, из автомобиля был похищен портфель, в котором, среди прочих документов, был дипломатический шифр. Портфель вместе с содержимым ему возвратили, и император Франц-Иосиф отказался принять его заявление об отставке. Однако после взятия Бухареста, на чердаке виллы премьер-министра Братиану было найдено большое количество фотоснимков с докладов австро-венгерского посольства и наш дипломатический шифр, т. е. как раз те документы, которые находились в портфеле графа Чернина. [185]

Таким образом, министерству иностранных дел, которое постоянно указывало военным органам на необходимость сохранения тайны шифров, пришлось предъявить три фотоснимка, показывавшие, что румыны, начиная с осени 1914 года, могли дешифровать переписку нашего посольства. После этого не приходилось удивляться и тому, что и докладная записка от 12 апреля стала известна за границей.

Созыв австрийского парламента 30 мая 1917 года отразился на разведывательном бюро в виде наплыва ходатайств о выдаче пропусков депутатам на въезд в зону действующей армии.

В связи с обострением национального вопроса значительно усложнились задачи контрразведывательной службы. Повсюду получили перевес радикальные группы национальных партий; стерлась грань между планами государственного устройства и намерениями разрушить монархию.

В конце апреля 1917 года конференция чехов и словаков в Киеве постановила создать независимое чехословацкое государство и выпустила призыв – вступать в чехословацкую армию. Из 332 делегатов конгресса свыше трети были военнопленные, отпущенные из лагерей. В условиях не прекращавшейся скрытной связи австрийских чехов с заграницей это не осталось без влияния на настроения первых. Конспиративная переписка направлялась по новым путям, о которых мы лишь догадывались, но не могли их обнаружить.

Поляки тоже не отставали. Они требовали объединения всей Польши, т.е. и германской части и Галиции, но против этого возражали русины, требовавшие автономии восточной Галиции и Буковины. Словенцы выступали за объединение всех южных славян в рамках монархии.

Как тяжело было защищать государство в этих условиях от разрушительных элементов! Депутаты парламента стремились при всяком удобном случае вмешиваться в деятельность контрразведки. Даже более строгое отношение к «политически неблагонадежным» военнослужащим послужило предметом запроса в парламенте. При этом указывали на якобы существующие особые отличительные знаки для этих лиц. Быть может, они смешивали их с бывшими шпионами, которые действительно должны были носить в некоторых концентрационных лагерях на рукавах яркие повязки. [186]

Все стрелы прежде всего были направлены против управления военной охраны – этой опоры контрразведки. Хотя работа этого органа была очень успешной, он вызывал ненависть к себе со стороны тех организаций, которые из-за него лишились ожидавшихся прибылей или получили от него по рукам за вредную болтливость. В начале августа 1917 г, травля в парламенте привела к увольнению маршала фон Шлейер, а 9 сентября управление было расформировано и вместо него создана «междуведомственная комиссия при военном

министерстве» во главе с ген. Шмидт фон Георгенэг и нач. отдела Свобода. К счастью, перемена вывески не отразилась на сущности дела.

Чрезмерная нагрузка контрразведывательной службы еще более возросла после амнистии, объявленной 2 июля 1917 г. Еще 13 мая, вместе с прокурором Премингером, я имел у императора 1-часовой доклад о деле Клофача. Император выразил желание, чтобы обвинительный акт был предъявлен еще до открытия парламента, дабы использовать его до вступления в силу парламентской неприкосновенности. Пришел июнь, но требование о выдаче Клофача предъявлено не было. В конце месяца начальник генштаба поручил мне обсудить с главным военным прокурором вопрос об амнистии для политических преступников.

С точки зрения интересов моего учреждения я возражал против помилования зачинщиков, уличенных в государственной измене. Когда мне сообщили, что вопрос уже решен, я мог лишь осудить тех советчиков, которые использовали во вред благие намерения императора. Я указал, что считаю целесообразным объявление амнистии лишь по окончании войны в качестве поощрения для тех лиц, которые вели себя затем безупречно.

Амнистия была встречена с недоумением в армии и среди лояльных элементов; расчеты на благодарность освобожденных не оправдались. В неприятельских странах амнистию расценивали как признак слабости, как вынужденный акт под воздействием чехов. [187]

Не успели амнистированные выйти из-под ареста, как на них напала страсть к путешествиям. К сожалению, командование не смогло всегда успешно бороться со въездом во фронтовую зону разных Кончис, Мальфатта и т. п. Крамарж при въезде в Прагу был торжественно встречен, как коронованный чешский король. 12 июля наместник был вынужден признать, что настроение руководящих политических кругов чешского народа является, с австрийской точки зрения, революционным. У них лишь не хватало сил претворить идею в действие. О политических властях сообщалось, что они дезориентированы и не разбираются в том, что разрешено и что нет.

В связи с возвращением в Рагузу нотариуса маркиза де Бона, заместителя городского головы д-ра Пульезе и ряда других подозрительных лиц, итальянское движение разрослось еще сильнее, чем было до войны.

Епископ г. Триеста Эндричи, возвратившийся по амнистии, возобновил свою прежнюю деятельность, ввиду чего главное командование вынуждено было в июне 1918 г. предложить министерству вероисповеданий и народного просвещения прекратить антигосударственную деятельность епископа. Власти г. Триеста, не понимая обстановки, поспешили принять амнистированных на службу в отдел восстановительных работ. Влияние амнистированных в Триесте вскоре выявилось в том, что пленных итальянцев стали встречать приветственными, речами. [188]

8 августа 1917 г. Клофач оплатил за свою амнистию тем, что руководимые им социалисты-националисты организовали в Праге забастовку 20 000 рабочих в целях прекращения вывоза из Богемии угля и продовольствия. Вскоре за этим пришлось объявить Пильзен на военном положении, дабы прекратить эксцессы, вызванные провокационным демонстрационным в кафе «Вальдек» изделий из белой муки.

Вследствие пропаганды, развившейся к концу 1917 г., благодаря деятельности парламента и амнистированных агитаторов, даже простая крестьянка оказалась твердо убежденной в том, что объявление независимости Богемии сразу прекратит нужду в продовольствии, топливе и одежде.

Делались попытки повлиять и на армию. Естественно, против этого велась борьба, поскольку позволяли силы. Так, например, в августе 1917 г. депутат Бехинэ призывал солдат на фронте присоединиться к государственной программе чехов от 30 мая и сообщать ему о всех случаях плохого обращения.

В переписке чешских военнопленных появился такой тон, что центральное справочное бюро сочло нужным отметить отсутствие боязни перед цензурой и судебным наказанием.

Возвращение из лагерей православных священников и русофилов, вроде Маркова, усилило волнения среди русин, и без того недовольных польскими планами. Вновь возобновилась борьба между православной и католической церковью.

Поляки были близки к всеобщему восстанию. В начале 1917 г. немцы были вынуждены даже арестовать Пилсудского, его начальника штаба Соснковского и ряд других членов польской военной организации. Легионеры отказывались приносить присягу при реорганизации во вспомогательный корпус, и были случаи мятежа. В это время совещание военнослужащих поляков в Петербурге постановило организовать из польских военнопленных армию в 700 000 чел. для освобождения Польши и завоевания Галиции и Познани. [189]

Цензура, бывшая важным средством для выявления умонастроений и нитей антигосударственного движения, подверглась в 1917 г. значительному сокращению, в целях освобождения работников для нужд фронта. Много цензурных отделений на оккупированной территории было расформировано или слито. Штат цензоров был сокращен до 400 офицеров и чиновников и до 2 600 солдат. О масштабе работы говорили следующие средние цифры ежемесячно проходившей корреспонденции: через цензурное отделение в Вене – около 8 миллиона, через Будапешт – около 1 и через Фельдкирх – от 1 до 2 миллионов писем. С начала войны до конца 1917 г. телеграфная цензурная комиссия в Вене просмотрела 108 миллионов телеграмм, из которых 43 000 были задержаны и 1 375 переданы полицейскому управлению для расследования.

Несмотря на острый недостаток в людях, пришлось создавать новые цензурные отделения в промышленных районах: в Резицабанье, Анине и Оравицабанье, где были конфискованы социал-демократические прокламации; затем в Остраве, где забастовка в июле 1917 г. была ликвидирована лишь путем объявления военного положения. Временная цензурная комиссия, выезжавшая, из Вены в Оставу, установила, что движение заслуживало особого внимания.

Контрразведку нередко тревожили сообщениями о диверсионных актах, которые действительно в широком размере практиковались Францией и Англией в Германии. Однако при всем внимании мы не могли обнаружить ни одного факта крупной диверсии. Все же единичные случаи были. Так, например, были задержаны два неприятельских агента с чемоданом, в котором под видом электрических фонариков фактически находились адские машины. У итальянских пленных были найдены пропитанные парафином рулоны бумаги; на их имя приходило также вино, оказавшееся керосином. Взрывы 25 мая на снаряжательном заводе в Беловец около Пильзена, 17 июня на заводе «Ам Миттель», пожар 25 мая на пороховом заводе Зауберсдорф около Нейнкирхена и взрыв 10 июля 1917 г. в Праге – были, как показало расследование, обычными несчастными случаями на производстве. Аналогичные случаи имели место и в неприятельских странах.

Необходима была максимальная бдительность, а число объектов, требовавших наблюдения и охраны, было так велико, что основная задача контрразведки как бы отошла на задний план. Быть может, это и было причиной резкого уменьшения числа пойманных шпионов, или, может быть, шпионы, наученные опытом, стали хитрее, или же, наконец, возможно, что противники, [190] получая достаточную информацию от изменников за рубежом, имевших скрытые связи с тылом Австро-Венгрии, стали в меньших размерах пользоваться агентурой.

Было разоблачено итальянское благотворительное общество «Opera Bonomelli», оказавшееся шпионской организацией, руководившей из Милана. Ее вербовочный пункт находился в Лугано. Переписка этой организации задерживалась цензурой. Возможность обхода цензуры была устранена путем тесного взаимодействия цензурного бюро в Фельдкирхе с германским цензурным отделом в Сент-Людвиге. С контрабандной пересылкой информации через путешественников мы боролись посредством усиления контроля за пассажирами. Насколько недостаточен был прежний контроль, показывает тот факт, что пленным неприятельским офицерам удавалось пробираться с подложными или

купленными документами до передовых позиций нашего фронта на Изонцо. Была захвачена целая шайка профессиональных подделывателей документов во главе с польским легионером Виктором Бромович.

В целях пропаганды и ради более высокого заработка ряд венских опереточных и эстрадных ансамблей выезжал в нейтральные страны, причем актрисы обычно получали вознаграждение, едва хватавшее на дневное пропитание. Этим пользовалась разведывательная служба Антанты, и ее щедрые кавалеры узнавали от актрис, обычно много ездивших по Австрии, больше сведений, чем это нам было желательно.

В оккупированной Румынии: мы встретились с «воздушным шпионажем», организованным французскими офицерами. Неприятельские самолеты высаживали в тылу нашего фронта агентов с почтовыми голубями. Эти агенты встречали активную поддержку среди населения, в особенности у агентов румынской полиции. Удалось раскрыть и обезвредить широкую сеть этой организации. Благодаря двум крупным аферам, скрытая подпольная деятельность шпионажа стала известна широкой общественности.

Глава 33. Нападение на разведывательный пункт австрийского флота в Цюрихе

В Цюрихе возник конфликт между австро-венгерским генеральным консулом фон Мауриг и вице-консулом кап. Майер. Возможно, что причиной конфликта послужили неблагоприятные поступки [191] двух агентов, состоявших в распоряжении консула.

Последние, пользуясь полным доверием консула, вели борьбу с группой Майера и дискредитировали ее даже во мнении военного атташе в Берне полк. фон Эйнем. В связи с этим не было придано веры сведениям группы Майера о минировании вершины Коль ди Лана. Между тем эта вершина действительно взлетела на воздух в тот самый день, который был указан итальянским перебежчиком.

Трения с консулом побудили кап. Майера перенести разведывательный пункт флота из генерального консульства в частный дом. В ночь с 24 на 25 февраля 1917 г., когда в помещении, по небрежности, не было ни одного сотрудника, на разведывательный пункт было совершено нападение. Утром несгораемый шкаф был найден раскрытым при помощи кислородного прибора. Все содержимое его было похищено.

Этот случай получил широкую огласку. Скомпрометированный моряк и его сотрудники должны были покинуть Швейцарию.

Самым неприятным для нас в этом было то, что в числе других документов по агентурной работе был похищен и шифр. По общему мнению, виновниками нападения были один из агентов кап. Майера – итальянский адвокат Ливио Бини и сотрудник итальянской разведывательной службы ст. лейт. Вентинулья. В течение 1918 г. по этому делу стало кое-что известно, и в результате наше разведывательное бюро установило примерно следующую картину: инициатором нападения действительно был Бини, предложивший свой план итальянскому консулу в Цюрихе Карло Менас. Последний уведомил Рим, откуда был прислан инженер для выяснения технических возможностей. Инженер под каким-то предлогом посетил канцелярию и пришел к убеждению, что для взлома необходимо не менее двух опытных взломщиков. После этого итальянское правительство выпустило из тюрьмы миланца де Люка и флорентинца Палаццо и отправило их в Цюрих. На обратном пути их уже ждали в Комо и отобрали все документы, оставив им и Бини в качестве вознаграждения лишь украденные деньги. Они, однако, остались этим недовольны, и дележка между взломщиками происходила весьма бурно. Целый десяток лет они теребили итальянские суды своими претензиями. [192]

Глава 34. Нейтральные дипломаты на службе неприятельской разведки

Румынский военный атташе в Вене, кап. Траян Старчеа, наравне с другими военными атташе находился с начала войны под негласным наблюдением полиции. При этом была обнаружена подозрительная тесная связь его со студентом высшего технического училища Стефаном Йорга. Последний, благодаря содействию со стороны кап. Старчеа, стал секретарем румынской церкви в Вене. Создалось впечатление, что здесь не все в порядке. За ними обоими тщательно следили, но не могли ничего обнаружить. Все же военные власти обратили внимание на то, что в конце 1916 г., как раз к началу войны с Румынией, Йорга должен был призываться в армию. Благодаря проявленной неосторожности, в поведении новобранца были замечены некоторые странности, он был арестован и, наконец, передан гарнизонному суду в Вене.

Тел временем в начале 1917 г. в венский контрразведывательный пункт поступило секретное сообщение о том, что в цензурном отделе центрального справочного бюро Красного креста действует шпионская организация, пересылающая свои материалы за границу через нейтральные дипломатические представительства. В качестве руководителя был назван граф Фирмиан, его помощниками – Валерио Бенуцци и Марио Ренси. Все трое были арестованы. Улики быстро накопились: подозрительные отношения с дипломатами, в частности с аргентинским военным атташе Карлосом Виллегас, а также с подозрительными женщинами и известными ирредентистами; получение денег из Голландии; навязчивое сближение с офицерами, возвращавшимися с фронта; наконец, передача иностранным представителям информации о событиях на итальянском фронте. Кроме того, арестованный по подозрению в шпионаже лейтенант запаса Карл Лернер признался, что действительно имел беседу о шпионаже с графом Фирмиан и убежден в существовании шпионской организации в Вене. Тем не менее, Фирмиан и Бенуцци так ловко защищали себя, что были освобождены в конце сентября 1917 г. по распоряжению военных властей Вены. Следствие же против Ренси и других второстепенных обвиняемых продолжалось.

Однако в начале октября 1917 г. Йорга чистосердечно признался, что под воздействием румынских националистов, использовавших, видимо, его противоестественные отношения со Старчеа, он был принужден вести с мая 1915 г. шпионскую [193] работу по заданиям румынского военного атташе, о чем знал и посланник князь Маврокордато. Во время выполнения своих разнообразных поручений Йорга имел встречи более чем с 50 шпионами, в большинстве случаев – румынскими националистами. Среди них был и румынский коммерческий атташе Василь Кандиани, а также недавно освобожденные граф Фирмиан и Ботуади. Последний особенно импонировал Йорге своей многосторонней деятельностью. Он поддерживал связь не только со Старчеа и итальянским морским министром, но и с испанским посольством. Бенуцци собирал информацию через свою любовницу, которую он «предоставлял в распоряжение» наших офицеров. Кроме того, он выдавал румынам и итальянцам внутренние тайны цензурного отдела и, в частности, сообщал об использовании переписки военнопленных в целях разведывательной службы. Он взял также на себя заботу вновь определить графа Фирмиан, после его освобождения, в цензурный отдел для дальнейшего использования этого ценного источника информации.

Бенуцци использовал в своих целях и русско-французскую шпионскую организацию в Швейцарии. Мы напали на ее след в начале 1917 г. и выяснили, что она пользуется услугами испанцев. Эти нейтральные подданные сделали из шпионажа выгодное дело. Часть их обслуживала центральные державы, другая, большая часть, – страны Актанты. Военные атташе в Мадриде и Берне, совместно с генеральным консульством в Цюрихе, разведпунктом в Фельдкирхе и разведывательным управлением генштаба, раскрыли, при участии германского разведывательного отдела, нити этого шпионажа и выяснили, что шпионы разъезжали по Австро-Венгрии и Германии под видом торговцев фруктами.

Как румыны понимали нейтралитет, показывает хотя бы тот факт, что доклады Старчеа (с его впечатлениями об австро-венгерском фронте, куда он был допущен) немедленно передавались русским через Братиану.

После вступления Румынии в войну Старчеа передал свою агентуру секретарю

чилийского посольства Филипе Анинат. Последний переправлял материалы в неприятельские страны через Швейцарию при содействии аргентинского военного атташе Виллегас.

В связи с этими разоблачениями Фирмиан, Бенуцци и Бригола были арестованы. Следствие, приведшее к аресту еще двадцати лиц, естественно, затянулось. Бенуцци сумел расположить охрану в свою пользу и даже, находясь под арестом, продолжал шпионскую работу и, между прочим, вошел в связь с испанцами Педро Рикуюэльм Галера и Хоакином Фойкс. [194]

Когда это было обнаружено, были произведены дополнительные аресты. Дело еще не начало слушаться, когда наступил государственный переворот, и все обвиняемые были освобождены по амнистии.

Естественно, что, получив указанные сведения, мы стали особенно внимательно следить за аргентинским военным атташе и чилийскими дипломатами и нашли способы контролировать корреспонденцию этих дипломатов, столь грубо нарушавших правила нейтралитета. Арест студентки Терезы Колбен в октябре 1918 г. показал, что они продолжали свою деятельность: в ее меховом боа было обнаружено зашитое разведывательное задание и ключ к шифру. Она призналась, что ее завербовал на агентурную работу румынский военный атташе в Берне Василь Кандиани и предложил ей передавать собранные данные секретарю чилийского посольства в Вене – Анинат. Последний отправлял эти донесения со своими курьерами в Швейцарию.

Надо думать, что Анинат и другие добровольцы-посредники не из одной любезности исполняли эту роль.

Глава 35. Наша мирная пропаганда и успешные бои против России летом 1917 г.

Обширная подготовка итальянцев к новому, десятому по счету, наступлению на Изонцо и намеченный день атаки были задолго известны нашей разведывательной службе. В середине апреля 1917 г. наша агентура сообщила о предстоящей поставке Англией 300–400 полевых орудий и 21 батареи тяжелых орудий; между тем Кадорна пишет, что это было лишь предложение, которое он вынужден был отвергнуть, так как в конце апреля эту артиллерию нужно было снова вернуть на французский фронт. Поэтому итальянский главнокомандующий удовлетворился 152 английскими и 35 французскими орудиями, большей частью крупных калибров.

В этот период господствовало нервное настроение, так как итальянцы получили сообщения о намеченном нами большом наступлении с участием германских войск. Кадорна счел нужным заявить, что «весь фронт отличается высокой боеспособностью» и что «наше наступление выльется во второй Верден». По нашим же сведениям, моральное состояние итальянских войск оставляло желать лучшего. Случаи дезертирства [195] учащались, в особенности на юге Италии, где из дезертиров составлялись целые банды. Десятое «сражение на Изонцо, начавшееся 12 мая и закончившееся 5 июня, дало итальянцам, при боевых потерях в 200000 чел., хребет «Кук» и небольшую полосу на южном фланге. Это наступление ознаменовалось восстаниями целых итальянских полков, отказывавшихся идти в бой. Три полка были захвачены нами в шлее почти без боя, а во время нашего контрнаступления было взято в плен еще 27 000 чел. Эти события произвели удручающее впечатление на итальянское командование, которое приписывало их разлагающему влиянию нашей пропаганды.

Тогда Кадорна предпринял новую попытку на тирольском фронте. Наша агентура сообщила об этом намерении еще в марте, хотя штабы соответствующих итальянских армий получили приказ лишь 27 апреля. Сражение, длившееся с 9 по 25 июня, ожидавшегося успеха не дало. Вспомогательное наступление в долине р. Эч и против Пазубио не осуществилось вследствие упадка боевого духа войск. Таким образом, итальянцы снова

выдохлись к тому моменту, когда русские, после поездки Керенского на фронт в июне, решили вновь перейти в наступление.

В выделенных для наступления 11-й, 7-й и 8-й армиях дисциплина была восстановлена. «Парламентеры» к нам больше почти не приходили. Но если иссяк этот источник информации, то полностью торжествовали радиоразведка и подслушивание телефонных разговоров.

Брусиллов, как мы скоро выяснили, наметил организовать прорыв у Бржезан, Зборова и Станиславов. Уже 25 июня мы знали, что наступление под Ержезашли и Зборовом начнется 29 июня. Из собранных здесь 29 дивизий 11-й и 7-й армий 14 давно уже находились в резерве и, по нашим сведениям, были готовы идти в наступление.

Эти данные побудили наше командование разработать план большого контрнаступления. Главный удар должны были наносить германские войска с запада по северному флангу наступающей русской группировки, как только последняя ввяжется в бой.

29 июня, когда подтвердились сведения о русском наступлении, был отдан приказ о контрнаступлении.

Уже 4 июля, в разгар этих боев, мы смогли сообщить командованию, что через два дня начнется новое большое наступление 8-й армии под Станиславовым. Первоначальные успехи этого наступления и данные разведки о движении 7-й армии через Днестр для использования этих успехов потребовали [196] передачи сильно теснимой армией Кэвесса некоторой части войск, предназначенных для контрнаступления. В связи с этим вся задуманная операция была поставлена под знак вопроса. Однако наша точная информация в период с 11 по 15 июля давала шансы на полный успех даже при ослаблении ударной группы.

Впрочем, и русские в это время неплохо обслуживались агентурной разведкой. 5 июля прибыли первые эшелоны германских войск, переброшенных с западного фронта, а уже 9 июля из Петербурга была отправлена незашифрованная радиограмма:

«Для создания ударной группы против нашего наступления германцы перебросили с западного фронта на восточный 12 дивизий».

Хотя у русских имелось достаточно времени для парирования удара, начавшегося только 19 июля, все же они не выдержали натиска более сильного противника и понесли решительное поражение. С трудом восстановленная дисциплина не смогла выдержать морального воздействия большого наступления, поддержанного мощной артиллерией. На пассивных участках наша пропаганда продолжалась. {32}

Правда, кое-где она встречала отпор. Так, например, 1 июня был захвачен наш переводчик прапорщик Могетич, 6 июля было совершено нападение на нашу разведгруппу, во время которого погиб лейт. Гербст. Все же, в большинстве случаев, удавалось вступать в переговоры с русскими делегатами. Последние, между прочим, сообщали, что Керенский безуспешно пытался уговорить 9-ю армию принять участие в наступлении. Мы узнали также о создании выборных «летучих боевых комитетов», которые вмешивались в работу штабов и подчас оттеняли приказания офицеров. {33}

Благодаря радиоразведке, воздушной разведке и показаниям пленных, можно было систематически проследить путь отступления [197] русской 11-й армии, за которой вскоре порадовали 7-я и 8-я армии. Явно заметна была деморализация целых войсковых соединений. 27 июля радиоразведка побила рекорд: было дешифровано 333 радиограммы, большей частью оперативного характера. На следующий день русские ввели новый, 26-й шифр, но через сутки он был раскрыт, так как русские еще раньше выдали метод транспонирования.

Тем временем, 23 июля, противник начал для облегчения отхода наступление на север, под Двинском, и на юге, с участием восстановленной 1-й румынской армии. Наша разведывательная служба своевременно предупредила командование об этом наступлении. Успехи, достигнутые румынами, благодаря наличию большого числа французских офицеров, в общем масштабе значения не имели. Все же контрнаступление маршала Макензена,

начатое 6 августа, не смогло оттеснить южный фланг неприятельского фронта.

Таким образом, эта кампания закончилась освобождением всей восточной Галиции и Буковины, за исключением юго-восточной части последней. Ее результаты привели к убеждению, что с этого момента русских можно больше не считать способными к наступлению. Благодаря радиоразведке, была установлена в тот же день начавшаяся перегруппировка на юго-западном фронте, и в течение одного дня была выяснена их окончательная новая группировка.

Глава 36. Оценка разведывательной службой обстановки, создавшейся к моменту мирного выступления папы

В связи с развалом русской армии, опубликованное 1 августа 1917 г. предложение папы римского о мирном посредничестве приобрело крупное значение. Стремление кончить войну распространилось по всему миру. Открытие парламента, амнистия и успехи на фронте не произвели впечатления на широкие массы населения Австро-Венгрии, вследствие продолжавшегося ухудшения бытовых условий и тяжести кровавых потерь. Обращение же папы встретило живой отклик. По сведениям главного командования, продовольственное положение было неудовлетворительным, особенно в Далмации и Истрии, где уже были зарегистрированы случаи голодной смерти. Даже в благословенной Венгрии, после израсходования последнего [198] урожая, стал ощущаться острый недостаток в продуктах. Впрочем, хорошие результаты обмолота нового урожая в середине июля 1917 г. подняли настроение.

Итальянцы, чрезмерные притязания которых на территорию Австрии были серьезной помехой миру, находились, по сведениям нашей агентуры, в весьма плачевном положении. После неудачного десятого сражения на Изонцо усталость от войны значительно усилилась. В Турине, Милане и других городах происходили беспорядки. Отправка солдат на фронт вызвала «бабьи бунты». Топливный кризис обострился; импорт хлеба сильно упал. Росло возмущение против спекулянтов. Население было недоволено Англией. В сущности, за продолжение войны были лишь крупные судовладельческие компании, которых война обогащала.

О состоявшейся в конце июля конференции Антанты в Сен Жан де Морьэнн нас информировали шесть надежных источников. Ген. Кадорна пришлось выслушать резкие упреки со стороны союзников за его чрезмерно большое и всегда безрезультатное расходование огнеприпасов. Они советовали ему вести лучше летнее наступление против Тироля, чем на Изонцо. Кадорна же считал более вероятным успех на Изонцо. Действительно, в июле мы установили усиление артиллерии на фронте Изонцо и переброску 11 итальянских бригад с тирольского фронта. Однако Кадорна все откладывал начало наступления. В начале августа мы узнали о намеченном подтягивании еще 5–6 бригад. Граница со Швейцарией была закрыта для товарного и пассажирского сообщения, что тоже служило признаком близкого наступления. Число перебежчиков увеличивалось, как и всегда перед крупными боями. 6 августа майор Баторфи сообщил нам из плена шифрованной телеграммой о предстоящем наступлении. 10 августа один из источников сообщил, что румынский король и Керенский обратились к французскому правительству с просьбой о переходе итальянцев в демонстративное наступление для облегчения положения на восточном фронте. Тем не менее, итальянцы активности не проявили. Объяснение этому лежало в отказе бригады Кунео выступить на фронт и в восстаниях в бригадах Удине и Ровиго.

На конференции Антанты в Сен Жан де Морьэнн итальянцы не соглашались поддержать англичан своими войсками против турок, но выдвинули максимальные притязания на будущую добычу в Малой Азии. Решение было отложено до Лондонской конференции, которая, однако, не состоялась. Месяцами продолжался торг между Италией и союзниками, за которым было весьма забавно следить с вышки агентурной разведки,

вспоминая [199] те высокие идеалы, которые выставлялись как цели войны.

Эти разногласия возбуждали надежду на то, что стремление к миру встретит отклик и у руководителей неприятельских государств.

Впрочем, в лагере центральных держав тоже не все было благополучно. Еще в мае 1917 г. мы узнали, что Турция вела в Швейцарии переговоры о сепаратном мире. Она соглашалась на уступки в Малой Азии в обмен на финансовую помощь и аннулирование капитуляций. Международные еврейские финансисты в Лондоне имели связь с министром финансов Джавидбей и хлопотали о сепаратном мире, против чего не возражало и английское правительство. Об этом нам сообщили 22 мая 1917 г. из Константинополя. Против сепаратного мира с Турцией боролись сионисты, считавшие его угрозой для их надежд на создание самостоятельной Палестины.

После неудачи майского наступления ген. Саррайля военная обстановка на Балканах была для нас благоприятной. Лишь с начала сентября 1917 г. противник предпринял новое наступление на Западном фронте, но в нем участвовала только французская «временная» дивизия. Эта операция интересна тем, что она протекала в весьма трудных условиях передвижения. Еще 30 августа, за 8 дней до атаки, наша агентура сообщила о прибытии из Флорины в район Корча четырех французских батальонов и предупредила о вероятности наступления противника на 20-ю горную бригаду севернее Деволи. Все же наши подкрепления прибыли слишком поздно, и бригаде пришлось отойти в район Лин, после чего начались бои за возврат утерянных позиций, продолжавшиеся до октября 1917 г.

Уже с середины мая 1917 г. англичане, желая использовать свои войска на других театрах, настаивали на расформировании салоницкой армии. Нам это было известно из дешифрованных радиogramм. Из того же источника мы узнали и о противодействии со стороны сербов, итальянцев и Венизелоса. В начале июня мы узнали тем же путем о намерении Антанты принудить греческого короля Константина отказаться от престола. Первоначально этот план не имел успеха, но затем его осуществление стало неизбежным, вследствие насильственных мер французского адмирала Доннарта. Англия дала свое согласие, довольствуясь снятием двух дивизий для переброски в Египет и Синай. Это ослабление должны были компенсировать греки после прихода к власти Венизелоса.

Активным элементом салоницкой армии являлись сербы, недовольные пассивностью ген. Саррайля. Слишком поздно мы узнали, что организация сербских офицеров «Черная рука» [200] находилась в сильнейшей оппозиции к официальным правящим кругам. Если бы мы узнали об этом раньше, наша пропаганда могла бы это использовать. Недовольные элементы, стоявшие во главе указанной организации, были удалены при помощи инсценированного в Салониках судебного процесса по обвинению в заговоре против престолонаследника Александра и Пашича. В июне 1917 г., при минимально возможной огласке, обвиняемые были признаны виновными и расстреляны.

В середине августа 1917 г. был сформирован батальон хорватских ландштурмистов и отправлен на македонский фронт в целях пропаганды среди сербов. Хорваты вступали в переговоры с сербскими постами, принимали от сербов письма на родину и распространяли газету «Белградские Известия», выходившую в Белграде на сербском языке. В результате этой пропаганды до сентября 1918 г. к нам перешло 9 офицеров и 445 солдат, что, разумеется, было крайне неприятно для салоницкой армии. Французы приняли решительные меры противодействия: за хранение «Белградских Известий» грозила смертная казнь. Все это мало помогало. Естественно, перебежчики были отличным источником информации; от них мы узнавали также о наших солдатах, нарушивших присягу и перебежавших в сербскую добровольческую дивизию.

Летом 1917 г., когда среди союзников в Салониках происходили постоянные переброски, мы еще могли рассчитывать на верность Болгарии. Однако еще в марте 1917 г. разведывательное бюро плавной квартиры пришло к убеждению, что эта верность базируется исключительно на тех выгодах, которые могут быть обеспечены центральными державами. Стоило бы Антанте предложить больше, и Болгария охотно пошла бы ей

навстречу. У премьер-министра Радославова уже были известные трения с главной квартирой, которая была близка к демократической оппозиции. По сообщению полк. Танчос, сменившего нашего военного атташе в Софии полк. Новак, полевое жандармское отделение, ведавшее контрразведкой, в связи с этими трениями было переведено из Софии в Кюстендиль, а в Софии было создано военно-полицейское управление при военной министерстве, которому была передана контрразведывательная работа в тылу. Слабо организованной болгарской разведывательной службой при главном командовании руководил, в тесном контакте с германской разведкой, майор Ватев.

Русская революция не осталась без влияния на Болгарию. Усилилась активность прогрессивно-либеральной партии Данева. В армии стала замечаться социалистическая агитация. В августе произошло крупное восстание, подавленное лишь путем [201] многочисленных казней солдат. Среди солдат вела разлагающую работу русофильская аграрная партия. Усиливалось недовольство и среди офицеров. В довершение всего со Стокгольмской конференции вернулся социалист Кирков и стал развивать пацифистскую пропаганду.

Болгары, настроенные против Германии вследствие спора из-за Добруджи и недоверчиво относившиеся к Турции, не скрывали своих целей войны. Не составляло секрета, что они стремились к объединению всех областей Балканского полуострова, в какой-либо мере заселенных болгарами.

Если еще учесть, что приходилось опасаться влияния русской революции среди собственного населения Австро-Венгрии, и что неограниченная подводная война не дала ожидаемых результатов, то стало ясно, что мирное выступление папы Бенедикта XIV необходимо было рассматривать как наиболее желательный выход из положения. К сожалению, это мнение не разделялось Германией, внутреннее положение которой, впрочем, было значительно прочнее. В этот момент нам представилась заманчивая перспектива непосредственных переговоров с французским генштабом. 7 августа 1917 г. в Швейцарии произошла встреча майора французского генштаба графа Арман с его родственником графом Ревертера. Эта идея возникла в период наибольшего обострения морального состояния французской армии. Но этот кризис был скоро ослаблен принятыми энергичными мерами: В связи с этим завязавшиеся переговоры остались безрезультатными, так же, как и благая попытка принца Сикста.

Мало пользы для дела мира принесла шумиха, затеянная непрошенными миротворцами вроде Фрида, Фейльбогена, Мейнля, Ферстера и Уде, которые, находясь в Швейцарии, видели все в черном цвете. Они вредили нам у союзников – германцев, которые говорили даже о мощной революционной пропаганде, руководившейся у нас принцем Александром Гогенлоэ, Ферстером и Фридом. Еще больше они вредили за границей, куда, очевидно, писали в том же духе, как и к себе на родину. Так, в одном из писем, перехваченном нашей бдительной цензурой, Фрид писал в Вену некоей г-же Франкль:

«Если нам не удастся решительно порвать с Германией, то мы никогда не получим того мира, который нам нужен. В этот направлении я и развиваю всю свою деятельность».

В связи с начавшимся 18 августа одиннадцатым наступлением итальянцев на Изонцо настроение в нашей стране упало. За день до этого мы были предупреждены перебежавшими к нам лейтенантом и 18 солдатами 206-го итальянского [202] пех. полка. Во время этой операции мы испытали ряд неудач. Впервые она дала Италии значительный выигрыш территории, вследствие чего создалась угроза Триесту.

Глава 37. Измена у Карцано

Еще в период одиннадцатого сражения на Изонцо итальянский генштаб разработал

план, суливший внести полное расстройство в систему нашей обороны в южном Тироле. Наиболее опасным для оборонявшихся подступом, выведшим прямо на Триент, являлась долина верхней Brentы, так называемая Валь Зугана. Ее преграждала наша оборонительная позиция, проходившая от Монте-Чиварон к устью р. Мазо и затем по западному берегу последней. На восточном берегу были укреплены лишь холмы выше Карцано, образовавшие так называемое предмостное укрепление Ментрате. Южнее предмостного укрепления, на участке от Мазо до Brentы с мостом прямо на Карцано, был расположен 5-й батальон 1-го территориального пех. полка, в составе которого было много чехов. Батальоном временно командовал заслуженный разведчик майор Лаком. Наиболее храбрым офицером батальона был ст. лейтенант резерва Людвиг Пивко, герой боев за пик де Лана, словенец по национальности и женатый на чешке, до призыва – профессор педагогического института. Награжденный всеми боевыми наградами, он пользовался неограниченным доверием всех начальников и до возвращения из отпуска в Богемии в мае 1917 г. считался лихим воякой.

С того момента он стал искать случая вступить в связь с противником, и, в конце концов, ему удалось завязать сношения с неприятельской частью, стоявшей против участка батальона. Со времени июньского сражения на этом участке было относительное затишье. Мелкие поиски, предпринимавшиеся против итальянцев, не имели успеха, но никто не предполагал, что причиной неудач являлась измена.

Когда Пивко заручился доверием противника, он наметил план, ставивший своей задачей открыть итальянцам путь в расположение батальона.

Пивко готовил свое черное дело с большой осторожностью. Постепенно он вовлек чехов, служивших в батальоне, в этот заговор. Особым его доверием пользовался один фельдфебель, которого он однажды направил в дозор, заранее договорившись [203] через перебежчиков с противником. Как было уставлено, дозор подвергся нападению, причем фельдфебель будто бы был убит взрывом. На самом же деле он прямехонько направился в Вигенцу, где намеченный план был рассмотрен и в целом одобрен итальянским командованием. На следующий день фельдфебель терну лея обратно в батальон и стал рассказывать небылицы о своем чудесном спасении.

После этого план подвергся детальной разработке. При содействии Пивко капитан итальянского генштаба Финци произвел в австрийской форме детальную рекогносцировку позиции. Для выяснения возникших вопросов и сомнений понадобились повторные переговоры с Пивко или с его людьми. Они без труда проходили к итальянцам ночью под видом проверки сторожевого охранения. Условным вызовом служил взрыв двух гранат в определенном районе в часы обычного затишья.

Однако еще не все было выяснено, ночь для нападения не была еще установлена, когда случилось непредвиденное событие. Один из участников заговора пытался завербовать повара-чеха, присланного в батальон. Он сообщил товарищу о визите фельдфебеля в Вигенцу, и, чтобы рассеять его сомнения, заметил, что ст. лейт. Пивко в курсе всего дела. Повар, не решаясь что-либо разглашать в батальоне, насыщенном заговорщиками, бежал ночью в штаб дивизии для разоблачения. Будучи сильно возбужден, он сперва произвел в штабе впечатление душевнобольного. Когда же он начал настаивать и назвал имя Пивко, хорошо известного выдающегося офицера, его сочли за клеветника, посадили под арест и дело передали прокурору. Последний был так убежден в лживости обвинения, что решил уличить клеветника очной ставкой с обвиненными им лицами. Единственную улику – временное отсутствие фельдфебеля – Пивко сумел правдоподобно объяснить. Доносчик снова был взят под арест, заподозренные были отпущены, а Пивко, в виде удовлетворения, было даже поручено возглавить делегацию три встречи императора. По возвращении он с воодушевлением рассказывал о любезном отношении государя.

В связи с отмеченным инцидентом и ожидая скорого большого наступления с участием германских войск, итальянское главное командование решило ускорить проведение хитро задуманного плана. Для его осуществления была назначена ночь с 17 на 18 сентября 1917 г. Пивко и его сообщники взяли на себя задачу подмешать к ужину сторожевого Охранения и,

по возможности, всех бойцов батальона полученное от итальянцев снотворное средство. Фельдфебель пулеметного отделения [204] проследил за тем, чтобы под рукой оставалось поменьше патронов. Телефонная связь была в руках заговорщиков, и им было поручено прервать ее при первой же попытке известить соседей или высшее командование. Когда настала безоблачная, но темная ночь, ст. лейт. Пивко, рота которого занимала участок у моста на Карцано, приказал постам лечь спать. Он уверил их, что ничего произойти не может, так как он сам проверит линию охранения и осмотрит лежащую впереди местность. Под тем же предлогом он распорядится выключить электрифицированные проволочные ограждения.

Таким образом, все было подготовлено для встречи итальянцев, пять батальонов которых должны были уничтожить 5-й батальон и стоявшие за ним батареи. Передовые подразделения итальянских батальонов имели на голове фуражки австрийского образца, дабы их приняли за своих. Пивко предполагал, что батальон полка «Дейчмейстер», составлявший гарнизон предмостного укрепления Ментрате, увидев противника, занявшего у него в тылу Карцано, спешно отойдет на северо-запад. Пивко по собственным впечатлениям судил о предмостовом укреплении, где он был весною, не зная, что с тех пор оно было расширено сильными опорными пунктами, вследствие чего старые укрепления можно было использовать для прикрытия тыла.

Согласно намеченному плану, передовые части противника под руководством Пивко захватили врасплох крепко спавшие посты боевого охранения. Спаслось лишь два человека. Патруль дейчмейстерского батальона, ничего не подозревая, попал в плен, но из трех человек одному удалось бежать. Благодаря этому батальон был поднят по тревоге, а один взвод и пулеметное отделение 5-го батальона были разбужены. Командир отделения отдал распоряжение своим подчиненным, но все они, будучи участниками заговора, отказались его выполнить, а один в ответ даже бросил ручную гранату, от взрыва которой был ранен этот офицер. Все эти случайности не дали противнику бесшумно овладеть всей позицией. Убежавший начальник охранения сумел по телефону предупредить соседний батальон и своего батальонного командира. Хотя связь сразу порвалась, но это как раз и указывало на большой масштаб нападения. Это подтверждал и огневой бой, разгоревшийся у Карцано и вызвавший тревогу в соседней бригаде на участке Чиварон. Хотя на Карцано стали пробиваться лишь мелкие части, но шуму они делали много и нападали на итальянцев со всех сторон, вследствие чего у итальянцев, двигавшихся по строго определенному плану, началось замешательство. Случайно [205] патруль дейчмейстерского батальона натолкнулся на взвод итальянских телефонистов. Взвод был полностью уничтожен. Стали вспыхивать осветительные ракеты, прожекторы осветили местность около моста; благодаря этому огонь дейчмейстерского батальона не допустил установки какой-либо связи у противника. В третьем часу в дело вмешалась артиллерия обеих сторон. Тем самым надежды итальянцев на незаметное овладение позицией рухнули. Обстреливаемые с тыла от Ментрате итальянцы стали думать, что их заманили в ловушку, и майор Раморино, командир передовой группы, приказал арестовать Пивко. Тем самым они лишили себя ценного помощника.

Путь итальянским резервам был прегражден предмостным укреплением Ментрате и включением тока в сеть электрифицированных ограждений. Лишенные поддержки передовые части итальянцев в 9 часов сложили оружие.

Вследствие ревниво оберегаемой командованием фронта тайны разведывательное бюро главной квартиры узнало об измене лишь в начале октября. Тотчас же я откомандировал двух офицеров для раскрытия всех нитей заговора, очевидно, ведших в тыл.

Расследование венского и пражского полицейских управлений привело к аресту жены Пивко и ее отца. Жена Пивко об измене ничего не знала, предполагая лишь, что ее муж, под влиянием революции, готовит восстание солдат на фронте.

Глава 38. Большое наступление против Италии

Еще в августе 1917 г., когда выявились успехи итальянцев в одиннадцатом сражении на Изонцо, австро-германское командование решило мощным ударом отбросить итальянцев за линию Тальяменто для ликвидации угрозы Триесту. С этой целью в сентябре намечено было прорвать северный фланг фронта на Изонцо в долине Флитчер и у Карфрейт. Германия согласилась дать 7 дивизий, из которых, вместе с одним австрийским корпусом, намечено было сформировать 14-ю германскую армию. Последняя, а также обе армии ген. Бороевича, были подчинены эрцгерцогу Евгению, между тем как тирольский и каринтский фронты были сведены в одну группу под командованием маршала Конрада. Путем переброски шести австрийских дивизий с восточного фронта и [206] одной дивизии из Тироля, состав ударной группы эрцгерцога Евгения был доведен до 36 дивизий, которым противостояли 52 итальянские дивизии.

Вопрос о необходимых мероприятиях со стороны разведывательной службы обсуждался мною с майором Николаи 12 сентября в Бадене и в германской главной квартире в Крейцнахе. Для скрытности подготовки с 20 сентября были прекращены почтово-телеграфные сношения с границей в районе Зальцбург – Брук – Аграм. В целях введения итальянцев в заблуждение, один из германских корпусов был первоначально расположен в Тироле, причем германские части должны были почаще появляться на передовых линиях. В связи с этим ген. Кадорна усилил свои войска на этом участке еще семью пехотными бригадами. Кроме того, германские квартирьеры были отправлены в Триест.

Разумеется, разведывательной службой были приложены все усилия к выяснению осведомленности противника о наших намерениях и о принятых им контрмерах. Чрезвычайно кстати 20 сентября на высоте Зиф, на участке у Пустерталер, нами был захвачен среди других ценных документов шифр оптической сигнализации, а также код для телефонных переговоров.

Во время сражения величайшая ответственность лежала на радиоразведке. Нами была предоставлена командованию 14-й армии одна «Пенкала» с опытными работниками. «Пенкала» и радиогруппы данной армии и обеих армий на Изонцо были разбиты на два эшелона, дабы при переносе штаба командования во время преследования не было перерыва в работе.

Было неизбежно, что перебежчики известят итальянцев об опасности, угрожавшей их 2-й армии 22 октября. Однако итальянцы, уверенные в силе своих укреплений и резервов, не сомневались в успешном отражении любого наступления на этом участке. Кроме того, задержка в подвозе огнеприпасов и прочего военного имущества вынудила нас отложить наступление до 24 октября, вследствие чего у итальянского командования возникли сомнения в правильности утверждений перебежчиков. Наша разведывательная служба могла установить лишь усиление артиллерии в долине Флич. Кроме того, были признаки, не внушавшие доверия, что Кадорна сосредоточил в районе Тревизо или Виченца крупные армейские резервы, образовавшие новую 6-ю армию.

24 октября 1917 г. в разгаре нашего наступления для «Пенкала» выдался удачный день. Одна за другой итальянские радиостанции подавали весьма приятный для нас сигнал: «свертываемся». [207]

К нашей радости, это крылатое слово быстро распространилось, как лесной пожар, до самого Адриатического моря и, наконец, перекинулось на фронт Каринтии.

Уже на следующий день наши войска достигли Тальяменто – ближайшей цели наступления. Быстрота продвижения чрезвычайно затрудняла работу радиоразведки; это было горячее и тяжелое время для «Пенкала». 1 ноября, в самый разгар беспорядочного отступления, итальянцы ввели новые позывные, чем повредили больше себе, чем нам.

К 3 ноября 4-я итальянская армия свернула на тирольском фронте радиостанции своего северного фланга вплоть до района Фиера-ди-Примеро. Это позволяло предполагать, что итальянцы вновь хотят оказать сопротивление на Пиаве. Несколько перехваченных радиограмм и замеченная переброска войск с северного фланга 4-й армии на юг подтвердили

это предположение.

К 6 ноября наши войска уже перешли линию итальянских укреплений Фриуль Северный и Фриуль Южный, а к 10 ноября заняли восточный берег реки Пиаве вплоть до устья.

За два дня до того военные сообщения итальянского бюро прессы стали выходить уже не за подписью Кадорна, а за подписью нового начальника штаба главнокомандующего ген. Диаз.

По сообщениям нашей агентуры, Кадорна и новый премьер-министр Орландо присутствовали в Нерви на военном совете с Ллойд-Джорджем и Пенлеве, причем было решено усилить задержавшихся на Пиаве итальянцев 350000 французов и англичан, но зато командование на итальянском фронте должно было перейти в руки Фоша.

Сильно пострадавшая и расшатавшаяся 2-я итальянская армия была оттянута в резерв и заменена 4-й армией. Вскоре мы выяснили, что штаб 2-й армии расположился в Барбарано, южнее Виченца. Это обстоятельство и показания пленных офицеров не позволяли более сомневаться в том, что противник окажет упорное сопротивление за Пиаве. Связь с тирольским фронтом была обеспечена заблаговременно сильно укрепленной итальянцами линией Монте – Томба, Монте – Граппа, Сассо – Росо, Монте – Сиземоль.

Из Франции, Испании и Швейцарии поступали многочисленные агентурные сообщения об отправке войск Антанты по железным и шоссейным дорогам. Об этом говорили повсюду. Австрийский разведывательный пункт в Женеве сообщал о возмущениях среди некоторых французских частей, отказывавшихся идти на итальянский фронт. [208]

На некоторое время «Пенкала» были обречены на бездействие, так как шифр «Cifragio rosso» был заменен новым шифром генштаба, раскрытие которого потребовало кропотливой работы. Тем временем, 21 ноября были перехвачены радиограммы, указавшие на прибытие 46-й французской пех. дивизии.

В ночь на 23 ноября по приказу начальника итальянской радиосвязи все радиостанции сообщили центральной станции о своем местонахождении и о расположении соответствующих штабов, если последние стояли отдельно. Благодаря этому, мы быстро установили дислокацию всех итальянских соединений, включая и находившиеся поблизости в резерве, а также расположение среднекалиберной и тяжелой артиллерии. Достигнув Пиаве, наше наступление остановилось, так как дальнейшее продвижение не было и не могло быть подготовлено, главным образом, вследствие плохого корма и усиленного напряжения, связанного с нехваткой лошадей. Кроме того, германские части уже готовились к отправке на французский фронт.

Группам «Пенкала» пришлось заняться раскрытием нового шифра итальянских стационарных радиостанций, которые вошли теперь в этапную зону и были включены в полевую сеть связи. Кроме того, итальянский офицер для связи при салоникской армии стал пользоваться новым шифром. Эти радиограммы «Si» (называвшиеся так по их начальным инициалам) еще раз сыграли крупную роль позже, во время итало-французской операции в Албании.

Тем же шифром начальник итальянской военной миссии в Румынии, ген. Ромен, телеграфировал своему главному командованию о положении у румын и у русских. Он особенно был усерден в информации как раз в тот момент, когда русские радиостанции замолчали, за что мы были ему вдвойне благодарны.

«Пенкала Баден», кроме того, должна была обрабатывать радиокорреспонденцию с колониями, которая стала осенью весьма оживленной. Из нее мы узнали о прекращении призыва в войска населения Северной Африки и других колоний. Это было особенно важно для нас потому, что после последних потерь Италия приблизилась к последней грани своего напряжения.

Прибытие англичан и французов в Италию поставило перед нашими мастерами радиоразведки и дешифровки совершенно новые задачи. Трудности были усилены еще тем, что первоначально войска находились на отдыхе, ввиду чего для использования радио было

мало случаев. К счастью, еще на Балканах [209] мы собрали большой материал по радиотелеграфу французов. Для ознакомления с английскими методами ротмистр Бухер был на две недели командирован в германский центр дешифровки в Спа. Первая французская радиোগрамма была перехвачена 23 декабря 1917 г.

Тем временем еще в середине декабря мы выяснили, что французские подкрепления (10-я армия) состояли из 12-го и 31-го корпусов. Менее точно мы были информированы об англичанах, но все же знали, что они перебросили 11-й и 14-й корпуса.

К началу декабря 1917 г. все признаки уже говорили о том, что в первое время противники ограничатся обороной, причем усиление участка между Брентой и Пиаве показало, что именно отсюда они ждут наибольшей опасности.

После поражения политико-моральное состояние итальянских войск, наспех пополненных контингентами 1898 и частично 1899 гг., естественно, оставляло желать лучшего. В перехваченном нами приказе командира 56-й дивизии предписывалось бдительное наблюдение за солдатами с применением строжайших дисциплинарных мер при обнаружении непатриотических действий. Отношения с войсками Антанты были довольно напряженными. Нередко происходили стычки между солдатами, несомненно, вызванные неуважением французов и англичан к столь основательно разбитым итальянцам.

Величайшую похвалу работе нашей радиоразведки содержал доклад итальянской следственной комиссии о сражении при Карфрейте:

«Достаточно указать на высокий уровень развития у противника радио подслушивания, дополненный изумительными достижениями по дешифровке шифров. Благодаря этому, противник выяснил наши пути отхода, определяя наши радиостанции и расшифровывая их радиোগраммы. Документы, захваченные после окончания войны, показывают, что противником были раскрыты почти все наши шифры, включая наиболее сложные и самые секретные». («Корриере делла Сера», 19 августа 1919 г.).

Характерно, что как только итальянцы получили от дезертира наш радиоприемник, они тотчас же завели такие радиоприемники у себя. Показательно также, что ни один из наших штабов не хотел отказаться от своих «Пенкала», когда нужно было уменьшить их число при сокращении фронта. Потребовалось веское слово главного Командования, после чего маршал Конрад получил «Пенкала Боцен», ген. Борович – «Пенкала Сен-Вито у Тальяменто и Питторио», эрцгерцог Евгений – «Пенкала Удине». [210]

Число радиогрупп было сокращено до шести, вследствие чего, помимо указанных пунктов, остались только группы Финоккио и Штадлен.

Во время нашего наступления против итальянцев было захвачено много документов, к которым, естественно, разведывательная служба проявляла особый интерес.

Командованию 14-й германской армии, совершенно неопытному в вопросах ирредентизма, мною был придан большой знаток майор Сильватичи. В Удине, где раньше был расквартирован штаб итальянского главнокомандующего, был командирован ротмистр Паскотини. Во всех захваченных пунктах был организован под руководством офицеров разведывательной службы тщательный розыск, главным образом силами жандармерии. Особенно много материалов было найдено в пункте сбора донесений 6-го итальянского корпуса, в замке Спесса (близ Кормоны).

Обработка материалов в разведывательном бюро потребовала нескольких месяцев. Наши сведения об ирредентистском движении существенно пополнились. Многие должностные лица, усердно служившие итальянцам во время итальянской оккупации, оказались, согласно захваченным документам, шпионами, энергично работавшими еще до войны. Кроме того, в пограничных итальянских районах были найдены призывные свидетельства более чем 600 дезертиров, вступивших в итальянскую армию или ведущих против нас агитацию. Хотя здание местной масонской ложи было разрушено, под развалинами зала заседаний были найдены гербы неосвобожденных провинций.

Документы штаба 5-го итальянского корпуса, захваченные в Пальманово, оказались роковыми для целого ряда ирредентистов южного Тироля. Обвиняемые в числе около 110

чел. перед началом войны передавали разведывательному отделу в Вероне сведения об оборонительных работах, вооружении и дислокации войск, состоянии снабжения и о настроениях населения. Часть их скрылась в Верону, чтобы продолжать оттуда разведывательную работу, часть осталась на месте для сбора сведений и информации. Произведенные аресты произвели в Тироле сильное впечатление. В марте 1918 г. дело было передано местному суду в Инсбруке, но вследствие наступившего переворота не вышло из стадии расследования.

На квартире итальянского комиссара полиции г. Удине Этторе Ремцаниго также были найдены документы, указывавшие на существование итальянского центра шпионажа в Инсбруке, но более конкретных данных не было. Характерно найденное донесение агента со штампом на конверте: «Opera Bonomelli, Ufficio di Segretaria Milano». [211]

Это подкрепило наши прежние сведения о шпионской деятельности этого благотворительного общества. Найденные документы осветили также печальную картину предательства наших перебежчиков, среди которых был прапорщик Сава Ангелич, командир пулеметного взвода 52-го пех. полка, дезертировавший 23 февраля 1916 г. Однако и пленные выбалтывали слишком много. Плохой пример подал попавший в плен подполк. Турудия, который мужественно руководил своим далматинским 22-м пех. полком в Сербии и на Изонцо, но, находясь в лагере для военнопленных, поступил на службу к итальянцам в качестве «доверенного лица». При помощи подобных «доверенных» итальянцы узнавали от пленных далматинцев гораздо больше, чем путем опроса их офицерами разведывательной службы, так как со своими соотечественниками пленные легче делились сведениями.

Известный интерес представляло захваченное «наставление по опросу военнопленных», в котором много внимания уделялось психологическим моментам и вопросам национальности и вероисповедания как факторам, влиявшим на готовность пленного сообщать сведения и на их достоверность.

Глава 39. Австро-Венгрия должна быть разрушена

Поражение итальянцев и выход из войны России не только не ослабили у Антанты волю к войне, но, напротив, укрепили ее еще более. Это сказалось в том, что во Франции к власти пришел наиболее ярый сторонник войны до победного конца – Клемансо.

На конференции Антанты, состоявшейся в конце октября 1917 г. в Рапалло, было решено создать общее верховное командование, во главе которого стали ген. Фош, Вильсон и Кадорна. В начале декабря состоялась новая конференция, на этот раз в Париже, где Клемансо пытался осуществить единое главное командование, причем на суше руководство должно было находиться в руках французов, на море – у англичан и в экономической области – у американцев. Это предложение принято не было.

Благодаря наличию связей, наша разведывательная служба могла точно информировать главное командование об этих решениях. Разведывательная служба дала надлежащую оценку [212] обстановки, констатировав, что 170 дивизий, находившихся во Франции, будут усилены 4 дивизиями из Англии и 10 англо-французскими дивизиями с итальянского фронта. Контрнаступление итальянцев для возвращения Венеции было отложено на более дальний срок, когда итальянская армия оправится от поражения.

Ввиду того, что во Франции линию фронта должны были занимать около 110 англо-французских дивизий, в качестве свободного резерва к весне 1918 г. могли оставаться 74 дивизии, а также те дивизии, которые будут сменены вновь прибывшими американскими войсками, еще не созревшими для решительных операций. Возможность усиления македонского фронта за счет французского была исключена. Вряд ли была возможна и переброска войск из 8 английских и 5 индийских дивизий, действовавших в Сирии и Месопотамии. Таким образом, со стороны салоникинской армии крупных активных операций ожидать не приходилось.

США в смысле воинственности не уступали своим союзникам; об этом

свидетельствовало объявление войны Австро-Венгрии, опубликованное 7 декабря 1917 г.

С самого начала войны Англия обнаружила непревзойденное искусство создавать в нейтральных странах враждебность к центральным державам. Это искусство она сохранила еще со времен классически организованной ею травли Наполеона I. Теперь она приступила к грандиозному развертыванию пропаганды для революционизирования Австро-Венгрии и Германии с тем, чтобы этим компенсировать непрерывные неудачи Антанты.

Первоначально организацией агентуры, выпуском агитационной литературы и ее конспиративной доставкой в Германию и Австро-Венгрию руководил один лишь англичанин Гест. С начала 1916 г. аналогичной работой занялся начальник разведотделения ген. Макдоно совместно с начальником разведуправления ген. Коккериль, организовавшим распространение прокламаций на фронте. Затем была развернута обширная организация во главе с виконтом Нортклиффом для неприятельских стран и его братом лордом Ротермиром – для нейтральных стран. Австро-венгерской секцией ведали Уикхем Сид и Сетон Уатсон, германской – Герберт Дж. Уэллс, а затем Гамильтон Файф.

Распространением агитационного материала на итальянском фронте ведала специальная комиссия пропаганды в Падуе, во главе с итальянцем полк. Сицилиани. В качестве представителей других стран в ней участвовали: англичанин подполк. Гренвиль-Бэкер, француз майор Грюсс, а также представители «угнетенных народов», которые «лучше всего» могли договориться со своими соплеменниками за рубежом. [213]

Ежедневно на фронте при помощи самолетов, снарядов, ракет и патрулей распространялось около миллиона экземпляров листовок. Поставленные в окопах граммофоны призывали на славянских языках переходить на сторону противника. Работа в глубоком тылу велась при помощи «гражданских каналов» организации Геста и через голландцев, швейцарцев и испанцев, разъезжавших по Австрии и Германии под видом коммерсантов. Агент агитационной организации Джексон приобрел в Роттердаме типографию, издавал информационный бюллетень, скупал голландские газеты, учреждал пункты по конспиративной пересылке агитационных материалов и попутно занимался военным шпионажем совместно с Тинслей.

Естественно, эта активная пропаганда опиралась на известные чешские и югославские круги, на поляков и румын. Очень умело подчеркивалась опасность, связанная с подчинением Австро-Венгрии германскому политическому и экономическому влиянию. Всемерно были использованы утверждения князя Лихновского и Мюлона об Австрии как главном виновнике войны. Различные австрийские и венгерские газеты содержали очень много материала.

Уже в 1917 г. враждебные нам газеты без труда находили в наших изданиях материал для пропаганды. Так, например, «Газетт де Лозанн» от 7 сентября 1917 г. просто перепечатала перевод статьи из «Арбейтер Цейтунг». Министерство иностранных дел согласилось запретить вывоз этой газеты за границу. Когда в июне 1918 г. главное командование запретило посылку на фронт этой газеты и некоторых других изданий, один из пунктов обратился с жалобой к начальнику генштаба главного командования. Ему было указано, что неприятельская пропаганда особенно охотно пользуется цитатами из социал-демократической прессы. В марте 1918 г. министр внутренних дел решил закрыть газету «Абенд» за деморализующую манеру изложения, а газете «Арбейтер Цейтунг» было сделано предупреждение о недопустимости постоянного высмеивания армии и нападок на союзников.

Американцы тоже стали принимать участие в пропаганде. В 1918 г. мы узнали о созыве в Вашингтоне совещания по пропаганде. На этом совещании, где присутствовал и Нортклифф, было намечено организовать массовую агитацию, главным образом при помощи интернированных австрийцев, затем организовать отделения для контрабандной отправки литературы в Голландию, Швецию, Данию и Швейцарию. Прокламации намечено было отправлять в упаковке продовольственных [214] грузов. Для целей пропаганды американцы увеличили персонал своего консульства в Швейцарии и организовали такие же отделения в

Голландии.

Итальянцы имели, помимо Рима, центр пропаганды в Берне, во главе с профессором Боргезе. Под влиянием нужды итальянцы охотно внимали советам о сближении с югославянами, их соперниками на Адриатическом море. В начале 1918 г. было приступлено к переговорам. Югославскому комитету разрешено было делегировать в итальянскую главную квартиру своего представителя, д-ра Ямбришак, который уже заслужил печальную славу как организатор сербских добровольцев в России, из-за плохого вооружения служивших пушечным мясом.

Итальянцы не отклонили помощи со стороны чехов. Подполковник Штефаник уговорил правительство сформировать одну чехословацкую бригаду. Военный министр ген. Альфиери не дал на это своего согласия. Наконец, 21 марта 1918 г. он вышел в отставку. Его преемник ген. Зупелли был уступчивее. Все же он настоял, чтобы небольшому соединению в 8 000 чел. было присвоено название «экспедиционного корпуса франко-чешской армии». Газеты Антанты возвещали, что в мае эта бригада получила боевое крещение. Однако наш источник сообщал из Парижа, что главной задачей бригады было переманивание солдат-славян. Итальянский генштаб сам не очень верил в эту затею, о чем говорил найденный в пулеметном убежище в Фагаре приказ, в котором штаб настоятельно требовал поддержки чехословацкой пропаганды.

В апреле 1918 г. в Риме состоялась конференция «угнетенных народов Австро-Венгрии», на которой присутствовали также Сид и Уатсон.

Само собою разумеется, что перебежчики, служившие в легионах, попав в наши руки, подвергались смертной казни. Однако за все лето на итальянском фронте эта участь постигла всего лишь 37 изменников, сказавшихся чересчур неосторожными.

На основе работы цензуры при центральном справочном бюро, д-р Милан Годжа сделал 5 июля 1918 г. доклад, подчеркнувший те репрессивные меры, которыми наших пленнх заставляли вступать в легионы. Один из пленнх писал: «С нами, славянами, здесь поступают мерзко, нас заставляют сражаться против нашей родины». Аналогичные сообщения часто встречались в переписке. Нередко выявлялось не только патриотическое разочарование, но и политическое отрезвление в отношении Антанты. «Какое безобразие, что они не могут победить без помощи военнопленнх», – писал один из них. [215] Один из пленнх офицеров резко жаловался на действия майора Деварда и его помощников в лагере в Кирсанове. Его и еще 25 других офицеров морили голодом за то, что они остались верными, с опозданием выдавали жалование и применяли другие меры воздействия.

Противники, не оправившиеся с нашей вооруженной силой, пытались взорвать нас изнутри. Борьба с этой подрывной работой легла на плечи контрразведки, силы которой стали уже недостаточными для выполнения многочисленных задач.

Военные успехи позволили отодвинуть рубеж непосредственной фронтовой зоны до государственной границы. Расширенная фронтовая зона начиналась у Форальберга. Вследствие недостатка в личном составе, в начале 1918 г. пришлось почти полностью ликвидировать кордон, заграждавший фронтовую зону, в связи с чем особое значение приобрел подвижной контроль проезжавших. Однако расстроенный и сильно перегруженный железнодорожный транспорт в то время находился в весьма плачевном положении. Пассажирские вагоны постоянно были переполнены. Это усложняло контроль и позволяло пробираться беглым военнопленнх и прочим, не имевшим документов. Подделка проездных документов стала выгодным занятием. Фабрикация их процветала преимущественно в Будапеште. Просроченные документы здесь снова превращались в действительные. Для борьбы с этим явлением личный состав контроля на транспорте был усилен 150 офицерами и 4 000 солдат и унтер-офицеров. В период с 1 мая по 31 августа 1918 г. было задержано 80000 военнх служащих без документов или с просроченными документами, в том числе 3 000 дезертиров.

Нужда и моральный упадок не только сделали обыденным явлением кражи на вокзалах и в вагонах, но вызвали также к жизни целые бандитские шайки, устраивавшие ограбления

товарных поездов и станционных складов. К розыскам преступников была привлечена жандармерия, к охране станций и складов – военная полиция, которые этим отрывались от своих прямых обязанностей. Все же принятых мер было недостаточно. Ясно было, что контроль на транспорте нуждался е значительно большем расширении, особенно в Венгрии, где он был совершенно неудовлетворителен. Для охраны железнодорожных линий от бандитов приходилось пользоваться силами войсковых частей, отведенных в тыл для восстановления.

Устрашающе росло количество дезертиров, объединявшихся в вооруженные банды. Ходили слухи о регулярных бандитских организациях в Хорватии и Богемии, так называемых «зеленых». [216] Для борьбы с бандитизмом власти вынуждены были прибегать к помощи жандармерии и войск. Тысячи дезертиров были пойманы, но все же «зеленые» оставались неистребимыми.

Недостаток в людях вынудил произвести дальнейшее сокращение почтовой цензуры, хотя разведывательное бюро главной квартиры настаивало на ее расширении, так как она имела особо важное значение именно для борьбы с революционным движением. Полк Эрвин Мюллер из междуведомственной комиссии пытался поправить положение, намереваясь организовать цензуру в важных промышленных районах, но вследствие сопротивления министра торговли это не удалось осуществить.

В обязанности военных органов не входили систематическая пропаганда за целостность и необходимость монархии, в противовес сепаратистским стремлениям. Все же разведывательное бюро внесло и здесь свою лепту, составляя соответствующие брошюры, распространяя их за границей и ведя пропаганду в рядах неприятельской армии.

Однако в начале 1918 г. дело пропаганды, ввиду необходимости разгрузить разведывательную службу, было передано оперативному отделению главной квартиры. В связи с трудностями этой работы в условиях гористой местности, наличия водного рубежа р. Пиаве и бдительного надзора неприятельской контрразведки, оперативное отделение быстро охладело к этой работе и совершенно прекратило отправку патрулей и офицеров-пропагандистов. Между тем пропаганда, базировавшаяся на использовании стремлений к миру, могла бы дать в это время крупные результаты. Вместе с тем итальянцам было бы не так легко искусственно создать «победное настроение» после сражения на р. Пиаве.

Ослабление газетной цензуры произвело удручающее впечатление на всех, кому были дороги интересы монархии и командования. Министерство юстиции чрезвычайно гордилось тем, что за десять месяцев до июля 1918 г. было 160 конфискации, в среднем 16 в месяц. И этим оно думало спасти государство. В Богемии газета Крамаржа «Народны Листы» в конце концов была закрыта, но ходатайство военного командования о просмотре бухгалтерских книг с целью выяснить зарубежные источники финансирования было отклонено.

Несмотря на все трудности и препятствия, контрразведка неуклонно выполняла свой долг и по мере сил предотвращала распространение революционной пропаганды из-за рубежа. Изъятие прокламаций и пропагандистской литературы, конспиративно [217] доставленной из-за границы, и розыск тайных радиостанций, служивших для пропаганды и связи с зарубежными заговорщиками, не могли дать крупных результатов. Это были лишь внешние проявления болезни, глубокие причины которой требовали серьезного оперативного вмешательства, а этому противились общие тенденции правительства.

В начале 1918 г. в Цюрихе состоялся съезд международного католического союза. Спустя 3 дня после его закрытия через цензурный отдел в Фельдкирхе прошла открытка с сообщением о том, что один из участников съезда вступил в переговоры с представителями американского правительства. Кто был этот участник, выяснилось из письма надворного советника Ламмаш к его дочери от 31 января 1918 г., в котором он сообщал о своем отъезде в Берн для переговоров с представителями Вильсона. С такой откровенностью в дипломатических делах плохо вязалась конспиративность в переписке этого миротворца, которая велась в невинном «коммерческом» стиле: император Карл фигурировал, как

«заведующий книгоиздательством»; «Отто» (граф Чернин) выпускал «афоризмы», Мейнл – «выдвигал прекрасные предложения по перестройке школьного здания» и т. д.

Развитие событий внутри Австро-Венгрии внушало опасения. Трудности продовольственного снабжения, бессилие борьбы со спекулянтами и рвачами усиливали недовольство, вызванное голодом и нуждой. Это недовольство сделалось лучшим союзником всех элементов, стремившихся к государственному перевороту. Контрразведка была в этом отношении беспомощна, так как ей не было дано права применять серьезные меры воздействия. Она ограничивалась тем, что регистрировала симптомы надвигающейся грозы.

Контрразведка давно уже стремилась раскрыть связь чехов с зарубежными центрами антиавстрийского движения. Окольный путь через Германию все еще оставался открытым, ввиду чего в январе 1918 г. в Фельдкирхе была создана конференция разведывательных органов, признавшая необходимым организацию разведывательного пункта в Мюнхене. Однако это решение было проведено в жизнь лишь в сентябре. Тем временем чешская разведка, имевшая свои ячейки при французских консульствах в Цюрихе и Женеве, могла по-прежнему переправлять свою корреспонденцию через Баварию. Еще легче было чехам в Париже, так как к их услугам было аргентинское посольство в Вене, а также и болгарские дипломатические курьеры. Неудивительно, что чехи в Австрии были отлично информированы о событиях во всем мире. Кроме того, их усиленно [218] поддерживали соплеменники, служившие в австрийских государственных органах.

После революции в России поляки стали склоняться на сторону центральных держав, но присоединение Холмщины по Брестскому миру к Украине вызвало среди них негодование. Вначале возбуждение обнаружилось в польском вспомогательном корпусе, сделавшем попытку пробиться в Россию в районе Черновиц на соединение с тремя польскими корпусами, симпатизировавшими Антанте. Во главе заговора стоял полк. Иосиф Галлер, которому удалось скрыться. Остальные заговорщики – около 150 офицеров и 3 000 солдат – были после слабого сопротивления задержаны и интернированы в Хусте. 19 февраля 1918 г. вспомогательный корпус был расформирован.

Странным образом в этой, несколько романтической, затее принял участие мой сослуживец по разведывательному бюро майор Загорский, хотя он всегда старался держать легион вдали от политики. Впоследствии он стал генералом и начальником польских воздушных сил. В 1927 г. он исчез загадочным образом.

В Польше к повстанцам относились благосклонно, вследствие чего контрразведка должна была принять особые меры охраны во время процесса, имевшего место в Мармарош-Сигете с июня по сентябрь 1918 т. Несмотря на бдительность венгерской полиции, многим легионерам удалось бежать из Хуста при помощи железнодорожников. Перед самым процессом были арестованы три дамы в одежде сестер милосердия легиона, пытавшиеся организовать бегство нескольких легионеров. Эти аресты, естественно, вызвали в Польше сильное возбуждение; подсудимые рассматривались как мученики за польское дело. 28 сентября 1918 г. император Карл прекратил процесс, «учитывая заслуги польского народа и твердо веря в его преданность монархии».

4 марта 1918 г., в связи с бурными демонстрациями в Галиции и оккупированной Польше, мною было созвано в Вене совещание начальников разведотделов Люблина, Кракова и Перемышля. Совещание признало всю серьезность положения. Мы находились в открыто враждебной стране, население которой лишь ожидало удобного момента для выступления.

Поляки организовали борьбу с нашей разведкой и вели наблюдение за деятельностью наших органов и за телефонными переговорами. Пассивное сопротивление железнодорожных и почтово-телеграфных служащих затрудняло работу наших разведорганов. Положиться можно было лишь на полицейские управления Кракова и Львова. [219]

Влиятельные поляки, находившиеся в Вене, называли эти сведения необоснованным пессимизмом; особенно ненавидели они начальника разведотдела в Перемышле майора

Гучала и коменданта военной полиции в Тарнове ротмистра Киллиана.

Даже Краковский военный суд не был чужд влиянию окружавшей обстановки и оправдал студентку Оцог, хотя было доказано, что она распространяла воззвания о неповиновении среди украинских солдат.

Немало заботы доставляли и югославы. После снятия военного положения в Сербии нарастали волнения. Черногория находилась в стадии скрытого восстания. Несколько агентов разведки были предательски расстреляны. Часть вины за это падала и на халатность властей, ибо если военный суд приказывал жандармскому посту привести для дачи показаний «жандармского агента NN», то этого раскрытого работника находили убитым на обратном пути.

Обвинение правительства Братиану (Румыния) всеми расценивалось, как очковтирательство. Разведывательной службе поэтому нужно было проявлять бдительность. Ей благоприятствовало то обстоятельство, что наши органы пропаганды на фронтах поддерживали связь с румынскими постами охранения. Кроме того, возвратился ряд наших агентов, интернированных в Молдавии, и находилось много перебежчиков. Агенты, посланные нами в Яссы, дополняли картину. Шифрованные радиogramмы греческого представителя в Яссах также были богатым источником информации.

Просмотр захваченных румынских документов показал, что румынское ирредентистское движение в Венгрии не было искусственно вызвано одним лишь государственным аппаратом. В апреле 1918 г. румынское правительство уже не могло сдерживать это движение. Центром ирредентизма были школы, оказавшие сильное влияние на румын в Австро-Венгрии. Мы безрезультатно пытались перевести румынские документы в Вену. Против этого возражали влиятельные румыны, близкие к германскому правительству, в частности – тайный советник Вельзер. Германское главное командование не хотело вмешиваться в это дело и передало решение вопросу министерству иностранных дел. Когда при помощи начальника полиции, кап. Гартенштейна, нам удалось добиться отправки документов в Вену, какой-то злой рок тяготел над транспортом с документами, который так и не вышел за пределы Венгрии до конца войны. Этот «злой рок» был инсценирован Венгрией, в результате чего документы очутились в одной из казарм в Будапеште. [220]

Со стороны венгерского министра внутренних дел фон Сандора, главного директора почт Фоллerta, советника министерства Еккеля и начальников пограничной охраны Гомера и Илошвая я встречал постоянное содействие. Однако эти хорошие отношения были несколько нарушены в связи с организацией при венгерском премьер-министре вспомогательного военного органа, вызвавшего некоторые трения между правительством и главным командованием. Кроме того, во главе этого органа был поставлен бывший начальник разведывательной службы штаба фронта эрцгерцога Иосифа – кап. Вильд, защищавший крайнюю панмадьярскую точку зрения. Мы были поэтому вынуждены иметь при венгерском министерстве внутренних дел своего представителя, который в отношении вопросов разведки сделал излишним посредничество кап. Вильда.

Положение внутри Австро-Венгрии верно охарактеризовал захваченный нами агент Антанты в донесении от 29 мая:

«Славянское население (особенно в Богемии и Моравии) будет упорно сопротивляться заготовкам хлебопродуктов... Надлежит отметить, что органами пропаганды (т. е. – Антанты) за последние 6 месяцев (т. е. с ноября 1917 т. по май 1918 г.) роздано около 21 000 револьверов и свыше 6 000 винтовок.

Австро-Венгрия находится накануне хозяйственной катастрофы и политического распада. Славяне рассчитывают только на Антанту.

Правительство политически недееспособно и не в состоянии энергичными мерами подавить оппозиционные партии. Болезненное стремление не заострять политической вражды приводит к терпимому отношению ко всем политическим направлениям. Наша пропаганда не встречает отпора. Славянские и

социал-демократические газеты регулярно помещают переданные нами статьи. Достиженные нами крупные успехи являются залогом конечной победы. Почва везде хорошо подготовлена, осеннее выступление не встретит больших трудностей и быстро приведет к цели.

Авторитет государственной власти и военная дисциплина подорваны. Даже скептик должен видеть, что в короткий срок, максимум в течение года, обстановка приведет к желаемой катастрофе.

Энергичной пропагандой можно значительно сократить этот срок. Расходы незначительны. Логика велит энергично продолжать пропаганду (воздействие на газеты, прокламации и т. п.). Сейчас слова поражают лучше, чем снаряды, а бумага дешевле пушек. Бескровное наступление приведет к цели [221] в кратчайший срок. Было бы бессмысленно в этих условиях говорить о мире».

Вдобавок ко всему этому руководство внешней политикой Австро-Венгрии держалось крайне пассивной тактики. В феврале 1918 г. я узнал, что оно категорически воспротивилось замыслам принца Вида – возвратиться в Албанию для создания там армии, способной облегчить положение наших войск и вытеснить итальянцев. Я, правда, сам не верил в возможность собрать 50–100 тысяч человек, все же меня удивил запрет министерства иностранных дел вести какую-либо энергичную пропаганду в свою пользу. Лишь одна Австро-Венгрия вела себя так, как будто она была совершенно не заинтересована. От имени разведывательного бюро я выступил с протестом против подобной пассивности и предложил организовать пропаганду в пользу нашего императора как будущего албанского монарха. Когда мне удалось добиться издания соответствующих директив, было уже слишком поздно.

Военное министерство в начале февраля 1918 г. приказало вести постоянные строевые занятия с солдатами, сочетая боевую подготовку с воспитанием, и подвергать их переписку цензуре. 10 марта 1918 г. был, по распоряжению главного командования, произведен неожиданный тщательный осмотр солдатских вещей во всей действующей армии. При обыске были найдены отдельные экземпляры прокламаций революционного или ирредентистского содержания.

В марте 1918 г. был организован специальный отдел борьбы с неприятельской пропагандой, который должен был противодействовать ее влиянию путем выпуска необходимых изданий я приказов и путем инструктирования офицеров, назначенных для контрпропаганды на фронте. Во главе отдела стал полк. Эгон Вальдштеттен.

21 и 22 мая 1918 г., под моим председательством, в военном министерстве собрались на последнюю весеннюю конференцию руководители четырех центральных контрразведывательных органов: гос. советник Шобер, начальник отделения Илоншвай, правительственный секретарь Златарич (Аграм) и подполк. Веселый (Сараево). По окончании этой конференции, не лишенной торжественности и приподнятости, я возобновил свою работу по подготовке разведывательной службы к намеченному большому наступлению против Италии.[222]

Глава 40. Подготовка в разведывательном отношении сражения на р. Пиаве

С начала февраля 1918 г. стали множиться агентурные донесения об уходе англо-французских войск с итальянского фронта. Сообщения о том, что они полностью уводятся, вскоре оказались дезинформацией. К концу февраля они все еще оставались в Италии, и пресса Антанты сообщала, что очищение Италии признано версальским совещанием задачей последней очереди. В связи с этим примерно в середине марта, после весенней распутицы, можно было ожидать со стороны Италии наступления. Однако не в пользу этой версии говорило то внимание, которое уделялось итальянцами западному тирольскому фронту, куда прибывали новые подкрепления и где была сформирована новая, 7-я армия.

Начиная с последней недели февраля вплоть до середины марта, Италией была закрыта граница со Швейцарией и прекращен транзит в Испанию. Мы правильно оценили это как меру для обеспечения скрытности переброски англо-французских войск во Францию. Дезинформирующие радиосообщения англичан тоже были нами скоро раскрыты и подтвердили наши предположения. К середине марта мы установили путем дешифровки радиোগрамм, что в Италии оставались лишь 12-й французский и 14-й английский корпуса, которые в конце марта были направлены на фронт в район Сетте. Как показали послевоенные итальянские труды то истории войны, эти сведения вполне соответствовали действительности; лишь в отношении итальянских сил на французском фронте мы, оказывается, допустили преувеличение: фактически там было не 6–7 пехотных бригад, а только 4 бригады, составлявшие 2-й корпус ген. Конте Альбриччи.

Тел временем, 23 марта, император Карл утвердил решение начальника генштаба главного командования ген. Арцо провести демонстрации у Тревизо. В дальнейшем решено было расширить фронт наступления на весь участок от моря до Астикко. Начало наступления было перенесено с конца мая на 7-е, а затем на 15 июня. Итальянцы ошибочно приписывали эту оттяжку своей пропаганде на нашем фронте.

Разведывательная служба готовилась к решительному удару. Станции телефонного подслушивания, освободившиеся на русском фронте, позволили увеличить их число на юго-западном фронте до 82. Это было особенно важно в связи с тем, что [223] условия местности и редкие боевые столкновения сильно уменьшили количество пленных и перебежчиков.

Наладившаяся вначале у итальянцев проволочная связь вызвала ослабление работы нашей радиоразведки. Поэтому чрезвычайно приятно было, когда офицер для связи при итальянском 20-м корпусе начал в марте по несколько раз в день передавать шифром по радио детальную сводку боевой обстановки. Часто также давал о себе знать наблюдатель на Кастеллачио лейт. Карета, равно как и лейт. Торзиелло и Адамо на Пазубио. Мы же в апреле совершенно прекратили пользование радиосвязью, так как наши радисты заметили чрезмерное усердие итальянцев в деле радиоподслушивания. По радио у нас разрешалось передавать лишь дезинформационные радиোগраммы.

В апреле уже многие итальянские корпуса и дивизии установили обычай передавать по радио шифрованные обзоры боевой обстановки. Особое усердие проявлял главный врач 18-го корпуса Дашко. Командующий 1-й армией ген. Пекори-Джиральди также, был очень общителен. Чтобы дать представление о работе радиоподслушивания в этот период, я возьму наугад дни 1–4 мая, в течение которых путем подслушивания и пеленгации была установлена дислокация всех армейских штабов, 20 корпусных штабов из 25, 37 дивизий из 57 и всех кавалерийских дивизий.

Вслед за тем итальянцы стали пользоваться радиосвязью только в самых экстренных случаях. Это подтвердил и приказ, добытый нами позже. Все же, благодаря приказу начальника итальянской радиослужбы полк. Кардона об обязательных донесениях радиостанций, наша радиоразведка перед началом наступления давала почти такие же богатые результаты, как прежде на русском фронте. Полк. Кардона был даже настолько любезен, что сам предупредил нас о предстоящей 6 июня смене шифра.

Те приготовления, которые были проведены разведывательной службой главной квартиры для предстоящего сражения, далеко превосходили подготовку прежних операций. К ним был привлечен весь агентурный аппарат вместе с разведывательным бюро главного командования, дабы при быстром продвижении вперед не получилось, как раньше, пробелов. Мы знали, что итальянцы ожидали нашего наступления с середины апреля. Поиски патрулей и штурмовых отрядов, очевидно, должны были выяснить направление нашего главного удара. По полученным сведениям, в первой половине мая противник полагал, что главный удар будет нами нанесен на участке Юдикария – Пиаве, [224] а вспомогательный – на западном тирольском фронте. 24 мая противник предпринял, в целях разведки, довольно крупную атаку на Цунга – Шорта. Еще 16 мая нас предупредил о ней один перебежчик,

благодаря чему мы встретили ее в полной готовности и дали решительный отпор. Спустя два дня итальянцы произвели в тех же целях атаку на участке Тонале. Это подтверждало сведения пленных о том, что здесь они ожидали нашего наступления. Очевидно, противнику уже стало известно о намеченном нами вспомогательном ударе. Поступившие 1 июня донесения о прибытии на фронт Пиаве нового корпуса и о продвижении большей части резервной армии на восток свидетельствовали о том, что противник ожидает наступления и на этом участке. Однако основное внимание противник уделял участку между Азиаго и верхней Пиаве. К этому времени усиление итальянской армии достигло значительных успехов: большое количество орудий, утерянных в последней сражении, было почти полностью восполнено новыми; были сформированы пулеметные и минометные полки; число авиаотрядов было доведено до 135.

Объехав перед самым началом наступления весь фронт, я пришел к выводу, что разведывательная служба подготовлена образцово.

Наступление 11-й армии, на которое мы возлагали столь большие надежды, потерпело неудачу, причем армия понесла большие потери.

Передовые линии противника, на которых была сосредоточена наша артиллерийская подготовка, были заняты весьма слабыми частями. Когда наши передовые части ворвались в эти окопы, неприятельская артиллерия, мало пострадавшая от нашего обстрела, открыла мощный заградительный огонь, а вторая линия неприятельской обороны оставалась вполне готовой к обороне.

Из показаний пленных выяснилось, что противник не только знал от перебежчиков о намеченном нашем наступлении, но даже узнал точно час атаки, вследствие неосторожных разговоров по телефону, производившихся вопреки строжайшему запрету. Эту большую услугу итальянцам оказала станция подслушивания, установленная вечером 14 июня в Портеди-Сальтон. Измену перебежчиков итальянцы рассматривали как результат работы комиссии пропаганды, которой после сражения ген. Диац выразил особую благодарность.

К сожалению, достаточно было найтись нескольким изменникам, чтобы причинить серьезный вред. Главную роль играли при этом стрелок Папракал и лейт. Штини 56-го пех. полка. [225]

Последний после перехода к противнику участвовал в составлении обращения «Ко всем славянам», фотокопии которого сбрасывались неприятельскими летчиками в наше расположение.

В связи с неудачей 11-й армии, наше июньское наступление закончилось неуспешно. Успехи, достигнутые на Пиаве, не были нами использованы из-за несвоевременного подхода резервов. В результате пришлось отдать распоряжение об отходе за реку. Радиоразведка отлично обслуживала командование, вплоть до этого печального конца, хотя итальянцы частой сметой шифров затрудняли дешифровку их радиogramм.

Глава 41. Пропаганда Антанты

Исход сражения на Пиаве и быстрое ухудшение внутренних условий лили воду на мельницу неприятельской пропаганды. В тылу уже не требовалось толчка извне. Парламент начал нападать на правительство. Среди населения стали распространяться самые дикие слухи.

Печально было, что эта пропаганда шла не только от противников, но и из дружественной Германии, в связи с чем цензурный отдел в Вене отдал распоряжение о цензуре всей почты, поступающей из Германии. Впрочем, для осуществления этого хватало сил. Нападки были направлены прежде всего против императрицы, которую обвиняли в неудачах на фронте. Она якобы распорядилась не применять боевых газов и этим якобы объяснились слабые результаты нашей артиллерийской подготовки на Пиаве. На самом же деле они были обусловлены усовершенствованием химической защиты итальянцев и своевременным очищением зараженных позиций. Даже в Бадене, где была расположена

главная квартира, распространились злостные слухи, для борьбы с которыми жандармерии было приказано принять самые решительные меры.

Неприятельская пропаганда охотно использовала эти слухи.

Уже в июне в газете «Джорнале д'Италия» была помещена статья «Кампания против Циты. Бывшая принцесса Пармская подозревается в шпионаже», в которой излагался запрос в парламенте венгерского депутата барона Гусар и бурные выступления в венгерском рейхсрате.

Удручающее впечатление от поражения на Пиаве совпало с ухудшением продовольственного положения перед сбором нового урожая. В связи с новым уменьшением хлебного пайка, [226] бургомистр Вены д-р Вейскирхнер выступил 18 июня 1918 г. с заявлением, что население достигло предела выносливости и терпение его истощилось; вывешивание этого заявления в виде плакатов было запрещено.

Прежний экономический опыт побудил главное командование использовать все свое влияние для полного охвата нового урожая государственными заготовками. Однако оперативная часть отдавала себе отчет, когда писала, что «работа государственного аппарата настолько сильно страдает от политических и национальных противоречий, что организационными мерами с ними справиться не в силах... Не подлежит никакому сомнению, что взаимодействие внутривластной обстановки и оперативного руководства сильнее всего проявляется обычно именно в области продовольственного снабжения армии. Несомненно, что дальнейшее увеличение трудностей в снабжении армии недопустимо».

К сожалению, государственный аппарат внутри страны не сумел достаточно энергично провести те мероприятия, которые дали столь успешные результаты на территории оккупированной Сербии. В связи с этим оправдались самые мрачные опасения. Полное бессилие власти в борьбе с подпольной торговлей и спекуляцией вызвало возмущение населения. Широко расцвело «мешочничество», причем обнищавшие горожане за бесценок обменивали на продовольствие свое последнее достояние. Естественно, это подготавливало почву для развития революционного движения. Ему способствовали также начавшие приходить после 17 июля плохие сведения с франко-германского фронта. Вряд ли была нужда в революционных прокламациях Ротцигеля и Рубина Меллера, которые вкладывались в номера «Арbeiter Цейтунг». В результате тщательного наблюдения за «возвращенцами» разведотдел в Белграде уже в конце июля смог предсказать, что через 2–3 месяца вспыхнет революция. На созванной мною 18 июля конференции начальников разведорганов и представителей заинтересованных учреждений выявилась безрадостная картина. Агитация обнаруживалась и на тех заводах, где условия снабжения и оплата труда не давали поводов к недовольству. Угольные бассейны находились все время в состоянии брожения. Создание антивоенных организаций и стремление населения приобрести оружие говорили сами за себя. По поступившим сведениям, связь чешских агентов в Богемии с Антантой была еще более подкреплена контактом английского морского атташе Бойля с чешским и революционными кругами через Буковину и Галицию. [227]

С различных сторон поступали сообщения о том, что 28 сентября должно разразиться совместное восстание чехов, поляков и югославов. Ходили даже слухи о скрытой чеканке чехами собственной монеты.

В конце июня 1918 г. французское правительство признало право чехов на независимость и объявило «чешский национальный совет» в Париже верховным органом будущего чешского правительства. В середине августа Англия объявила, что считает чехословаков своими союзниками. По сообщениям газет и агентуры, 27 августа в Лондоне состоялось совещание под председательством английского министра иностранных дел Бальфура, на котором было заявлено, что между югославами и чехами достигнуто полное единство, и что те и другие не замедлят вместе восстать против Австрии. 3 сентября Соединенные Штаты признали «чешский национальный совет» в Париже чехословацким правительством, а его легионы – союзными вооруженными силами. 28 сентября Франция заключила военную конвенцию с «чешским национальным советом». После этого Италия

уже не могла не последовать примеру своих союзников.

Тотчас же было начато очень умелое воздействие на население, в целях привлечения колеблющихся к решительному изменению национального вопроса: Усердно распространялось, что новое чешское государство будет освобождено от военных и государственных долгов, а его снабжение возьмет на себя Антанта.

Чрезмерную активность проявляли также югославы как в пределах Австро-Венгрии, так и за рубежом. В связи с агитацией, развившейся среди австрийских югославов, в этих районах была запрещена всякая политическая и национальная деятельность. Тем не менее, 18 августа в Лайбахе имел место обширный смотр сил югославского движения.

В Далмации широко распространились злоупотребления печатным словом. Демонстрации происходили при пассивном отношении местных властей.

Беспорядки, организованные в запасном батальоне в Ярославле депутатом Морачевским, были быстро подавлены. После милитаризации железных дорог и призыва в запасные части зачинщиков движение среди железнодорожников затихло. Однако в середине августа мы получили характерное сообщение агента о том, что руководство австрийской социал-демократии поручило своим сторонникам в Кракове позондировать почву среди железнодорожников в отношении перспектив социально-революционного движения. [228]

Еще больше забот нам доставляла польская тайная военная организация, ставившая своей целью оказание вооруженного сопротивления в случае невыполнения требований о независимости и борьбу за отторжение Галиции. Процесс в Люблине, в связи с нападением на жандармский пост, рассеял всякие сомнения в характере этой организации. Левые польские газеты открыто называли этот процесс «процессом польской военной организации и Пехур» («Пехур» – политическая организация молодежи). Военная организация использовала для своих целей спортивные общества, объединения туристов, пожарные команды и т. д.

14 августа я имел в Кракове беседу с разведывательными офицерами этого района, от которой у меня осталось хорошее впечатление. Еще более усилилась агитация в пользу независимости, замечалось сильное влияние Антанты, имевшей тесную связь с великополяками. Министр внутренних дел неоднократно указывал львовским административным органам на необходимость уделять польской военной организации величайшее внимание. Министр путей сообщения также соглашался с жестокими мерами борьбы с агитацией, предложенными военным министерством. Но все это оставалось на бумаге.

В конце концов, военное министерство поручило военному прокурору Рудольфу Крафт основательно расследовать вопрос о тайной военной организации в Галиции. Домашний обыск у лейтенанта запаса Казубского в Перемышле дал богатые материалы. Во Львове было установлено, что организация имела разветвления по всей Польше и Галиции и даже имела отделения в России и на Украине. Однако Следствие было доведено до конца лишь в октябре. Таким образом, столь осуждаемый пессимизм разведорганов подтвердился слишком поздно.

Цензуре стали уделять больше внимания, и было приказано усилить ее работу по выявлению истинных настроений населения. В беспокойных районах были организованы новые цензурные отделы. Таким образом, в июне 1918 г. ослабевшая было цензура вновь усилилась, но потребовалось значительное время для втягивания нового персонала в работу.

20 июля 1918 г. я распорядился выпускать ежедневные сводки с целью немедленного доведения до сведения всех отделов главной квартиры многочисленных телеграфных сообщений о внутривнутриполитической обстановке, получавшихся от разветвленной сети разведорганов. Благодаря этому, контрразведка, которой оставалось только регистрировать факты, продолжала приносить пользу. [229]

В сентябре 1918 г. моему разведывательному бюро снова было поручено руководство всей пропагандой, направленной против неприятеля. В Бадене много была организована специальная группа.

Тревогу скушали усилившиеся безобразия дезертиров. Благодаря смягчению приговоров, отсрочкам наказаний и т. д., меры борьбы с ними цели не достигали. Если к августу 1918 г. число дезертиров определяли в 100 000 чел., то к концу октября оно возросло уже до 250 000, что составляло около 5% всего состава вооруженных сил. Дезертиры, убежавшие в Швейцарию и даже образовавшие там «союз дезертиров», были сравнительно безвредны. Опасны были банды дезертиров в тылу, о которых, впрочем, ходили сильно преувеличенные рассказы. Действительным бедствием они явились в Сирмии, где благодаря попустительству властей соединилось около 5 000 дезертиров и беглых военнопленных, устраивавших, по-видимому, в контакте с агентами Антанты революционные выступления. Характерны следующие строки из любимой песни этих отлично организованных банд: «Да здравствует императрица Цита, которая не велит расстреливать бандитов».

Наряду с ухудшением внутреннего положения непрерывно обострялось и внешнее. Еще не верилось, что неудачи германцев во Франции являются началом длинного ряда поражений и отхода, но положение на Балканах уже внушало серьезные опасения. В Болгарии кабинет Радославова должен был уступить место демократу Малинову, который дал обещание заключить мир не позже сентября 1918 г. По-видимому, Болгария рассчитывала получить от Антанты часть Албании, так как там заметно усилилась болгарская пропаганда, тогда как нашей агентуре ставились всевозможные препятствия.

Новый командующий салоницкой армией, ген. Гильома, в июне был смещен ген. Франше-д'Эспере, который продолжал оставлять в покое македонский фронт и довольствовался атаками в восточной Албании. Тем не менее, Малинов ссылался на усиление противника греческими дивизиями и сербскими добровольцами, хотя это усиление частично уравновешивалось уходом французских войск. Военный атташе в Болгарии майор Кюнцль указывал, что премьер-министру важно лишь найти предлог, чтобы свалить на союзников вину за возможные неудачи, о которых-де он своевременно предупреждал. В наиболее тяжелый для нас момент наши войска захватили в Албании новый шифр противника. 30 июля перехваченный нами итальянский радиоприказ принес радостную весть об отходе противника по всему фронту. [230]

Настроения болгарского народа, а также явно усилившаяся и вызывавшая кое-где волнения агитация Антанты в стране внушали тревогу. К этому еще присоединились донесения наших агентов из Швейцарии о переговорах болгарских представителей с американским посланником в Берне. Вместе с тем майор Кюнцль сообщал о том, что в Софии с особой любезностью относятся к американскому консулу Мерфи. Далее, Эссад-паша, базируясь на беседе с Франше-д'Эспере, предсказывал, что болгары не окажут серьезного сопротивления сильному нажиму на фронте и пойдут на заключение сепаратного мира. Действительно, болгарские солдаты, скверно снабжавшиеся, открыто говорили, что они останутся на позициях только до «Митрова дня» (октябрь).

Мы узнали, что в начале сентября бывший болгарский министр Гешов имел на франко-швейцарской границе свидание с Пашичем, на котором присутствовал также французский чиновник. Вскоре майор Кюнцль подтвердил действительность миссии болгарских представителей по ведению переговоров о мире.

Болгары не раз зондировали почву и у румынского премьер-министра Маргиломана, выясняя позицию Румынии в случае заключения Болгарией сепаратного мира. Маргиломан, желая доказать этим свою надежность, сообщил об этом центральным державам. Надежность эта, однако, была не очень велика – это было для нас ясно. Популярнейший деятель Румынии – ген. Авереску – целиком перешел в лагерь Антанты. Вернувшиеся в Валахию запасные организовали там тайную военную организацию. Офицеры организовали румынский «почетный легион», с центром в Яссах, во главе с престолонаследником; побочная политическая цель легиона заключалась в аннулировании бухарестского мира. Были использованы все средства для создания настроения, враждебного центральным державам. Даже женитьба наследника на Зизи Ламбрино была поставлена в вину Австро-Венгрии, которая будто бы этим хотела внести путаницу в права престолонаследия.

Естественно, разведывательная служба зорко следила за Румынией, и от нее не укрылось, что румынами была полностью обеспечена мобилизационная готовность шести пехотных дивизий в течение 6 дней, а остальных восьми дивизий, егерей и конницы – в 10-дневный срок.

Такова была обстановка к 14 сентября 1918 г., когда граф Буриан от имени австро-венгерского правительства обратился ко всем воюющим и нейтральным государствам с предложением мира. [231]

Уже на следующий день произошло событие, открывшее путь лавине, которая решила судьбы центральных держав: прорыв болгарского фронта. С конца июля стали поступать сообщения о подготовке 2-й сербской армии к наступлению на участке Доброполье – Ветреник. Одновременно стало известно, что греческие войска освободили французские дивизии, которые предполагалось использовать в качестве ударной группы. Таким образом, в предупреждениях со стороны разведывательной службы недостатка не было, но на них не обращалось внимания. Король Борис заявил майору Кюнцль: «Ген. Людендорф чрезмерно натянул тетиву». К 17 сентября болгарский фронт был прорван на участке шириной 40 км и отеснен на 10 км в глубину. Скоро образовалась гигантская брешь, которую уже нельзя было заполнить.

Глава 42. Конец разведывательной службы

Ген. Гуго Керхнаве, на основе записок полк. Бейера и документов главного командования, детально изложил историю развала австро-венгерских вооруженных сил. Печальная гибель Габсбургской монархии мастерски описана в новом труде подполк. Глайзе-Горстенау «Катастрофа». Я могу поэтому ограничиться изложением судьбы разведывательных органов в эти последние дни.

До последнего момента разведывательная служба выполняла свой долг, не имея, однако, возможности активно вмешиваться в вихрь событий.

Разведотделение болгарского генерал-губернаторства было придано армейской группе маршала Кэвесса, которой досталась неблагоприятная задача – образовать новый фронт против салоницкой армии. Это разведотделение заблаговременно организовало агентурную разведку, благодаря чему разведывательные пункты в Вальево, Ужице, Крушеваце, Митровице, Колашине, Ипеке и Пршюлье снова могли развернуть свою работу. В 9-ю пех. дивизию, первую из прибывших, начальником разведывательной службы был назначен кап. Гофленер. Разумеется, после перемирия 29 сентября прекратилось содействие со стороны болгарской разведывательной службы. 7 октября, после прибытия в Софию французского посланника Туссон, нашему военному атташе пришлось удалиться. В середине октября была прекращена всякая телеграфная связь с Болгарией. [232] Учитывая, что противник весьма быстро продвигался по стране, охваченной брожением, а также ввиду ограниченного времени, имевшегося в распоряжении разведывательных органов для налаживания работы, следует признать заслуги разведывательной службы, которая все же сумела в основных чертах информировать командование о положении противника.

Разведывательный пункт Цетинье был придан армейской группе Пфланцера, которая уже не могла более держаться в Албании вследствие продвижения салоницкой армии. Его агентурная сеть состояла из 138 агентов, часть которых была оставлена на эвакуированной территории.

После разгрома Болгарии Турция не имела другого выхода, как заключение сепаратного мира. В начале сентября наш разведывательный офицер в Смирне сообщил об оживленных переговорах жившего там Рахми-бея {34} с Антантой. Странно, что шифрованные телеграммы нашего полномочного представителя в Константинополе приходили в совершенно перевернутом виде. Однако мы узнали из Швейцарии, что турецкий посланник Фуад Селим-бей ведет переговоры с французским посланником, а 25 октября Помянковский телеграфировал, что на следующий день на острове Лемнос начнутся

официальные переговоры о мире. 30 октября было подписано перемирие, в связи с чем и закончилась наша разведка в Турции.

Наша агентура в Италии установила из перехваченных радиogramм широкое распространение в итальянской армии тяжелых инфекционных заболеваний, преимущественно – инфлюэнцы и малярии, свирепствовавших также и в тылу. Она выяснила также, что итальянское командование готовит обширную материальную базу для большого наступления, по-видимому, намеченного на участке Пиаве. Вести о победах во Франции, на Балканах и в Палестине подняли дух итальянской армии, еще более укрепленный благодаря широко развернутой пропаганде и многочисленным военным празднествам.

8 и 9 октября радиоподслушивание выявило сосредоточение итальянского ударного корпуса у Кастельфранко. Агентура сообщила об окончании подготовки к переправе через Пиаве у Монтелло и в нижнем течении. В шифрованных донесениях, посылавшихся каждый час водомерной станцией в Ониго, проявлялась нервная забота об уровне воды в Пиаве. В связи с этими сообщениями главное командование перебросило 4 пехотных дивизии на участок, находившийся под угрозой. 21 октября радиоразведка сообщила о конспиративных наименованиях, [233] за которыми скрывались вновь сформированные 10-я английская и 1-я французская армии, состав которых и переброска к Пиаве вскоре были установлены.

Итальянцы разумно выжидали, пока продвинется достаточно вперед разделение Австро-Венгрии на самостоятельные национальные государства, согласно императорскому манифесту от 17 октября 1918 г. Однако итальянцы достигли успеха лишь тогда, когда Кароли, в качестве нового правителя Венгрии, внес замешательство в ряды армии, отозвав с фронта венгерские войска, и когда наши части самовольно снялись с некоторых участков и отправились в тыл. Несмотря на все, радиоразведка продолжала безукоризненно работать. Даже 1 ноября было обработано 65 шифрованных итальянских радиogramм и были правильно установлены группировки и направление движения итальянских армий. Лишь 3 ноября, по заключении перемирия, прекратило свою деятельность это важнейшее средство австро-венгерской разведывательной службы.

Австро-венгерские цензурные органы были ликвидированы еще в то время, когда национальные государства получили самостоятельное существование. Особенно бурно проходила ликвидация цензурного отдела в Фельдкирх, руководитель которого был вынужден бежать в Швейцарию. Междуведомственная комиссия при военном министерстве (ранее – управление военной охраны) прекратила свою работу еще 31 октября 1918 г.

Главное командование еще верило в дальнейшее существование Австро-Венгрии на основах, изложенных в императорском манифесте. Оно не придавало серьезного значения независимости Чехословакии, объявленной чешским национальным советом, так же как и независимости Югославского государства, провозглашенной Трумбичем.

По поручению главного командования я приступил к обсуждению мер защиты с министром внутренних дел Гайером, который меня познакомил с депутатами Тузар и Корошец. С ними я совещался в отсутствие Гайера. Тузар, бывший тогда вице-председателем палаты, обнаружил четкое понимание обстановки. Корошец направил меня к Светозару Прибичевичу и дал мне письмо на имя последнего, которое у меня хранится до сих пор. Однако согласованные действия с германской разведывательной службой потребовали моего спешного отъезда в Мюнхен. Когда я 30 октября вернулся оттуда, обстановка уже коренным образом изменилась. Повсюду возникли независимые национальные государства. Теперь они сами должны были защищать себя. 28 октября, в связи с чешской национальной годовщиной, в Богемии снова возник разговор о моей миссии, [234] но ее неверно трактовали в том смысле, что якобы я искал помощи против армии. На самом же деле речь шла о мероприятиях по защите от большевизма.

Я отправился затем в Баден, где 31 октября созвал совещание начальников разведывательных пунктов и групп совместно с работниками разведывательного бюро главной квартиры. Мы сохраняли тогда связь лишь со Швейцарией и разведорганами в Одессе, Киеве и Бухаресте. Остальные пункты уже были «национализированы». Я приказал

освободить от обязанностей тех начальников разведывательных органов, которые находились в особо опасном положении, как-то: майора Гучала в Перемышле, лейт. Червенка в Фиуме и др. Далее я распорядился уничтожить секретные документы, могущие скомпрометировать верных сотрудников. По поводу сохранения ценных архивов разведывательной службы я вступил в переговоры с новым военным министром Австрии – майором Майером. Школа военных переводчиков была расформирована. Военные атташе и военный представитель при венгерском правительстве, майор Соларч, должны были как можно дольше оставаться на своих местах. Обсуждался даже вопрос о назначении офицеров разведывательной службы в отдельные, вновь образовавшиеся, государства.

Ввиду того, что мое присутствие в Вене облегчало совместную работу с венским полицейским управлением, я перенес свой служебный кабинет в помещение разведывательного бюро генштаба. Руководство разведывательным бюро главной квартиры перешло к моему заместителю подполк. Нордеггу. Личный состав разведывательного бюро быстро сокращался. Когда заключенное перемирие с Италией сделало возможным продвижение итальянских постов вдоль южной железной дороги и стало необходимым уберечь документальные материалы, оставшихся сотрудников оказалось недостаточно для просмотра 300 000 документов, накопившихся в разведывательном бюро. Поэтому документы в ящиках отправлялись в отель «Герцогенгоф» и сжигались там в большой печи. В разведывательном бюро генштаба оказалось возможным организовать более рациональную сортировку материалов. Личный состав бюро тем временем разъезжался в разные стороны. [235]

Глава 43. Заключение

За последние десять лет о шпионаже написано больше, чем раньше за целое столетие, не говоря уже о шпионских кинофильмах. Поскольку речь идет о беллетристике, возражать не приходится. Но вряд ли можно одобрить произведения тех лиц, которые якобы сами руководим работой разведорганов и под этой фирмой расписывают совершенно невероятные шпионские истории. Дела, лишь едва-едва напоминающие шпионаж, они искажают без всякого зазрения совести. Особенно характерны воспоминания тех псевдо-разведчиков, которые якобы были очевидцами или соучастниками всех крупных событий, хотя бы одно из них разыгрывалось сегодня в Каире, другое – вчера в Петербурге, третье – позавчера в Гибралтаре и т. д. Эти всезнайки теперь, после войны, изображают дело так, как будто они уже тогда все время были посвящены во все тайны. Не проходит дня, чтобы мне не задавали вопросов, читал ли я такую-то статью о шпионаже и верно ли все изложенное в ней. Не смущаясь моими указаниями о неправдоподобности изложенных событий, авторы подобных историй продолжают угощать читателя своими измышлениями. Но противнее всего – это вещи, написанные настоящими разведчиками, ради лишних строк разбавленные значительной долей фантазии.

К сожалению, многие неверные суждения об агентурной разведке, распространенные среди широкой публики, являются угрозой для будущего, так как разведывательная работа нуждается в широкой поддержке со стороны населения. Для разоблачения этих ошибочных суждений и должна прежде всего служить моя книга.

Опасение нанести вред еще живым людям заставляет меня проявлять максимальную осторожность, говоря о шпионаже. Приходится ограничиваться теми случаями, где вынесенный уже приговор или смерть позволяют раскрыть карты. Я сознаю, что занимательность сильно страдает от моих кратких указаний, что Сведения поступили «конфиденциальным путем» или от агентуры вообще. Но даже и столь осторожные указания могут оказаться достаточными для знающих лиц, чтобы еще теперь обвинить и скомпрометировать кого-нибудь из видных деятелей, которые неумышленной своей общительностью оказали нашей агентурной разведке ценнейшие услуги.

На основе обширного опыта я могу сделать общий вывод, что для разведывательной

службы наиболее важны: трезвая [236] оценка и последовательность, знание людей, компетентность в специальности, знакомство с неприятельской организацией и знание языков. Естественность, здравый смысл и осторожность – вот лучшие свойства разведчика. Фальшивые бороды, переодевание и т. п. надо, по возможности, отбросить. Именно естественность является наилучшей «маской». Когда разведчик отправляется в Италию под видом художника, то бритые усы, большая шляпа, бархатная куртка с небрежно повязанным галстуком и клетчатые панталоны – все это ему мало поможет, если он не умеет рисовать. Если же он умеет, то достаточно будет и обычного штатского костюма. Разумеется, не следует надевать при этом кавалерийских ботфорт со шпорами и носить белье с инициалами «А. Н.», имея паспорт на имя «Феликса Дурста».

Совершенно ясно, что разведывательная работа требует строжайшей секретности. Но это не имеет ничего общего с таинственностью и пинкертоновщиной.

Получаешь документ или донесение: даешь деньги и задание на следующий день. Вот и вся работа при встрече с большинством лучших источников. К сожалению, по соображениям безусловно необходимой осторожности, я не смог даже намекнуть, где и при каких обстоятельствах происходили эти встречи. Само собой разумеется, что они должны носить характер полной случайности, исключаящую всякую подозрительность.

Для оценки достижений разведывательной службы в мировую войну нужно сопоставить достигнутые; результаты с действительностью, которую теперь легко установить по вышедшим историческим трудам. Чтобы не утомить читателя, я ограничился лишь теми моментами, которые представляли особый интерес для главного командования, в частности, развертывание наших противников до начала операций, установление которого является наиболее трудной задачей для разведывательной службы. Не рискуя оказаться нескромным, можно утверждать, что наши расчеты, основанные на сопоставлении и комбинировании различных данных, были очень близки к действительности. Во всяком случае, наша разведывательная служба не уступала неприятельской, а зачастую далеко ее превосходила.

Во второй половине войны выдающуюся роль играла радиоразведка (за исключением балканского театра). Ряд лет я усердно, но безрезультатно искал в литературе каких-либо указаний на то, что наши непосредственные противники также пользовались этим средством разведки. Другое наше новое средство – подслушивание телефонных разговоров – скоро было скопировано противником. В связи с применением этого [237] средства непосредственно на фронте его нельзя было так строго сохранить в секрете, как радиоразведку. Последняя до конца войны оставалась величайшей тайной австро-венгерской армии. {35} Все офицеры и солдаты различных национальностей, работавшие в этой области, оказались верны своему долгу и строго охраняли секрет.

Третье новейшее средство разведки – авиация – развилось только во время войны. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы один из наших отважных летчиков когда-нибудь обстоятельно изложил результаты воздушной разведки.

Хотя всевозможная переписка является одним из древнейших источников сведений, все же систематическая разработка переписки военнопленных, с применением последних достижений техники и химии, вряд ли имела место когда-либо ранее. В связи с длительностью войны и огромным количеством военнопленных этот источник информации давал ценные результаты.

Значительная часть сведений о противнике была нами получена от неприятельских пленников, которые временами, на отдельных участках, служили единственным источником информации. Естественно, что русские, сербы, итальянцу также находили словоохотливых помощников среди пленников соответствующих национальностей. Наше положение было в этом отношении менее благоприятным.

Очень ценные сведения получали мы от неприятельских генералов, не прибегая при этом ни к каким мерам принуждения. На основе показаний взятых в плен итальянских, французских и английских летчиков составлялись подробные доклады. Так, например, со

слов одного из летчиков итальянской эскадрильи, возглавлявшейся д'Аннунцио и бомбардировавшей в 1918 г. Вену, мы составили доклад на 7 страницах печатного текста с несколькими схемами. Мне самому приходилось опрашивать пленников итальянцев, которые наперебой старались давать нам нужные сведения и даже с яростью исправляли друг друга.

Разумеется, у подавляющей части неприятельских офицеров не так легко было получить какие-либо сведения. Но нередко вовремя предложенная папироса или стакан вина делали чудеса. Наконец, пленников было так много, что не было смысла долго задерживаться с теми, кто отмалчивался. [238]

Кроме того, приборы для подслушивания, установленные в бараках, позволяли перехватывать откровенные взаимные беседы пленников, считавших, что их никто не слышит.

Главное командование неоднократно указывало на недопустимость разглашения пленными сведений о своих войсках и угрожало репрессиями по возвращении их на родину. Тем не менее, захваченные документы показывали, что многие наши бойцы, попавшие в плен, давали, независимо от национальности, такие показания, которые можно квалифицировать только как явную измену. «Психоз пленения» еще не являлся достаточным объяснением этой разговорчивости. Он может обнаружиться лишь спустя известное время, но не в момент захвата в плен. Понятно, что сведения о фамилии, наименовании части и годе рождения давались охотно, и они были весьма ценны для противника. Пленный думал о своих близких и полагал, что таким путем он скорее всего известит их о своей судьбе. Кроме того, часто он не понимал, что вещи, казавшиеся ему общеизвестными, являлись для противника откровением. Это заблуждение особенно усиливается в том случае, если ведущий опрос, пользуясь знанием отдельных деталей, умело делает вид, что ему все и так хорошо известно. Однако, когда опрос длится часами и все время вращается вокруг вопросов, носящих секретный характер, пленный должен проявить осторожность. Но, тем не менее, он продолжает говорить...

Действительной причиной преступной болтливости я считаю страх беззащитного безоружного пленного перед противником, перед насилием конвоя или опрашивающего. На многих могли повлиять ужасы, рассказывавшиеся о жестоком отношении противника к пленным. Все же я не могу отрицать, что у нас не было должного инструктирования о том, как нужно вести себя в плену. Правда, эта тема является весьма щекотливой. Несомненно одно, что вред, причиненный нам показаниями попавших в плен, был очень велик.

В течение войны достигнутые успехи при опросе пленников несколько оттеснили агентуру на задний план. Но, тем не менее, она ни в коем случае не потеряла своего значения. Неоднократно создавалась такая обстановка, когда она оставалась последним и единственным средством. Приходилось всегда иметь наготове известное число агентов, правильное использование которых столь же важно, как и специальная их подготовка. В последней нуждаются и военнослужащие, которые привлекаются к агентурной работе. [239]

Если в мирное время мы вынуждены были постоянно бороться с недостатком денежных средств, то во время войны это препятствие отпало. Все расходы по разведке, включая и контрразведку, премии за успешную работу по подслушиванию и цензуре, стоимость печатных изданий и т. п., составили за все время войны около 20 миллионов крон. Разумеется, в эту сумму не входило денежное довольствие сотрудников войсковых разведорганов.

В среднем личный состав разведывательной и контрразведывательной службы, без органов цензуры и контроля за «возвращенцами», насчитывал около 300 офицеров, 400 полицейских агентов и 600 солдат. В продолжение войны к работе в органах агентурной разведки было привлечено в общей сложности до 2 500 офицеров и чиновников, но большинство из них на очень короткое время; основной же кадр опытных работников оставался стабильным.

Записи об агентах были сожжены, поэтому я могу лишь ориентировочно указать, что общее число их достигало 2 000 человек, часть из них была снята с работы как непригодные и ненадежные; некоторые, подозревавшиеся в шпионаже на обе стороны, были отданы под

суд или интернированы. К концу войны на работе оставалось около 600 агентов.

Жертвы, как, например, гибель Ларезе, были неизбежны. Следует, в частности, упомянуть печальную судьбу лейт. Паламара, ассистента венской университетской библиотеки. Будучи кадетом, он был направлен в разведотдел 7-й русской армии. Там в начале 1916 г. ему было поручено завербовать одного офицера из русского разведотдела в Борщове. Женщина-агент, считавшаяся совершенно надежной, подготовила почву и в середине февраля 1916 г. организовала встречу Паламара с русским офицером по ту сторону Днестра, за русскими позициями. Все шло то намеченному плану. Но внезапно во время переговоров ворвалось несколько казаков и с криком «шпион» набросились на Паламара.

Через длиннейший ряд посредников штабу 9-й армии стало известно, что русские принуждали Паламара дать сведения об австрийской армии, угрожая повешением. Это оказалось безрезультатным, и его бросили в тюрьму в Каменец-Подольске, откуда перевели затем в еще более ужасное место заключения, в Бердичев, где находился штаб юго-западного фронта.

Государственный переворот принес многим офицерам разведки тяжелые испытания. Руководители крупных разведорганов, естественно, стремились прибыть в ликвидируемое разведывательное бюро главной квартиры, но это удалось не всем. [240]

Контрразведка четко выполняла свой долг до горестного конца. Мы в состоянии еще были следить за деятельностью основателей нового государства – Крамаржа, Клофача, Прейса, Корощеца, которые собрались в Швейцарии. Среди югославов пока не было единства. Крамарж и Клофач вовсе не стояли за республику; первый, в частности, слыл ярым монархистом. Когда из Парижа вернулись Бенеш и Сихрава, Крамаржу пришлось уйти в тень, хотя решение вопроса о форме правления было отложено до возвращения Массарика из Америки.

Как показала мемуарная литература, вышедшая после войны, политическая информация нашей разведки, к глубокому сожалению, вполне отвечала действительности. Сути дела не меняли мелкие ошибки, связанные с обширным размахом работы. Быстрое уменьшение шпионских дел после 1916 г. следует отчасти приписать энергичным мерам нашей контрразведки в начале войны. Возросший опыт полиции и жандармерии помог им справиться с эпидемией шпионажа.

Фактом, неразрывно связанным с работой разведки, является измена. Изменник не боится презрения со стороны врагов и друзей, когда ненависть, оскорбленное самолюбие или жажда наживы и власти получают перевес над чувством долга.

Будучи хорошо осведомлен о фактах измены против нас и в нашу пользу, я утверждаю, что в Австро-Венгрии измены происходили не чаще, чем в других странах. Но у нас слишком много о них говорилось, отчасти потому, что в начале войны действительно пришлось казнить большое количество людей за шпионаж и за оказание помощи противнику. Хотя эти измены русинов и сербов нервировали армию, но для высшего командования они, в большинстве случаев, роли не играли. Доказательством могут служить жалобы неприятельских штабов на слабые результаты их агентурной разведки. Если учесть, что противник получал информацию путем подслушивания телефонных переговоров, опросом пленных и через своих агентов, то роль изменников представится еще более незначительной.

Неудачи не должны всегда связываться с изменой, хотя обычно на нее сваливают вину.

В Италии каждое поражение вызывало болезненную шпиономанию. Перебежчики, выдававшие противнику планы намеченных наступлений, бывали и у нас, но они не приносили большого вреда при хорошей подготовке операции. Во время июньского наступления 1918 г., помимо измены перебежчиков, сыграла роль слабость местной тактической (войсковой) разведки, не заметившей контрмер противника. К этому еще добавилась [241] беззаботная болтовня по телефону, лучше, чем перебежчики, информировавшая противника.

Задачи разведывательной службы во время мировой войны вышли далеко за первоначальные рамки. Повсюду, вовне и внутри, она должна была иметь глаза и уши в

области военной политики, экономики и техники. В этой гигантской борьбе, не ограничившейся одними рамками полей сражений, было бесчисленное множество уязвимых пунктов, требовавших использования или защиты. Эта задача легла на разведывательную службу, которая в мирное время получала столь слабую поддержку. Ее обе основные ветви – разведка и контрразведка – стремились честно выполнить свой долг. Наше неприкрашенное изложение даст объективному читателю достаточно материала для оценки успешности работы агентурной разведки Австро-Венгерской империи.

Приложение. Альберт Петё. «Полковник Редль»

Макс Ронге в своих мемуарах посвятил целую главу делу полковника Редля. За прошедшее с 1930-х годов время ученым стали известны многие новые подробности этой загадочной истории. В приложении – статья австрийского автора Альберта Петё о знаменитом шпионе.

Альберт Петё – австрийский историк и публицист, автор книги «Шпионы для двуглавого орла», посвященной разведке Австро-Венгрии во время Первой мировой войны.

Источник: <http://www.agentura.ru/library/redl/>

Оригинал: Albert Pethc «Oberst Redl». Глава из сборника «Секретные службы в мировой истории», под ред. проф. Вольфганга Кригера (Geheimdienste in der Weltgeschichte, herausg. v. Wolfgang Krieger, Verlag C.H. Beck, München, 2003).

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, 2005.

Наряду с ужасной и одновременно увлекательной драмой Мата Хари шпионский скандал, разразившийся вокруг полковника Императорского и королевского Генерального штаба Австро-Венгерской монархии Альфреда Редля, принадлежит к числу самых знаменитых афер того времени.

Столь беспрецедентный в истории старой австрийской армии факт государственной измены элитного офицера, занимавшего такую важную должность, не зря послужил сюжетом множества журналистских статей, книг и фильмов, хотя в них очень часто были смещены акценты по отношению к исторической правде. От Стефана Цвейга и Эгона-Эрвина Киша до фильма Иштвана Сабо, от 1920-х годов до современности, этот случай был описан неоднократно, но почти ни одна деталь в этих описаниях не соответствует действительности. Вот лишь один пример: «Этот внешне выглядевший в точности как любой иной средний хороший австрийский офицер полковник, доверенное лицо наследника престола; ему был доверен самый важный отдел – секретная служба армии; и он должен был бороться с разведками противника. Но теперь, в 1912 году, в ходе балканского кризиса, произошла утечка самой важной тайны австрийской армии – плана боевого развертывания. Он был продан в Россию, что могло стать причиной беспримечной катастрофы в случае войны, потому что русские заранее знали каждое продвижение австрийской наступающей армии. Паника в кругах Генштаба... была ужасной... И министерство иностранных дел, не совсем надеясь на сноровку военных властей, не уведомляя Генштаб, решило само провести расследование и поручило полиции, помимо всех прочих мероприятий, проверять все письма «до востребования», приходящие из заграницы, не обращая внимания на тайну переписки. Однажды в почтамт поступило письмо со станции Подволочиска на русской границе на адрес «Опернбалль». При открытии выяснилось, что внутри конверта не было письма, зато лежали восемь свеженьких купюр в тысячу крон каждая. Эта подозрительная находка тут же стала известна полиции. К окошку почтамта был направлен сыщик, чтобы немедленно арестовать человека, обратившегося за этим письмом. На мгновение история превратилась из

трагедии в уютный типично венский фарс. В обеденное время на почте появился некий господин и спросил о письме с адресом «Опернбалль». Почтовый служащий тут же подал скрытый сигнал сыщику. Но сам сыщик как раз отправился на обед, чтобы выпить кружку пива... – Вот такая история.

Естественно, сыщик не ушел выпить пива, письмо лежало на почте в ящике, но отправлено оно было в Берлине, а не в местечке с непроизносимым названием, похожем на названия из романов Йозефа Рота, и на адрес Никона Ницетаса, а вовсе не на «Опернбалль»... Это только начало необходимых исправлений, но все равно – такое описание дела Редля – здесь оно взято у Цвейга – повторяется неоднократно и у других авторов и читается, конечно, с большим интересом.

(Цвейг, «Вчерашний мир». Только одна деталь – «Опернбалль» («Бал в опере») – название оперетты Рихарда Хойбергера, написанной в 1898 году и очень популярной в течение не меньше двух десятилетий после того. Первым эту ошибку (адрес – Опернбалль, 13) допустил Эгон-Эрвин Киш в 1924 году в «Деле начальника Генерального штаба Редля», то же самое написал немец Берндорфф в «Шпионаже» (1929), и даже англичанин Филипп Найтли во «Второй древнейшей профессии» (русский перевод – «Шпионы XX века») уже в 1986 году. Здесь и далее – примечания автора).

Самое захватывающее в секретных службах – именно то, что они секретны. Это осложняет одновременно и достоверное описание важных событий. Личность и жизнь полковника во многих отношениях типичны для этого жанра, даже в нашем случае, когда на образ исторического Редля уже наложились гигантские пласты фантастических предположений и самых смелых выдумок. Но стоит поставить себе вопрос, что же, по всей вероятности, произошло на самом деле, как тут же выяснится, что правда оказывается ничуть не менее захватывающей, чем вымысел.

Раскрытие измены

Начинающееся двадцатое столетие все еще освещалось теплым светом уходящей эпохи, но в скрытой войне шпионских аппаратов уже проявлялись первые признаки того, как резко изменится вскорости жизнь в Европе. Гонка вооружений и создание враждебных союзов сверхдержав, постоянная погоня за секретными сведениями, «Европа, казалось, превратилась в джунгли интригующих друг против друга разведок, ярмарку шпионов, курьеров, агентов, наводчиков и вербовщиц. «. Не было ни одного фешенебельного отеля, в котором не вели бы разведчики противоборствующих сторон свою холодную войну, «не было ни одного военного сооружения, на которое не направлялся бы жадный взгляд вражеских шпионов». Создалась целая индустрия шпионажа, которую помимо планировщиков генштабов, обогащали своим участием «бесчисленные странные и сомнительные личности», авантюристы, дамы полусвета, изгнанные из армии офицеры, банкроты, гешефтмахи, жулики, проходимцы, сумасшедшие, приписывающие себе секретные задания, чтобы заработать на темных интересах великих держав. Целые воровские шайки работали на разведки. К ним присоединялись патриоты, борцы за национальное освобождение (что бы ни понимать под этим словом), герои и фанатики. «Континент все более напоминал сцену Комической оперы, на которой столпились сотни тайных агентов», чтобы вести одновременно прибыльную и рискованную игру в «разведчиков и контрразведчиков»

(Хайнц Хёне «Война в сумерках». Макс Ронге «Военный и промышленный шпионаж», Януш Пекалькевич «Всемирная история шпионажа». Другими примерами могут служить Мата Хари и жизнь авантюриста Игнаца Требича-Линкольна.)

Разносторонняя военная деятельность весьма компетентного офицера Альберта Редля (в конце концов, именно он обучил того офицера, который его и разоблачил) как раз припали на эти годы перед Первой мировой войной. Внезапный поворот в карьере одновременно талантливого и эксцентричного офицера Генштаба привел к тому, что письмо на имя «Никона Ницетаса», уже довольно давно лежавшее в главном венском почтамте у Мясного рынка, в апреле 1913 года, как до сих пор не забранное, вернулось назад в Берлин, откуда его и отправили. Настоящим отправителем был Генеральный штаб России. Адресат, которому направлялось столь опасное послание, полковник Редль то ли не ждал его, то ли забыл о нем. На почте в Берлине конверт открыли, чтобы, возможно, узнать что-то об его отправителе. Из ряда вон выходящая сумма в «шесть тысяч крон ассигнациями» и, возможно, коротенькая записка с двумя адресами, возбудили любопытство немецкой почтовой цензуры, потому письмо было передано майору Вальтеру Николаи, с 1913 года начальнику отдела ШВ (разведывательного отдела) Большого прусского Генерального штаба. Адреса, один в Париже, другой в Женеве, были хорошо известны и немецкой и сотрудничавшей с нею австрийской контрразведке. Указанный отправитель, Й. Дитрих, был одним из «почтовых ящиков», используемых русской разведкой в Берне, что тоже было точно известно. Потому что уже в 1907 году австрийские и немецкие спецслужбы в сотрудничестве со швейцарцами провели расследования, обеспокоенные усилением координации французской и русской разведок в Швейцарии, направленной против Центральных держав. Началось изучение шпионских сетей в Швейцарии, и оно принесло успех. Всеобъемлющее наблюдение и контроль при поддержке контрразведки швейцарского Генштаба позволили немцам и австрийцам детально понять систему курьеров и связи противника. Им удалось сделать это незаметно. Потому адреса и имена, используемые в качестве прикрытия, конспиративные квартиры и «почтовые ящики», агенты и курьеры продолжали использоваться. И когда такие адреса всплыли в этой записке, легко было сделать вывод, что «Никон Ницетас» – агентурный псевдоним, а письмо с деньгами – гонорар за проведенную или будущую шпионскую деятельность.

Николаи сообщил о письме в Вену – «Эвиденцбюро» – военной разведке монархии Габсбургов. «Нет никаких подсказок, чтобы определить личность адресата. Запрос на почте результатов не принес... Там никто не вспомнил, отправлялись ли ранее письма на тот же адрес»

(Описание дела Редля опирается на серьезную литературу по этой теме, в частности на книгу Макса Ронге «Военный и промышленный шпионаж» – ее автор был руководителем разведотдела Эвиденцбюро и вместе с полицией расследовал дело Редля, книгу Хайнца Хёне «Война в сумерках» и на найденную военным историком бригадным генералом Райфбергом военно-историческую работу генерал-майора ГРУ Михаила Мильштейна (1961). Кроме того, использованы сведения капитана Цержави, офицера Эвиденцбюро в 1913 году, и досье, хранящиеся в Военном архиве Вены.)

Расследование было поручено капитану Максиму Ронге, офицеру разведки, возглавившему штаб в Эвиденцбюро для охоты на «Ницетаса». Шеф государственной полиции Эдмунд фон Гайер направил нескольких полицейских для контроля за получателями писем «до востребования» на главном почтамте Вены. «Оставалась надежда, что адресат или посланный им курьер все-таки спросит о письме». Так и случилось: ключевая сцена в шпионской литературе стала реальностью. За это время поступило еще несколько аналогичных писем. Вечером 24 мая 1913 года полковник Редль их забрал. Так как он был в гражданской одежде, в нем сначала не узнали военного, но полиция проследила за ним до отеля, а там его идентифицировал один из служащих. Полицейские доложили Гайеру, тот позвонил Ронге. Разорванные и выброшенные Редлем почтовые квитанции от писем, отправленных на адреса прикрытия за границей, собственноручно подписанное им на почте

подтверждение получения, да и само поведение Редля, заметившего слежу за собой, не оставляли сомнений. Ронге проинформировал своего шефа и взял с собой военного судью, без которого нельзя было сформировать «необходимую для вмешательства судебную комиссию». Начальник Императорского и королевского Генерального штаба Франц Конрад фон Хётцендорф приказал «арестовать полковника Редля». Редль был подвергнут допросу в своем номере в отеле «Кломзер» комиссией офицеров. Во время допроса он признался Ронге, что «в 1910 т 1911 годах оказывал крупные услуги иностранным государствам» и действовал без сообщников. Это оказалось верным. После этого комиссия удалилась, чтобы «дать возможность преступнику быстро покончить с жизнью». Редль застрелился из переданного ему пистолета. Смерть «бывшего полковника» была установлена одним «детективом» утром следующего дня, который вошел в по прежнему находящийся под наблюдением отель. Шеф Эвиденцбюро полковник Август Урбански и военный аудитор, занимающийся расследованием, оба в штатском платье, утром 25 мая выехали в Прагу, сообщили обо всем тамошнему военному коменданту, начальником штаба у которого был Редль, и начали обыск в квартире и в бюро Редля. Гарнизонному суду в Вене было сообщено лишь о том, что полковник Редль совершил самоубийство, и Генеральный штаб назначил расследование. За это время в военную канцелярию императора была послана первая «телефонная депеша»: «Полковник Генерального штаба Альфред Редль... сегодня ночью застрелился в отеле «Кломзер» по пока не выясненным причинам». Другая подобная краткая депеша была передана 26 мая в прессу. Следствие в Праге было завершено 26 мая.

Неудавшееся запутывание следов

Усилия Эвиденцбюро и начальника Генштаба были направлены – и совершенно правильно – на то, чтобы скрыть истинные причины самоубийства. Вред, нанесенный монархии аферой Редля можно разделить на саму передачу военных секретов противнику и ее последствия и на последовавший за этим «грандиозный скандал» уже со своими собственными последствиями. Так как первое уже нельзя было предотвратить, военные попытались хотя бы избежать скандала. Вся ситуация требовала быстрой реакции. Потому с точки зрения разведки было вполне разумно как только возможно помочь Редлю в осуществлении его намерения совершить самоубийство, чтобы избежать дальнейших и, возможно, публичных расследований. Даже в Эвиденцбюро лишь узкий круг офицеров знал о случившемся. Затем публикации уже ожидали первые указания на развившиеся «за последнее время» «нарушения психики очень талантливого офицера». В эту концепцию вписывались и запланированные похороны со всеми воинскими почестями. То, что запутывание следов все-таки не удалось, было самой большой ошибкой, испортившей весь успех от разоблачения «крота». Но постоянно повторяемая критика в адрес офицерской комиссии, хотя и справедлива, все же не учитывает того, что Австро-Венгрия в то время была правовым государством, а императорский и королевский офицерский корпус полностью отвергал саму мысль о политическом убийстве, осуществленном секретной службой. В отличие от Сербии, Советской России и Третьего Рейха в Австрии ни до ни после Первой мировой войны нельзя было себе даже представить, чтобы какой-то человек мог быть просто ликвидирован или исчезнуть без следа. Руководящие лица в офицерской касте старой армии даже во время мировой войны отнеслись бы к этому более чем отрицательно. И именно вследствие этого старого кодекса чести, столь сильного в те годы, Редль совершил это самоубийство.

С другой стороны, прав и капитан Герман Цержави, один из офицеров контрразведки, занимавшийся расследованием дела Редля, который с огорчением писал: «то, как избавились от дела Редля, ... нанесло особый вред Императорскому и королевскому Генеральному штабу... три офицера Генерального штаба занялись в очень узком кругу этим делом, не привлекая к себе внимания публики. Но это совершенно не удалось. Вместо быстрого вмешательства, допроса и мгновенного вывоза его из Вены, они позволили Редлю до

полуночи бродить в сопровождении очевидной слежки, пока он сам не вернулся в отель. Много часов члены комиссии находились в отеле «Кломзер» и вокруг него, а также в кафе «Централь», в полной военной форме, затем провели допрос, и патрулировали... после того переулки вокруг отеля, до утра... Потом они послали проверить, мертв ли уже преступник. Эта активность не могла не привлечь внимания газетных репортеров, обычно поддерживающих контакт с отелями и кафе, хотя при желании ее легко можно было бы избежать...

(Мильштейн, «Дело Редля». Генерал-майор Мильштейн полностью одобрил поведение Конрада фон Хётцендорфа. Хёне, Пекалькевич, досье венского Военного архива.)

Как и через кого точно эта история стала известна общественности и попала в газеты, точно неизвестно до сих пор. Но в любом случае это не было заслугой «неистового» репортера Киша, как тот утверждал после войны. Уже 29 мая в иностранных газетах появилось так много статей с разоблачением дела Редля, что Хётцендорф был вынужден отказаться от своей тактики замалчивания. Волна возмутительных и насмешливых комментариев, подозрений и безрезультатных намеков пронеслась по армии. Раскрытие аферы заставило наконец начальника Генерального штаба к одной из самых неприятных аудиенций за всю его карьеру – у наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, и без того не вызывавшего дружеские чувства у военных. А Урбански из-за этого провала был уволен с должности начальника Эвиденцбюро. Нужно отметить, что вопреки многим утверждениям и император и наследник престола были в полной мере и в соответствии с порядком своевременно (до скандала) проинформированы начальником Генерального штаба об измене Редля. (данные из Военного архива Вены)

Значение измены

Важный вопрос – как следует оценить измену Редля и нанесенный им вред. Утверждения, что будущий противник монархии в мировой войне получил благодаря Редлю «многие важные карты в руки», и что эта измена даже предопределила исход войны, что Редль был «палачом австрийской армии» и подорвал «фундамент военной и государственной организации», являются огромными преувеличениями.

(Например, см. Маркус. «Дело Редля», Киш, Штернберг, Шютц)

С другой стороны, карьера Редля была необычной и дала ему в руки важные рычаги военной власти. Особенно важны для его иностранных спонсоров были знания о системе военных железных дорог в Австро-Венгрии, собранные им еще в 1894–1895 гг. во время его работы в железнодорожном бюро, его долговременная деятельность в центре австрийской разведки, в 1900–1905 гг. в русском отделе и в разведотделе, а затем снова в 1907–1911 гг. в качестве заместителя начальника Эвиденцбюро и, наконец, его должность начальника штаба VIII корпуса, которой он оптимально мог воспользоваться. Но когда началась его предательская деятельность? С уверенностью это не смогла выяснить и австрийская контрразведка, но это не имело большого значения, поскольку там и так были согласны с тем, что вред, нанесенный Редлем, очень велик. Признание Редля касалось годов 1910 и 1911, публике, по понятным причинам, сообщили о 1912 году, следствие указывало на 1907, и даже на 1905 год. Был проверен счет Редля в Новой Венской сберегательной кассе. «С начала 1907 года вклады Редля стали необычно быстро возрастать» и достигли 17400 крон. В ноябре 1908 года последовали еще 5000 крон, в июле 1909–10000, в октябре 1910–6000, в апреле 1911–10000, в мае 1911–37000, в июне 1911–12000 крон. Все вклады с 1905 года достигли общей суммы в 116700 крон. Редль был зажиточным человеком. Расследование показало, что с 1907 года Редль вел роскошную жизнь, имел слуг, лошадей, оказывал

денежную помощь лейтенанту Штефану Хоринке, в 1911 году купил два автомобиля. Эти результаты, указывающие на 1907 год, совпадают с интересными сведениями из русской литературы. Летом 1905 года в Вену прибыл новый и очень способный военный атташе России Марченко. Уже осенью 1906 года Марченко сообщал «о желаниях очень ценного человека», который готов за большие деньги поставлять важную военную информацию. Предложение, очевидно анонимное, было отвергнуто. (Мильштейн, Райфбергер, «Австрийский военный журнал») Вполне можно предположить, хоть это и недоказуемо, что речь шла именно о Редле. Российский атташе вскоре познакомился с Редлем лично на официальной встрече, и это было не случайно. «Марченко понял, что Редль был контрразведчиком, и вел себя осторожно». В октябре 1907 года Марченко послал в Санкт-Петербург такую характеристику Редля: «Альфред Редль, майор Генерального штаба, второй помощник начальника Эвиденцбюро Генерального штаба... среднего роста, светлые волосы... коварный, замкнутый, внимательный и с чувством долга, с хорошей памятью. Внешность слащавая. Сладкая, мягкая, вкрадчивая речь, осмысленные и медленные жесты, скорее хитрый и лживый, чем умный и талантливый. Циник. Любитель женщин. Любит развлекаться». Сообщение интересно тем, что в нем указано, что вопреки мнению авторов многих стандартных историй об этом деле, Редль не был шантажирован русскими как гомосексуалист. Опытный разведчик сумел хорошо скрыть свои «ненормальные» наклонности.

(Мильштейн. В русских источниках нет никаких указаний на шантаж. Русские источники также свидетельствуют, что Редля завербовал российский военный атташе в Вене Марченко, а не варшавский атташе Батюшин. Шантажирование Батюшиным Редля и его вербовка либо непосредственно им, либо его агентом, балтийским немцем Аугустом Праттом, были выдумками авторов книги «Разоблаченная разведка» Боша, Шойца и Шютца, безо всяких указаний на источники. Затем это повторили Аспрей, Маркус, Армор и Пекалькевич. И Киш тоже писал о якобы шантаже, но уже со стороны Марченко. Урбански, в то время шеф Эвиденцбюро, подтверждает, со своей стороны, что экстравагантность Редля была неизвестной коллегам, и его как раз считали бабником. Недавно рассекреченные в России документы показывают, что Редль действовал совершенно анонимно, и русским стало известно об его личности лишь после разоблачения.)

Скорее всего, верно мнение Хётцендорфа, высказанное им в краткой докладной записке в военную канцелярию императора, написанной 26 мая 1913 года: «В соответствии со служебным регламентом, часть первая, сообщаю вам, что проведенное непосредственно после смерти полковника Альфреда Редля, начальника штаба VIII корпуса расследование, показало с полной достоверностью следующие причины его самоубийства: 1) гомосексуальные связи, которые привели к финансовым затруднениям и 2) продал агентам иностранной державы служебные документы секретного характера». (Документы Военного архива Вены) Самое вероятное и простое объяснение мотивов: Редлю нужно было много денег, и русские их ему предложили.

Что же выдал Редль, и какие последствия имела его измена? Эвиденцбюро после анализа оставшихся после смерти Редля вещей и документов установило, что среди бумаг полковника были следующие секретные документы: «секретные служебные инструкции об охране железнодорожных сооружений, о минных заграждениях, об организации воинских перевозок, потом «боевое расписание», различные документы и схемы, связанные с разведывательной деятельностью, «секретный справочник» для высших командиров, мобилизационные предписания на случай войны, обзор мероприятий контрразведки в Галиции во время кризиса 1912–1913 годов, листки с именами австрийских агентов, «списки адресов прикрытия иностранных Генеральных штабов», «шпионская корреспонденция» с иностранными разведками, адреса прикрытия, от которых Редль получал письма, наконец,

«фотографии крепости Козмач» и съемки маневров 1910/1911 гг. Вывод Эвиденцбюро таков: «Данный материал доказывает, что государству был нанесен большой моральный и материальный ущерб, величину которого определить в цифрах совершенно невозможно. С этой точки зрения необходима переработка многочисленных служебных инструкций и справочников и дорогостоящее изменение конкретных военных приготовлений». Кроме того, австрийским разведчикам и военному руководству было совершенно ясно, что такая большая сумма, как 59 тысяч крон, которая только в 1911 году оказалась на счете Редля, не могла не быть оплатой за что-то очень важное, значительно повредившее «важнейшим интересам монархии», то есть за «план наступления» против основного противника – России, как предполагал и Макс Ронге, хотя Редль во время своего признания в отеле «Кломзер» об этом плане не упомянул. (Мемуары Ронге: «Самым важным было предательство плана наступления против России») Русские источники подтверждают предположение австрийских военных. «Достаточно сказать, что Редль передал план австро-венгерского наступления против России. На этом плане основывались маневры в Киевском военном округе, где вероятный противник действовал точно так, как предполагали планы австрийцев». (Мильштейн, Головин «Русская кампания», («Киевские военные маневры»)) Планирование стратегического развертывания перед наступлением потенциального противника и с ним, «знание пространства, в котором враг сконцентрирует свои силы для наступления» и «распределение сил на этой территории» были вполне стоящей добычей. «Получение» вражеского плана наступления и развертывания считалось «высшей целью службы военной разведки» и за шпионаж, направленный на получение такой информации платились «самые большие суммы». (Урбански, в сборнике «Шпионаж мировой войны») Конечно, и тут были свои ограничения. Именно в планах наступления, стратегического развертывания и т.п. никогда нельзя быть уверенным в надежности полученного документа, не говоря уже об огромном количестве распространявшихся фальшивок.

Но многое можно было выяснить и без получения детальных планов противника. Планы развертывания Первой мировой войны основывались, в первую очередь, на железнодорожном транспорте. Линии железных дорог и их пропускная способность были, в общем, известны противоборствующим сторонам. Потому важной частью разведки был контроль за железными дорогами, офицеры и агенты разведки регулярно разъезжали по магистралям соседних стран. Кроме того, стратегическое развертывание всегда приспособлено к условиям местности и внешнеполитическому положению страны. Потому генералам царя Николая II было понятно, что само положение русской Польши соблазняло Центральные державы на удар по ней с юга и с севера с целью окружения, потому Россия планировала развертывать свои войска не непосредственно у своих западных границ, а глубже на востоке. Точно так же австрийцы не могли не заметить, что удар русских по ним может быть нанесен именно в Галиции с севера и с востока, что и подтвердилось в 1914 году, когда началась война.

Конечно, выдача противнику плана стратегического развертывания – событие редкое, но случай Редля, тем не менее, беспрецедентным назвать нельзя. Для Австро-Венгрии он, может быть, и был уникален, но если сравнить с Россией...

С 1889 года один офицер Генерального штаба Российской империи по до сих пор не выясненным мотивам передавал немцам «все важные материалы, проходящие через его стол». «В первый раз немецкие аналитики смогли прочесть важные русские секретные доклады, отмеченные красными регистрационными номерами: ежегодный доклад военного министра царю о состоянии армии, отчет – в приложении к докладу, расписание сухопутных войск, совершенно секретный отчет военного министерства о дислокации российских частей и соединений и номерное ежегодное расписание с планами стратегического развертывания каждого военного округа».

(Хёне, Ронге, Деграйф, «Оперативное планирование» (С 1882 года между австрийским и немецким Генеральными штабами осуществлялся регулярный обмен сведениями о российской армии и ее планах.))

В 1892 году австрийцам удалось приобрести «одноверстовую карту» (масштаб 1 : 42000), в 1893 году – большое расписание и еще одну разработку российских планов развертывания, в 1894 – доклад за предыдущий год и информацию о сотрудничестве между российскими и французскими разведслужбами на случай войны. В 1895 году ими было получено «Штатное и списочное состояние», разработку Генштаба о штатном и фактическом составе войск, и меморандум командующего Варшавским округом о предполагаемых военных намерениях Центральных держав, в 1896 – доклад и расписание, в 1897 – расписание, доклад за предыдущий год и отчет за позапрошлый год, в 1902 г. – снова разработка планов развертывания. Кроме того, австрийцы узнали, что с 1903 года русские основные свои военные усилия концентрируют в Восточной Азии, а в Европе их войска вплоть до 1906 года были значительно ослаблены. В 1908 году за 10 тысяч рублей ими был куплен последний план развертывания российской армии – полный аналог измены Редля. Но план оказался не таким простым и даже коварным. Под влиянием революционных беспорядков 1905 года после проигранной войны с японцами в России были сформированы дополнительные корпуса, но не для войны с внешним противником, а для подавления внутренних волнений. Но в плане, попавшем в Вену, они обозначены не были – петербургский, финский, московский гренадерский, несколько кавказских и сибирских корпусов. Но к началу мировой войны в России уже наступила стабильность, и эти войска все-таки появились на театре военных действий. В купленном австрийцами плане не указывались также многие резервные дивизии, сформированные за счет «французских кредитов». После маневров о них просачивалась некоторая информация, но их точное количество и численность не были известны. Но «данные из считавшего аутентичным плана развертывания» надолго оказывали «внушающее влияние» на военных империи Габсбургов, «хотя многие признаки говорили о том, что они не в полной мере соответствуют действительности», как позднее подытожили сами австрийские офицеры.

(Урбански, в «Шпионаже мировой войны». Есть предположения, что план 1908 года вообще был русской дезинформацией. Автор, однако, считает, что в основном он совпадал с реальными планами Генерального штаба России, т.е., скорее всего, был правильным.)

Разрушенные сети

Другой аспект предательства Редля был столь же неприятен, как продажа плана развертывания. Австрийский полковник со столь предосудительными, как и дорогими наклонностями, возможно, выдал всех известных ему австрийских агентов в России. (Хёне) То, что Редль параллельно передавал наверх еще и российскую дезинформацию, тоже легко можно предположить, но доказательств этого нет. Но в любом случае Редль не был единственным важным фактором. В 1890-е годы Эвиденцбюро располагало в царской империи «более чем сотней агентов и множеством шпионов, выполнявших поручения время от времени» и прекрасно ориентировалось в русских тайнах. (Райфбергер намекал на русскую дезинформацию, но Мильштейн ни о каких дезинформациях в связи с делом Редля не сообщал. См. также – Хёне). Но с 1903 года, когда наступила последняя фаза сближения между обеими монархиями, шпионаж против России был ослаблен. Возможно, важно и то, что измена Редля припадала как раз на последние годы этой разрядки, то есть на 1907–1908 годы. Во время русско-японской войны между державами Габсбургов и Романовых было налажено вполне эффективное разведывательное сотрудничество. Потому можно предположить, что вначале Редль исходил из того, что оказывает услуги дружественной стране. Это облегчало его измену, которую можно было бы рассматривать как своего рода неформальный обмен информацией. Когда международная обстановка обострилась – после 1908 года – и австрийцам нужно было воспользоваться своими разведывательными сетями,

оказалось, что от них почти ничего не осталось. А создать их заново не удавалось, но виноват в этом был не Редль, а нехватка денег. Причин того, что как раз в годы, предшествовавшие войне, австрийская разведка оказалась почти бессильна против своего грозного восточного соседа, несколько. Хотя с 1913 года предпринимались попытки активизировать старые и создать новые шпионские сети в России, но удавалось завербовать только «мелких шпионов», потому достаточно хорошо ориентироваться в «важных процессах военного характера» не удавалось, а вербовка лиц, занимавших важные должности, сорвалась. Последствия возможного предательства потому невозможно было устранить до начала войны из-за дефицита и денег и времени. Полный масштаб подготовки России к войне, во всяком случае, не был определен австрийской разведкой. Но маловероятно, что и более правильная оценка русского военного потенциала, если бы даже она и удалась австрийской разведке, смогла бы в значительной мере повлиять на принимаемые австрийским командованием военные решения 1914 года – слишком мало было у него возможностей для маневра.

Маскировка и обман

Но и русским проданный им австрийский план принес не больше пользы, чем австрийцам – русский. «В письменном столе Редля было найдено так много записок об адресах прикрытия и пунктах курьерской связи русских», что австрийскому Генеральному штабу было нетрудно, «наполнить разведывательные каналы противника дезинформацией».

(Хёне, Мильштейн. «Редлю были даны т.н. почтовые ящики – несколько адресов в нейтральных странах, вроде Норвегии и Швейцарии – куда он мог бы тайно пересылать письма и фотографии».)

Для этого самым важным было не дать противнику узнать, что знаешь сам. Это было причиной раздутых журналистами скандалов, когда военное руководство всеми силами стремилось скрыть сначала сам факт предательства и разоблачения Редля, а затем его значение и особенно его масштабы. Так как имелись все основания предполагать, что стратегические планы на 1911 год стали известны противнику, для публики было заявлено, что согласно «всем найденным сведениям» «первый след шпионажа» был отмечен 1912 годом. Еще стало известно, что кроме нескольких «инструкций общего характера, связанных с мобилизацией вооруженных сил, не были выданы никакие иные конкретные военные приготовления последнего времени, потому что Редль просто не имел к ним доступа». Немцев друзей тоже предумышленно ввели в заблуждение относительно масштабов предательства. (Кроненбиттер, частный разговор между Мольтке-младшим и Хётцендорфом) Кроме того, продолжали упорно настаивать на том, что Редль производил впечатление «человека, внезапно заболевшего психической болезнью», что он давно носился с мыслью о самоубийстве, что он только незадолго до смерти по причине нехватки денег, вызванной его «фатальной страстью» совершил измену. То есть, все сводилось к тому, что хотя это и было омерзительным преступлением, но совершил его человек в состоянии психической неуравновешенности, неспособный к рациональным поступкам, и потому значение его поступков не стоит переоценивать. Общественности был представлен отчет о медицинском вскрытии, доказывавший «болезненные изменения» головного мозга. И потому, в конце концов, несмотря на некоторые промахи, удалось направить развитие аферы в нужном направлении. Российский Генеральный штаб в начале войны все еще исходил из предположений, что проданный ему план стратегического развертывания австрийской армии оставался в силе. В заново переработанном российском стратегическом плане 1913 года были точно учтены все сведения, доставшиеся русским благодаря Редлю, и русское наступление основывалось именно на них. Русские планировали охватить с двух сторон ожидавшееся далеко на востоке продвижение австрийцев и, благодаря своему численному преимуществу, уничтожить австрийские войска, марширующие, как предполагалось, прямо в

подготовленные для них «клещи». Австрийский план стратегического развертывания в своих основных чертах был составлен в 1909 году, потому вполне мог еще считаться «актуальным». Кроме того, места развертывания и направления наступления, как уже указывалось, нельзя просто варьировать по своему хотению. Но Хётцендорф изменил дислокацию своих войск в одном очень важном пункте. Когда Редля разоблачили в 1913 году, военная верхушка Австрии, очевидно, составила свое мнение о военных планах русских именно на основе того, что могла предположить, как поступят русские, имея на руках австрийский план. Источников, подтверждавших это, не обнаружено, возможно, письменных свидетельств вообще решили не оставлять, но неожиданно для противника в момент начала войны австрийские армии оказались на 100–200 км западнее ранее предполагаемых позиций. Из-за этого российскому командованию удалось в достаточной мере уяснить обстановку на фронте только к середине августа, а в начале войны – потерпеть два неприятных поражения в битвах под Красником и под Комаровом. Российские генштабисты уже после войны сделали такой анализ: «Слепо доверившись купленному у полковника Редля плану стратегического развертывания австрийской армии, императорский Генеральный штаб полностью просчитался. Обладая богатым информационным материалом о совещаниях австрийского Генштаба под руководством его начальника Конрада фон Хётцендорфа, в российском штабе считали, что располагают сведениями, в полной мере достаточными для достижения стратегического успеха». Но «основные силы австрийцев избежали удара». В конечном счете, сведения Редля «принесли больше вреда, чем пользы». (По иронии судьбы этот успех стал известен лишь спустя много лет после войны благодаря публикациям научных работ российских военных.)

(Мильштейн, Данилов, «Россия в мировой войне», А. Ф. Найтли. цитирует профессора советской Академии Генерального штаба в Москве Свечина, служившего во время мировой войны в верховном командовании российской армии. На это же указывает книга генерал-лейтенанта советского ГРУ Большакова.)

Вот и все, что касается пользы владения стратегическими планами противника. Но зато вооруженные силы царя располагали таким банальным и в то же время неоспоримым аргументом как численное преимущество; потому им, в конечном счете, удалось сломить сопротивление австрийцев и значительно продвинуться на запад. Но монархия Франца-Иосифа в стратегическом партнерстве с немцами смогла все-таки сдерживать российский натиск. Потери австрийцев были огромны, но последовавшие решения Императорского и королевского Генерального штаба предотвратили становившуюся возможной полную катастрофу всех военных сил Австро-Венгрии на полях сражений в Галиции. И одним из примененных австрийцами для этого средств было превращение аферы Редля в кампанию по дезинформации противника, оказавшейся, в конечном счете, вполне успешной и нанесшей ему значительный ущерб.

Литература

- Robert Asprey, *The Panther s Feast*, London 1959
John Le Carrй, *Dame, Kunig, As, Spion*, Hamburg 1974
Heinz Hцhne, *Der Krieg im Dunkeln. Macht und Einfluss der deutschen und russischen Geheimdienste*, Mьnchen 1985
Albert Pethц, *Agenten fьr den Doppeladler. цsterreich-Ungarns Geheimer Dienst im Weltkrieg*, Graz 1998
Janusz Piekalkiewicz, *Weltgeschichte der Spionage. Agenten, Systeme, Aktionen*, Mьnchen 1988
Max Ronge, *Kriegs – und Industriespionage. Zwцlf Jahre Kundschaftsdienst*, Wien, 1930

Примечания

{1} Гримм работал на Германию и Австрию.

{2} Факт этот изложен Ронге явно неверно. (Ред.)

{3} Пароль «герцог» французская разведслужба давала обычно непроверенным или внушавшим, сомнения агентам, в результате чего он стал известен контрразведкам почти всех стран. (Ред.)

{4} В 1907 г. Одесский военный округ послал в Галицию группу своих агентов под видом точильщиков. Австрийская контрразведка не обратила на них внимания, поэтому в следующем году почти все органы русской разведки отправили почти всех своих агентов под видом точильщиков. Ясно, что такой небывалый до того наплыв точильщиков поставил на ноги австрийскую контрразведку. (Ред.)

{5} Маринско, по-видимому, псевдоним, под которым был известен начальник разведки Киевского военного округа. (Ред.)

{6} Первый способ шифра.

a b t r
a n s p
o r t s
i e b e
n u h r

{7} Второй способ шифра.

7 8 9 0 1
2 f x b w k
3 z a g l t
4 y m c h u
5 n d q r i
6 o p e s v

a = 38

Vad = 29, 38, 58

Шифр = 293, 858.

{8} Полковник А. Фигль. Система шифрования. Грац, 1926 (Авт.)

{9} Урбанский, бывший в то время начальником разведбюро австрийского генштаба, в своих воспоминаниях, дошедших до нас в изложении Эрвина Киша («Падение полк. Редля»), о помощи Николаи ничего не говорит. Но так как письмо было отправлено из Эйдкунена, то нет ничего удивительного, что оно прежде всего попало в руки Николаи. Ронге ссылается на помощь Николаи с целью скрыть существование в Австрии «черного кабинета» для перлюстрации корреспонденции. (Ред.)

{10} Одно из писем разведотдела русского генштаба Редлю.

«Глубокоуважаемый г. Ницетас.

Конечно, Вы уже получили мое письмо от 7 с/мая, в котором я извиняюсь за задержку в высылке. К сожалению, я не мог выслать Вам денег раньше. Ныне имею честь, уважаемый г. Ницетас, препроводить Вам при сем 7000 крон, которые я рискую послать вот в этом простом письме. Что касается Ваших предложений, то все они приемлемы. Уважающий Вас И. Дитрих.

Р. S. Ещё раз прошу Вас писать по следующему адресу: Христиания (Норвегия), Розенборггате, № 1, Элизе Кьернли».

Адрес на конверте: Господину Никону Ницетас. Австрия, г. Вена.

Главный почтамт, по востребования.

{11} По данным Урбанского, все это произошло не 25.5, а 24.5 1913 г. (Ред.)

{12} По данным Урбанского, такси стоял у почтамта с работающим мотором (Ред.)

{13} По сведениям Урбанского, шофер заявил, что он отвез господина в кафе «Кайзергоф». Сыщики кинулись на том же такси в кафе. Там Редля не оказалось, но от мойщика такси у кафе они узнали, что «господин в штатском» уехал на другом такси в гостиницу «Кломзер». (Ред.)

{14} Редль занимал должность начальника агентурного отделения разведывательного бюро генштаба, т. е. ту должность, которую потом занимал Ронге. (Ред.)

{15} Этот «лучший друг» – главный прокурор генеральной прокуратуры верховного кассационного суда д-р Виктор Поллак. Ему Редль рассказал в ресторане о своей половой извращенности, говорил еще о каком-то тяжелом преступлении, но в чем оно заключалось, ничего не сказал. Редль просил Поллака помочь ему немедленно и беспрепятственно выехать в Прагу или, в крайнем случае, поместить его в санаторий. Поллак позвонил начальнику политической полиции. Последний ответил, что до утра он ничего сделать не может. (Ред.)

{16} Урбанский утверждает, что он доложил об этом фон Конраду там же в «Гранд отеле». (Ред.)

{17} А Урбанский утверждает, что Редль отказался от каких бы то ни было показаний и на вопрос комиссии о размерах его измены и о продолжительности таковой ответил, что все доказательства они найдут в его служебной квартире в Праге. (Ред.)

{18} По нашим сведениям, этот документ продал русской разведке один из офицеров оперативного отделения австрийского генштаба, а не Редль. (Ред.)

{19} Урбанский говорит, что лишь на предложение одного из членов комиссии: «Вы можете, г-н Редль, просить о предоставлении Вам огнестрельного оружия», Редль, заикаясь, сказал: «Я покорнейше прошу о предоставлении мне револьвера». (Ред.)

{20} Наоборот, круги генштаба решили скрыть истинные причины смерти Редля. Официальное телеграфное агентство разослало сообщение о смерти Редля, в котором, между прочим, писало: «Высокоталантливый офицер, которому предстояла блестящая карьера, в припадке сумасшествия, находясь в Вене при исполнении своих служебных обязанностей и т. д.» Были даже, в целях маскировки, назначены торжественные похороны с военными почестями. Лишь когда «Пражский листок» огласил тайну, торжественные похороны Редля были отменены. (Ред.)

{21} Урбанский дополняет эту картину: Каждый секретный посетитель бюро незаметным образом фотографировался в профиль и анфас. Для этой цели в висящих на стенах картинах были вделаны объективы фотоаппаратов, управляемых из соседней комнаты.

Незаметно же с посетителя снимался отпечаток пальцев. Для этой цели офицер, занимавший посетителя, предлагал посетителю или посетительнице сигары или конфеты, причем коробки были покрыты слоем «шелкового порошка», спичечница и пепельница, которые посетитель должен был к себе подвинуть, тоже были посыпаны тем же порошком. Если посетитель не льстился ни на сигары, ни на конфеты, офицер вызывался под благовидным предлогом в другую комнату. На столе оставалось специальное дело с грифом «секретно», тоже посыпанное «шелковым порошком». В висящем на стене ящичке, внешне похожем на домашнюю аптечку, был помещен микрофон, соединенный в соседней комнате со специальным самозаписывающим аппаратом, и т. д. (Ред.)

{22} Русское командование экстренно сменило коменданта Ивангорода, назначив вместо неспособного и ненадежного старого генерала инженера-полковника Шварца. (Ред.)

{23} В Радом был отведен на отдых гвардейский кавалерийский корпус. (Ред.)

{24} Прием русской разведслужбы, снабжавшей своих агентов подобными опознавательными знаками. (Ред.)

{25} Современные историки – как российские, включая эмигрантских (в частности, Александр Тарсаидзе), так и западные (к примеру, немцы Хайнц Хёне и Хельмут Рёвер) пришли к выводу, что ни Мясоедов, ни Сухомлинов не были немецкими агентами. Казнь

Мясоедова (как и расстрел французами Мата Хари) была типичным для Первой мировой войны проявлением шпиономании и служила исключительно карьеристским, политическим и пропагандистским целям. (В.К.)

{26} За все время войны 3-й кавказский корпус никогда в составе 12-й армии не был. (Ред.)

{27} В марте 1916 г., после того, как одна из выдвинутых вперед ручных радиостанций была захвачена противником, станции и группы подслушивания получили конспиративное наименование «Пенкала». Это название было взято из популярного рекламного рисунка одной карандашной фабрики, изображавшего голову с огромным ухом.

{28} Неверно. (Ред.)

{29} Местные власти за один лишь 1916 г. поймали 21 шпиона (см. Эмиль Тило «Борьба со шпионажем в Швейцарии», Лозанна, 1917 г.).

{30} Майер только мечтал о диверсиях, но практически ничего не сделал. (Ред.)

{31} В чем же, в таком случае, заключалась «ощутительная диверсионная деятельность русских» – непонятно. Известно, что русская разведслужба в этом отношении больше болтала, чем делала, и в ее актив нельзя записать ни одного более или менее крупного диверсионного акта. (Ред.)

{32} Ронге приписывает разложение русской армии после Февральской революции австрийской пропаганде, кстати сказать, крайне неуклюжей и политически неграмотной, что можно объяснить лишь желанием руководителей австрийской разведслужбы получить ордена и за это дело. Наоборот, пропаганда Ронге и его подчиненных дала возможность русской буржуазии двинуть 18 июня (1 июля) войска в наступление. Австрийские «пропагандисты» предлагали русским солдатам не слушаться офицеров, не стрелять по австрийцам, расходиться по домам и т. д., а сами ничего этого не делали. Агитаторы русской буржуазии великолепно использовали это несоответствие между словами австрийских «пропагандистов» к делами самих австрийцев. (Ред.)

{33} Таких «комитетов» в русской армии не было; были ротные, полковые и т. д. «солдатские комитеты». (Ред.)

{34} Бывший вали (губернатор) Смирнского вилайета.

{35} Явное противоречие: в тексте Ронге несколько раз говорит о русских и итальянских радиограммах, предупреждавших свои войска о том, что австрийцы читают радиопередачи своих противников. (Ред.)